

История

1989

11

Архитектор Гуннар Бернерт. (Материал о нем см. на с. 32—33).

Фото Яниса Эйдунса

Даугава

1989

11

НОЯБРЬ (149)

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ЛАТВИЙСКОЙ ССР.
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1977 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ЛАТВИИ. РИГА

В Н О М Е Р Е:

Проза и поэзия

Карлис ЗАРИНЬШ. Даа рассказа. Перевел Леон Гвин.	3
Юрис КУННОС. Улица Гертруды. Стихи. Перевел Сергей Морейно	26
Сергей МОРЕЙНО. Дело к осени. Стихи	34
Александр СОЛЖЕНИЦЫН. Архипелаг ГУЛАГ. Продолжение	37

Публицистика

Александр ЖДАНОК. Межнациональный конфликт или идеологическая борьба!	57
И. А. НЕЛИПА. Перестройка или начало конца!	75

Обзоры, размышления, рецензии

Гарри ГАЙЛИТ. Вернувшийся бумеранг. Попытка анализа новейшей латышской прозы	88
--	----

Три мнения об одной книге

Ольга НИКОЛАЕВА. «У нас у асех в запасе были крылья»	95
ЭМИЛИЯ. Ничего не случилось	99
Алексей ИВЛЕВ. «Все нормально, все в порядке»	101

(см. на обороте)

В Н О М Е Р Е (окончание)

Культурология

Хосе Ортега-и-ГАССЕТ. Достоевский и Пруст . . .	104
Вадим РУДНЕВ. Уиллард Куайн обо всем на свете . . .	110
Уиллард ван Орман КУАЙН. О том, что есть . . .	112
Картотека Юрасова VIII	118
К нашим иллюстрациям. Архитектура Гунара Биркерта	32
Почта «Даугавы»	124

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

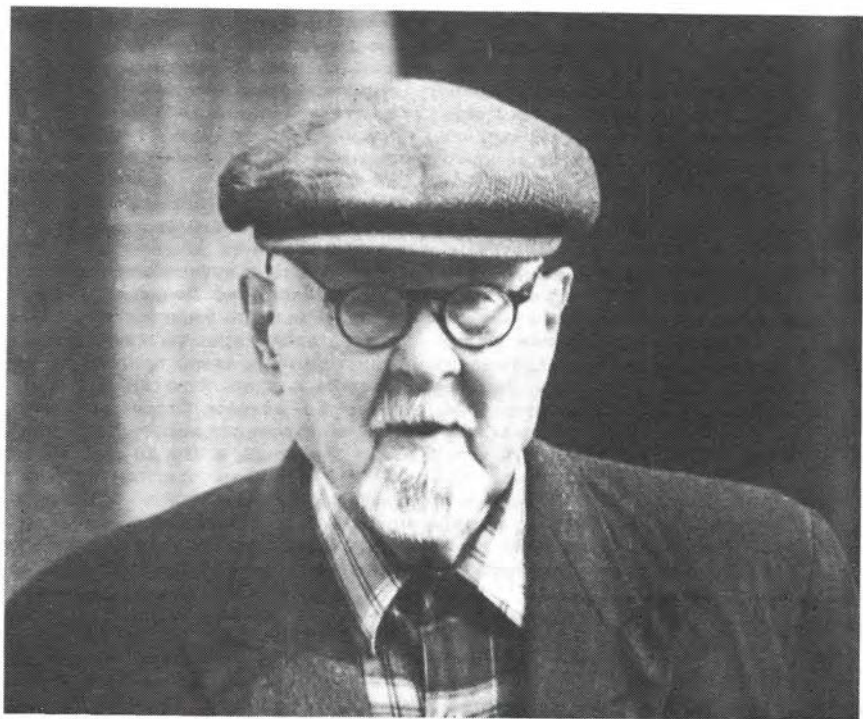
Главный редактор
Владлен ДОЗОРЦЕВ

Редакционная коллегия:

Юрий АБЫЗОВ, Виктор АВОТИНЬШ (отв. секретарь), Людмила АЗАРОВА, Астрида АЛЬКЕ, Улдис БЕРЗИНЬШ, Николай ГУДАНЕЦ, Юрис ДИМИТЕРС, Вика ДОРОШЕНКО, Вячеслав ИВАНОВ, Марина КОСТЕНЕЦКАЯ, Петр КРУПНИКОВ, Григорий НИКИФОРОВИЧ, Янис ПЕТЕРС, Кнут СКУЕНИЕКС, Ян СТРАДЫНЬ, Янис СТРЕЙЧ, Роман ТИМЕНЧИК, Леонид ЧЕРЕВИЧНИК (зав. отделом), Адольф ШАПИРО, Андрис ЯКУБАН (зам. главного редактора).

Редакция

Алла ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ, Илан ПОЛОЦК, Вадим РУДНЕВ

КАРЛИС ЗАРИНЬШ (10.12.1889—30.12.1978)

Карлис Зариньш, чье творчество мы хотели бы представить русскому читателю, прежде всего заслуживает быть представленным читателю... латышскому. Нет, он не эмигрант, родился, жил и умер в Латвии, опубликовался впервые в 1911 году, хотя по-настоящему вошел в литературу в 1920-м, писателем был плодовитым, выпустил в независимой Латвийской Республике, в 20—30-е годы, десять романов и четырнадцать сборников короткой прозы, и к тому еще сочинял пьесы, рецензии, статьи, но тем не менее современный латышский читатель знает его, повторяем, очень и очень мало — как автора одного романа «Каугурцы» (1975), который, правда, благодаря местной героико-исторической тематике сделался у нас весьма популярным (первая редакция этого произведения увидела свет в 1938 г.). Объяснение этого парадокса вовсе не в том, что о Карлисе Зариньше слабо писала критика, хотя это и так: лишь историк латышской литературы Р. Эгле разбирал его творчество в своем обзорном труде, а видный литературовед И. Киршентале — в наши дни. Причина в добровольном, на первый взгляд непонятном, но совершенно закономерном отшельничестве.

Когда говорят, что человек, проживший без малого девяносто, на литературном поприще подвизался три десятилетия, обычно представляешь себе старина, взявшегося за перо на излете жизни. В случае К. Зариньша все наоборот. Как писателя его, подобно другим представителям «потерянного поколения», сформировала первая мировая война, а многократно, растянувшееся тоже на тридцать лет, поставила вторая мировая. Лето 1944 года Карлис Зариньш с семьей, как всегда, проводил в Талси — и очутился в эпицентре Курляндского котла. Кровавая бойня, фильтрационные лагеря, аресты, бегство интеллигенции на Запад, высылки, казни,

доносы, разоблачения, шпиономания, «лесные братья», «истребители бандитов», идеологический зажим, грозные циркуляры о литературе и искусстве, славословия лучшему в мире строю во главе с «отцом народов» — весь этот, казалось, обезумевший мир породил в душе писателя неизбывный страх. Он нашел «политическое убежище» в Талсинском дорожном ремонтно-строительном управлении (!), не давая о себе знать в Ригу, больше всего страшась ненароком напомнить власть предержащим о своем существовании. Литературный образ человека — спелой игрушки судьбы, который подвластен случаю и которым владеют лотаенные силы, этот ремарковско-фиджеральдовский символ утрат, воплотился в неопределенной писательской биографии — Карлис Зариньш выпал из монолитных рядов, «потерялся». Другие варианты — приспособление к внушающей отчужденности действительности, перелицовка старых книг («по Лацису»), уход от социальной литературы а чистое искусство — для него были неприемлемы.

Потом в общественной жизни подул ветерок перемен, слабый брызг, Зариньшу делались предложения, но анахоретство стало привычкой, незанятость — религией, недоверие въелось в плоть и кровь, и в конце концов у него была великолепная отговорка — возраст. Старость, однако, не помешала 78-летнему мастеру засесть за вторую редакцию «Каугурцев» и трудиться над ней шесть лет; это был зов души, а что до переделок, то переписывать себя было одним из его любимых занятий, но — без каких бы то ни было понуканий, спекулятивных побуждений и «социальных заказов». За три года до смерти он держал в руках свою новую книгу и, может быть, испытывал чувство удовлетворения. У него снова была читающая публика — другое поколение, иные люди, они восхищались им, совсем его не зная.

Поразительно, но факт — четырнадцать лет спустя к опубликованному наследию Зариньша не добавилось ни одного тома. А между тем ходят слухи, что в домашнем архиве писателя хранятся несметные сокровища. Не может быть, говорят «знатоки», чтобы человек, призванный Богом к служению литературе, долгие-долгие годы не брался за перо . . .

Нашему журналу келегко было отобрать для перевода «визитки» Зариньша-новеллиста. Рассказ «Ордена» оказался нам актуальным для сегодняшней обстановки в Латвии — ордена-то другие, психология та же. Вторая новелла с характерными для литературы о «лишних людях» героями добавляет какие-то свои, может быть, несколько неожиданные краски иноязычного автора в «петербургский текст» — огромный массив произведений о северной русской столице.

ДВА РАССКАЗА

Перевел Леон Г В И Н

ОРДЕНА

I

Неправда, что Иван Гибуль умер в десятую годовщину Латвийской Республики и прямо на военном параде! Безосновательны также слухи о том, что он величал себя генералом незаконно, имея право не более чем на полковничье звание, да и то в лучшем случае.

Не было этого. Генерала он получил, если верить его словам, из рук самого Деникина — за поддержание порядка при эвакуации Добровольческой армии. «Я был тогда в числе немногих, — охотно объяснял он, — кто сохранил верность царю и отечеству, кого же еще, спрашивается, поощрять по службе».

Почему бы ему и не служить у Деникина, это вполне правдоподобно, поскольку есть достаточно свидетелей, которые своими ушами слышали, как отзывался в 1918 году Гибуль об основании независимого государства на своей бывшей родине: «Латвийское государство? Да кто позволил! Ах, сами? Хотел бы я знать, долгонько ли просуществует это незаконнорожденное государство!» Ссылки на помощь англичан, на то, что союзники в друзьях у Латвии, его не убеждали. «Бьюсь об заклад, — упрямо твердил он, — что эта Латвия и десяти лет не протянет, не то я протяну ноги на ее десятилетнем юбилее».

Поди возрази ему тогда, но впоследствии, при переменявшихся обстоятельствах, сказанному был придан иной смысл. Вернувшись в родные края и убедившись, что самостоятельная Латвия не блажь, а явь, Гибуль снабдил свое прежнее высказывание остроумным комментарием. «У меня, — растолковывал он, пожимая плечами, — конечно, и в мыслях не было ничего дурного. Я имел в виду, что всегда готов отдать жизнь ради процветания моей отчизны».

Но комментарий запоздал, и к тому же сам Гибуль до конца не верил ни в свои пояснения, ни в бытие Латвии — такого оборота ни понять, ни принять он не мог и в минуту гнева и возмущения высказывался красноречиво и недвусмысленно. Что до его возвращения на родину, так ведь не от хорошей жизни: негде было приклонить голову.

«Распорядившись» эвакуацией, он послонялся по Варне и переехал в ожидании нового похода против большевиков в Аграм. Но поход все откладывался, а жизнь в Аграме становилась все скуднее, и как-то раз ему подумалось, что где-то далеко-далеко есть у него, если угодно, отечество.

Ничто его с этой далекой и забытой родиной не связывало, но мысль о возможном участии в сложных делах государственного правления казалась вполне реальной, Гибуля советы дорогого стоят, и тамошние руководители, коли поймут это, могут и должность преподнести по чину. И он распродал на аграмском базаре лишнее барахло, за исключением, конечно, орденов и воинских знаков отличия, выпросил в комитете бесплатный билет до Риги и однажды, утром седым и туманным, простившись с товарищами по оружию, отправился навстречу неизвестности.

Матерый волк не маялся думами о том, куда же он едет и что его ждет, отчизна не вызывала в нем трепета. И все же, когда не то на седьмой, не

то на восьмой день в окне вагона показались чахлые березки и заливные луга его родины, он пригорюнился, как бы припоминая что-то давнее, что-то былое. Но что могло ему вспомниться, приятного было мало. Вот разве детство. Но и оно унылое, будто темный ноябрьский полдень. Самая безобидная, природой из милосердия дарованная человеку радость — смех и то был ему незнаком. Смеяться он не любил, и родители его тоже никогда не смеялись. То ли их суровая религия была тому виной, то ли тяжкая жизнь, кто разберет. Все их помыслы были о завтрашнем дне, а он не сулил ничего хорошего. Мальчонка не раз видел, как отец батрак, сцепив медные задубелые руки, убивается над куском хлеба. Но мать не сдавалась, мать разведала, что стоит перейти в другую веру — и дадут клочок земли предков, больше того, перед сыном все дороги будут открыты. И маленький Янис Гибуль становится Иваном Гибулем, отдают его в русскую школу. Да, да, да, это его детство, и он никому не позволит над ним надсмехаться, черт побери! Ведь так и норовят ужалить, смотрят с подозрением, с людьми держи ухо остро, в чересчур интимные беседы ввязываться не след. А он в интим и не вступает! Да это и непросто, поелику голос у него громовой — трубный глас. Про сокровенное, задушевное, про детство говорится, понятно, голосом кротким и зачарованным, Ивана Гибуля связки такое не могли. А если и пробовали, ежели и казалось ему, что он воркует и лепечет, так то был самообман: парходный гудок, на который мешок нахлобучили, — вот что это было. На военной службе лучшего баса и пожелать нельзя, у Деникина только благодаря зычному голосу выбился в генералы, мог перекричать тысячеглавую толпу беженцев. Голос, сам за себя говорящий и в трудную минуту готовый выручить своего хозяина. Является, к примеру, экселенц и устраивает распеканцию за упущения, за халатность, за разгильдяйство, а Гибуль Иван в ответ на каждую грозную тираду так извинительно рокочет, так всепокорнейше гундосит, что их превосходительство, глядишь, сменяет гнев на милость. Зато ух как гремит этот голос на учениях, парадах и церемониальных маршах! Словно пушечные выстрелы сотрясают воздух; сам Николай, последний российский самодержец, заткнул как-то раз уши, молвив: «Ну и голосище!»

Вот. И нос тоже не располагает к задушевности, эдакая свекольная головка. Правда, в юности Гибуля нежный и чувствительный этот орган ботанического вида не имел, а нынешние цвет и контуры обрел в полевых условиях, отчего владелец его с полным на то основанием может сказать, что и нос свой, служа царю, положил на алтарь отечества. И всякий раз, когда находит на Гибуля интим, ботанический нос краснеет до тончайших прожилок и так жестоко сопит, что уста сладкопевца затворяются сами собою.

Во всем ином Гибуль человек сильный, коренастый, с ясным взглядом и широкой, с проседью бородой лопатой, как у прежних великокняжеских кучеров. Лет ему немало, но моложав, что объясняется спартанством и холостяцеством. Однако спартанское расписане отнюдь не исключает наслаждения жизнью, по собственному вкусу и разумению конечно; точно так же не заказано холостяку ценить женский пол и высказывать к нему всяческое уважение.

||

По прибытии в столицу незаконнорожденного государства он первым делом отправился в отель, снял номер в мансарде и без промедле-

ния спустился в ресторан пообедать. И там, к своему удивлению, наткнулся на бывшего однополчанина, который вмиг его признал.

— Братец-кролик! — воскликнул однополчанин, обнимая Гибуля за плечи. — Кого я вижу!

От неожиданности Гибуль полез лобызаться с приятелем — фамилия того была Данцис, они когда-то служили в одной бригаде, — но вовремя одумался и спросил, что за форма на нем и что означают кубики в петлицах.

— Я полковник, — вежливо пояснил Данцис, глядя на Гибуля увлажнившимися глазами. — А ты? Все еще в капитанах?

— Нет, генерал-майор, — отрезал Гибуль, слегка вздернув подбородок, — мундир у меня в номере.

— Генерал-майор! — повторил Данцис с таким подобострастием, будто перед ним стоял сам Скобелев, и — через паузу — осведомился: — А когда ты успел дослужиться до такого чина? Помнится, в семнадцатом мы с тобой . . .

Перебив его, Гибуль пустился в объяснения.

— Так ты служил у Деникина? — процедил Данцис, оглядываясь, и, чтобы избежать дальнейшего разговора, предложил Гибулю рюмку водки.

— Попробуй, — сказал он. — Наша, национальная.

— В Елгаве пробовал, — пренебрежительно усмехнулся Гибуль, но от водки не отказался и, прикрыв ладонью бороду, опрокинул рюмку.

— Ну, какова? — полюбопытствовал Данцис. — Годится?

— Годится, — кивнул Гибуль, — но с прежней не сравнить.

— Это верно, — согласился Данцис, испустив легкий вздох.

После первого десятка Данцис решился спросить, чем Гибуль намерен заняться на родине, каковы его планы.

— Небось сколотил капиталец, странствуя по свету?

Последний вопрос Гибуль оставил без внимания. Зато не преминул похвалить прежних полковников. Местным полковникам не чета.

— Что поделаешь, — согласился Данцис, — приходится приспосабливаться к обстоятельствам.

— Не путай божий дар с яичницей, — рассердился Гибуль. — Обстоятельства я не отрицаю. Но разве это те обстоятельства, о которых идет речь? Какие тут, в провинции, могут быть обстоятельства? Все от нас зависит.

Голос его крепчал, глаза метали молнии в соседей, словно в ожидании оваций. За соседними столиками и впрямь навестили уши, но лишь потому, что надеялись на веселое продолжение. К счастью, Гибуль вспомнил про орден; как было не показать? Данцис стал отнекиваться, но коренастый Гибуль обнял долговязого приятеля за талию и повел наверх.

Комнатка была обставлена по-спартански, как и положено солдату. Усадив Данциса на единственный стул, он стал вытряхивать содержимое большого обшарпанного чемодана. Вещей было немного: пара сорочек, несколько носовых платков, «Устав» в коленкором переплете, кое-какие мелочи и русский генеральский мундир с эполетами. Гибуль проворно стащил с себя линялую гимнастерку и облачился в блестящий мундир, предварительно сдув с рукавов пылинки. Форма сидела на нем отменно, вид у него и впрямь был генерал-майорский, ничего не скажешь. Данцис даже обомлел и вытянулся в струнку, как перед верховным.

— Сиди уж, — великодушно дозволил Гибуль, отступая на шаг, чтобы его было лучше видно. — Ну? Другое дело, верно?

— Другое, — согласился гость.

Гибуль пригладил эполеты, слегка помявшиися в кофре, и подошел к окну, чтобы жильцы дома напротив тоже могли на него полюбоваться.

А когда он, достав коробочку из-под зубного порошка, в которой лежали ордена, приколот награды на грудь, это было так ослепительно, что Данцис не усидел. Чем больше почтения к старшему по званию, тем ярче светится радость на лице Гибуля. Каждый мускул, напрягаясь, говорит: «Я счастлив, я счастлив, я счастлив». Нос и тот шевелится, и в бороде благолепие.

Гибуль подошел к однополчанину вплотную, дабы тот рассмотрел ордена подробно.

— Гляди, гляди, — сказал он, — каждый день такое не увидишь.

— А это что? — спросил приятель, указывая на один из орденов. — Вроде Георгий?

— Георгий и есть, — отвечивал Гибуль. — С мечами.

— Так ведь мечи какие-то странные. Я таких и не видел.

— Ну так зри, пока дают, — почему-то зарычал Гибуль, присовокупив, что Данцис в офицерских крестах, сразу видно, не разбирается. И поспешно стал разоблачаться, орденов при этом не сняв.

Данцис человек покладистый, спорить не любит, но допустить, чтобы некто Гибуль назвал его невеждой по части орденов?

— Разбираться-то я разбираюсь прекрасно, — промолвил он, — но что правда, то правда: такого Георгия видеть не приходилось.

— Не веришь, что настоящий? — натягивая гимнастерку, исторг из себя Гибуль, и это был львиный рык. — В таком случае нам не о чем толковать. Скатертью дорога! Вон, кому говорят!

И он ткнул кривым паучьим пальцем в дверь.

Данцис, решив, что хозяин шутит, мирно произнес:

— Зачем так кричать — за стенкой бог весть что подумают.

— Пускай думают! Здесь живу я, генерал-майор Иван Гибуль, и всяких там полковников могу с полным правом вышвырнуть вон. С латышами мне разговаривать не о чем. Убирайся!

Нос его посинел, словно в ноздри влили пузырек чернил, светло-серые глаза, еще минуто назад глядевшие весело и доброжелательно, казались, ослепли. Сомнений быть не могло — он не притворялся, комедию не ломал.

— Ну что ж, коли так, разрешите откланяться. — Данцис пожалел, что связался с этим безумным стариком. Пускай себе изгиляется, не все ли равно, лишь бы никто не догадался, кого тут выставляют за дверь. Поэтому, прежде чем уйти, полковник глянул в щелку, не подслушивает ли кто в коридоре. Но коридор, к счастью, был пуст, и можно было ретироваться беспрепятственно.

Оставшись один, Гибуль стал расхаживать из угла в угол. Горький осадок не проходил. «Они, видать, думают, что все мои ордена фальшивые!» — злился он, без малого заболевая при мысли о том, что кто-то может поставить под сомнение подлинность его наград.

Несчастье заключалось, однако, в том (и ему это было известно), что севастопольский еврей, которому он, не дождавшись лучших времен, заказал крест с мечами, подпортил оных мечей форму. Всех дел-то, подумалось Гибулю.

III

Нельзя сказать, чтобы первый день, проведенный на родине, закончился успешно. Но Гибуль не унывал. Впереди столько хождений, столько

дел, что стычка с Данцисом — так, пустячок, и назавтра, пробудившись в прекрасном расположении духа, он о вчерашнем и не вспоминал. Прежде всего следовало заявиться в присутствия. Но вот вопрос — являться самому или рассылать письменные резюме? Гибуль выбрал первый, хотя и более трудный, путь — очень уж хотелось увидеть замороженных правителей, посмотреть, каковы они в деле.

Учреждение, которое он посетил для начала, располагалось в старомодном помещении, и попасть туда можно было, лишь пройдя длинным темным коридором, сильно напоминавшим по запаху казарменную пристройку, так что даже ко всему привычный нос Гибуля морщился и кривился.

В приемной пришлось изрядно обождать. В зарубежных странах, например в той же Югославии, он и не вздумал бы сетовать на долгое ожидание, но никак не мог взять в толк, отчего это здесь, дома, царят те же бюрократические порядки. Он винил и писемоводителей, и писарей в невежливом с посетителями обращении, хотя прежде в России доводилось ему не раз испытывать подобное, да еще когда был в форме капитана. «Жаль, не нацепил генеральских эполет, — подумал он, — тут бы они заплясали!» Наконец его впустили к столоначальнику.

— Что вам угодно? — осведомился начальник, но, взглядевшись в лицо Гибуля, выронил карандаш и звонко хлопнул в ладоши.

— Ты посмотри! — воскликнул он. — Кто бы мог подумать, старина! Каким ветром тебя занесло в наши края через столько лет?

Оказалось, они приятельствовали давным-давно, куда раньше, чем с Данцисом. Фамилия начальника была Старпиль, они учились в школе юнкеров, а внешностью Старпиль — точь-в-точь Гибуль, разве что одуловатее, да нос поменьше, совсем крошечный носик, как голубиное яйцо в орлином гнезде.

Превозмогая ревматизм, Старпиль встал со стула и пошел навстречу Гибулю, широко раскинув руки, как борец на ковре. Гибуль тем же манером заключил толстячка Старпилю в могучие объятия, тот едва успел выдохнуть:

— Значит, жив курилка?

— И как еще! — ответил Гибуль, размыкая обруч.

Они уселись рядышком и предались воспоминаниям, далеко не мрачным.

— А помнишь . . . — говорил Старпиль.

— Нет, а ты помнишь . . . — вторил ему Гибуль.

— Ах, что ты все о тележной мази, а не забыл, как тебя новый попечитель округа чуть на фронт не отправил?

— Чуть . . . Я и без того там побывал, — с гордостью сообщил Гибуль.

— Ты? Когда же ты успел? — вскрикнул Старпиль. — До семнадцатого мы, как два старых бурундука, сиднем сидели в интендантском ведомстве.

— В семнадцатом! — фыркнул Гибуль. — А потом были восемнадцатый и девятнадцатый, к твоему сведению.

— И что с того?

— Сражался против большевиков.

— А-а!

— «Бэ»! Я ведь, дружище, генерал-майор.

И Гибуль огладил бороду раз, другой, третий, пятый, как бы призывая ее в свидетели, что он действительно генерал-майор.

— Да, да, — кивнул Старпиль. — Так ты и велел о себе доложить. Счастья тебе.

От воспоминаний о былом они перешли к грешным будням, причем Старпинь заметил, как бы невзначай, что настоящие служаки очень нужны Латвии и Гибуль правильно сделал, приехав домой.

Старого генерала это тронуло до слез.

— Еще бы, — произнес он с чувством, — я ведь, как-никак, латыш!

От Старпиня он ушел в превосходном настроении и, выйдя на улицу, впервые купил латышскую газету, до сих пор только по-русски читал. Не читалось, однако, мысли разбегались . . . надо бы нанести визит руководителю того учреждения, которое порекомендовал ему Старпинь, это во-первых, а во-вторых . . . тут не мешает обдумать, что лучше — принять дивизию или . . . не продешевиться бы.

Не оставляй на завтра то, что можно сделать сегодня. Следующее учреждение находилось в другом конце города, в помещении, где казармой и не пахло. Совсем наоборот, в воздухе витал аромат дамских духов, что и неудивительно, так как в этой конторе было полным-полно дам, и прехорошеньких. Гибуль даже смутился, не зная, к какой из них обратиться. Его выручила дама постарше, спросив, что ему, собственно говоря, угодно. Как прирожденный кавалер, посетитель подкрутил ус и пояснил, что ему нужен начальник, и срочно, так как он сам есть генерал-майор Гибуль.

Дама впорхнула в кабинет и через минуту пригласила Гибуля пройти.

«Нет, их учреждения не так уж плохи, — подумал Гибуль, прикрывая за собой дверь, — может быть, сработаемся».

Начальник оказался из молодых и вошедшего не узнал.

— Может, слышали о генерал-майоре Иване Гибуле? — Посетитель вальяжно откинулся в кресле с видом весьма независимым.

Увы, не слышали. Но зато в вежливости им не откажешь, стоило Гибулю достать папиросу, как ему были предложены спички: — «Господин генерал, прошу!» Но во взгляде холодных вопрошающих глаз что-то не то, чужое, враждебное.

— Давно служите? — недовольно прогудел генерал-майор, сердясь, что с этим человеком быть откровенным невозможно.

Начальник охотно дал справку, с какого года в армии, но Гибуль слушал вполуха. Наконец генерал-майор выложил все, что у него наболело, и смолк. Молчал и начальник, как бы не зная, что сказать после всего этого. Опомнившись, он стал расспрашивать Гибуля, где и за что ему присвоили генерала, записал все на бумажке и на прощание сказал:

— Я поговорю с министром, господин генерал.

Гибуль понял, что разговор окончен и следует откланяться. Но на душе у него сделалось мерзко, можно сказать, до того мерзко, что он чуть не обругал вежливого начальника, а с чего бы? Да, действительно, он не услышал от собеседника ни одного дурного слова, и все же ощущение неудовлетворенности не проходило, не странно ли? И только потом, уже доложившись Старпиню, он понял, отчего ему было не по себе — обходительный молодой человек всего-то полковник, нет, меньше, полковник-лейтенант, по-русски, значит, подполковник. От кого зависит его зачисление в армию?! Ну это было бы еще куда ни шло, не будь он, Иван Гибуль, генералом — а так просто немислимо, невероятно!

IV

Неприятное чувство несколько сгладилось после встречи с ветеранами-отставниками; как выяснилось, кроме Старпиня и Данциса в столице отечества проживает огромное число бывших царских офицеров,

например Корней Богданович Нечихайко и многие другие. Они, правда, не состояли на армейской службе, а обитали в этой глуши на положении беженцев. Тем лучше! Уж с ними можно было облегчить душу без всякого притворства, brave солдатские сердца бились в унисон с его, Ивана, сердцем. Взять Нечихайко — какой приятный человек, к тому же доподлинный довоенных времен генерал, да еще командир того самого полка, где он, Гибуль, был когда-то заместителем начальника хозчасти. Откровенно говоря, в ту пору Нечихайко не казался симпатягой, любил горлом брать и по делу и без надобности, но сейчас все видится в другом свете — очень даже милом — и вдохновляет на воспоминания о настоящей ратной жизни со всеми ее лишениями. Хочется иногда, чтобы генерал наорал на него, как встарь, — скажем, отчего дров недостает, верно, украл три сажени и пропилил, мол, под суд мерзавца. Как он топал при этом ногами, словно они у него стыли, а пенсне, вечно перекуривленное, срывал с переносицы, чтобы не разбилась от сотрясения. Чудные были времена, жаль, поздно сознаешь, что потерял, да и помочь ничем нельзя, расстройство одно. Корней Богданович давно уж не изволят сердчать, а ногами все больше шаркают. И только пенсне на шнурке, как двадцать пять лет назад висело, так и висит, и заслуженное это пенсне Ивану Гибулю, пожалуй, милее, чем сам его хозяин.

— А скажите-ка, Корней Богданович, — втемяшилась вдруг однажды Гибулю нехорошая мысль, — то ли это пенсне, что вы носили в Бугульме?

— Нет, — устало улыбнулся Нечихайко, потеряв переносицу, — это недавно куплено. Старое, увы, разбилось.

— Увы, — согласился Гибуль. — Вот у меня, к примеру, ни одной реликвии с прежних времен не осталось: при эвакуации все потеряно. Даже ордена и те пришлось заказывать сызнова у жидов. Все уходит.

— Уйдем и мы, — смиренно подвел черту Нечихайко.

Жил он очень бедно, можно сказать, нищенствовал. В Латвии очутился неизъяснимым образом, как будто родно искал, хотя не было у него в этих краях ни родных, ни близких и быть не могло. А теперь прирос, прикипел, с места не сдвинешь. Благодаря сердобольным людям влачил жалкое существование, снимая угол — на комнату не хватало.

— Потерпите, Корней Богданович, — великодушно утешал его Гибуль, — приму дивизию — вас не оставлю.

— За что буду вам весьма признателен, — отвечал Нечихайко.

С дивизией, однако, продвигалось туго. Когда Гибуль стал проявлять настойчивость, ему дали понять, что министр задерживает решение из-за отставки правительства, а в пору правительственного межвременья назначения обыкновенно не делаются.

— Все ваше правительство одно сплошное межвременье! — с горечью воскликнул Гибуль.

Он ожидал, что после сих дерзких слов его на месте арестуют и предадут военному трибуналу. Но нет, на его откровенность чины отнюдь не обиделись, только глупо усмехнулись, что поразило его окончательно.

«Жалкие трусы! — подумал он. — Ладно, ладно, это мы zapomним!»

Но правительственный кризис подошел к концу, а дивизия приказала долго ждать. Гибуль всячески изоощрялся в уме, как бы убедить доморощенных правителей, что дивизия ему действительно нужна, но ничего путного придумать не мог. Он был наслышан об интригах и хороших связях, которые всегда помогают, но как до них добраться, интриг и связей, было неясно. Он пошел к Старпину и поведал ему о своем горе.

— Может, присоветуешь на правах друга, — произнес он со значением.

Но Старпинь оказался ничуть не мудрее, оно и понятно: воспитывались в одинаковых условиях.

— Чего тебя не берут, не пойму, — удивлялся Старпинь. — Опытные военные нам очень нужны.

И Гибуль был того же мнения. Но в ответ на его намеки, что неплохо бы Старпиню разъяснить эту истину тем, кому она пока неизвестна, друг-приятель сообщил, что его рекомендации всерьез не принимаются и сам он сидит не в кресле, а на ветке, которая того гляди подломится, дай бог досидеть до пенсии.

Гибуль был сбит с толку. Какая связь между его делом и пенсией Старпиня? И к чему эти оттяжки? Время шло, ничего не менялось, и, снедаемый нетерпением, он вновь отправился к полковник-лейтенанту.

— А почему, собственно, вы хотите именно дивизию? — спросил тот.

— Как-с? Но ведь я генерал-майор! — с самым невинным видом воскликнул Гибуль.

Или дивизии, считают, мало? Непонятно. Он и впрямь чего-то недопонимал. Но потихоньку картина стала проясняться: дивизии ему не видать как своих ушей. Этот удар оказался куда более чувствительным, нежели изгнание Добровольческой армии. Когда Гибуль сообразил, что дивизии, они полагают, много, он от возмущения едва не задохнулся. Чемодан в руки — и прочь отсюда. Но, по здравом размышлении, возник вопрос — куда? И будет ли там лучше? И где это — «там», что за страна Там-тамия? Старая его башка не ведала ответа, и тут он, надо сказать, впервые в жизни пихнул чемодан ногой под кровать, приговаривая: «Мало я таскал тебя с собой? Полежи-ка, отдохни. И не думай, что я тебя умоляю».

Оправившись от первого потрясения, Гибуль старался не подавать виду, что огорчен, мол, все путем. «Скоро должность дадут с содержанием, — рассказывал он генералу Нечихайко, — и заживем». О дивизии он больше не заикался и вообще не думал, какова будет новая должность: этот вопрос сразу сделался ему безразличным. Зато любил он помечтать на пару с Корнеем Богдановичем, как наймут они квартиру и будут по вечерам чай гонять, обсуждая старые добрые времена. Один у него теперь идеал остался, ничего другого и ненадобно.

Чудо свершилось, нашлось местечко. Не дивизия, конечно, и даже не полк, а в остальном . . . сойдет. Еще недели две тому Иван Гибуль с презрением и негодованием отверг бы это никудышное, хотя и теплое местечко, но, видать, оно его поджидало, знало — отказа с его стороны не будет. А умное какое, умеет пользоваться тем, что человек в безвыходном положении. «Не жалею об этой картофельной армии, — шепнуло, — она тебя недостойна». И Гибуль всерьез уверовал, что никогда и в мыслях не держал вступать в Латвийскую армию, тем более, что она его действительно недостойна.

V

Судебный исполнитель — вот как именовалась его новая должность. Один бог ведает, как она ему досталась, но судя по солидному тону его речей и прочим признакам общественного благополучия, он был ею более или менее удовлетворен. Чувствовал он себя здесь не хуже, чем во главе армейского подразделения, и мог накричать на любого, словно перед ним стоял не цивильный человек, а солдат. «В неделю покроете долги, — орал он, — не то с молотка пуцу, в рубище по свету».

Что место было стоящее, о том свидетельствовала его борода — густая, холеная, как никогда.

Он даже квартиру снял и, сдержав обещание, пригласил к себе в приживальщики старого генерала Нечихайко. Кроме вывески судебного исполнителя к дверям прикрепили еще одну дощечку: «Генерал Иван Гибуль, генерал Корней Нечихайко». Гибуль, правда, предложил, чтобы Нечихайко, как старший по званию, поставил свою фамилию вперед, но Корней Богданович воспротивился, заявив, что квартира ему не принадлежит и вообще у Гибуля больше прав на первое место. На том и порешили.

По вечерам они либо отправлялись в кинематограф, либо сидели дома и вспоминали былое. Случалось, Гибуль заводился и затыгивал «Боже, царя храни!». Нечихайко этакая смелость пугала.

— Не бойтесь, — успокаивал его Гибуль, — здесь у них полная свобода, все можно.

Как-то, во время одного из таких приступов ностальгии, он обмолвился, что старые времена скоро вернуться и через полгода они оба с триумфом войдут в Санкт-Петербург.

— Сомневаюсь, — сказал Нечихайко, — доживем ли.

— Пари, — предложил Гибуль. — На что хотите?

— У меня ничего нет, — уклонился Нечихайко, — а не то поспорил бы.

— Ладно, — вскричал Гибуль, — вы ничего не ставите, а я ставлю свои ордена.

Нечихайко старался его отговорить, все зараз ни к чему, достаточно одного, а лучше без орденов, но Гибуль был непреклонен.

— Дозвольте уж мне эту радость, — твердил он, — я хочу доказать вам, что мои слова сбудутся. Какое сегодня число? Четырнадцатое? Ну-с, так — четырнадцатого мая мы войдем в Петербург.

— А вы, однако, человек горячий, — усмехнулся Нечихайко.

— Ничуть, — отрицал Гибуль. — Я знаю, что говорю.

И он стал ждать, сбудется ли предсказание. Появилась новая надежда, новый идеал. Он даже газеты теперь читал внимательнее, особенно новости из-за рубежа, пытаясь выудить в них некий знак грядущих перемен в России. А ежели сообщения были малоутешительными, чертыхался, что в газетах одну дрянь пишут, верно, куплены на корню жидами и большевиками. Но стоило появиться сведениям о расколе среди коммунистов, о вспыхивающих там и сям крестьянских восстаниях против советской власти, он размахивал газетой с таким возбуждением, как если б увидел в таблице крупных выигрышей номер своего билета. В кабак, немедля в кабак, и петь «Боже, царя храни!»

— Ага, что я говорил, — рычал он на ухо старику Нечихайко. — Там заварилась каша. Ну, держитесь.

— Пустое, — отмахивался Нечихайко, — я об этом и думать забыл.

— Забыли? — недоумевал Гибуль. — Кто же тогда будет думать, если не вы? Или боитесь проиграть пари?

Он и впрямь иногда отказывался понимать старого генерала. Стар-то стар, но ведь это не повод, чтобы проявлять такое равнодушие к судьбе империи.

— Вот вам притча про муравья, — как-то решил объяснить Нечихайко. — Муравей заполз ко мне в столовую и стал бегать по обеденному столу, пока не наткнулся на кусочек сахара . . . М-да, о чем бишь я? Ах вот, муравей и сахарная крупинка. Битый час он суетился вокруг, пытаясь сдвинуть ее с места. Я долго наблюдал за ним, радуясь его прилежанию. Вот, в сущности, все . . . что я хотел сказать? . . . что именно? . . . Ах да, я не знаю, куда подевался тот муравей. Его больше нет. Был — и сплыл. И я не вижу его прилежанию никакого оправдания . . .

Гибуль слушал, кивал, но поверить генералу было трудно, просто не хотелось верить. Так что же . . . и его прилежание неоправданно? Да или нет? А если нет? Но пока его занимает петербургский вопрос. Неужто он проспорит? Сообщения о мятежах и расколах слишком часто оказывались преувеличенными, а то и вовсе сходили на нет.

Между тем время шло. Настало Рождество, близилась весна — переменаи и не пахло. Как раз наоборот — молись не молись, а все без перемен.

— Не выходит? — поддевал его иногда Нечихайко, но по наступлении назначенного срока сделал вид, что запомывал и о заключенном пари, и обо всех переменах, будь они неладны.

Четырнадцатого мая в матушке-России все оставалось по-старому.

— Я проиграл, — глухим дребезжащим голосом вымолвил Гибуль, — мои ордена — ваши.

— Ничего не знаю, — отрезал Нечихайко, — какие ордена?

— Те, на которые я спорил. — И Гибуль достал коробочку из-под зубного порошка со звездами и крестами.

— Вот, Корней Богданович, извольте-с.

Пальцы у него слегка дрожали, но он мужественно протянул свои награды, присовокупив при этом:

— Впредь храните мои ордена у себя.

— Не приму-с, — решительно оборонялся Нечихайко. — Не желаю. Ордена не мои, а что до моих, то они остались в России.

Он отстранил от себя блестящие металлические и эмалированные побрякушки, словно это были адские машинки; Гибуль продолжал настаивать на своем: пари есть пари, иначе он смертельно обидится. Нечихайко, видя, что Гибуль все принимает близко к сердцу, уступил наконец настояниям друга и, завернув ордена в бумагу, сунул их в карман.

— Но только с таким условием, что мы возобновляем пари на полгода, — сказал он.

— Согласен, — воскликнул Гибуль.

— Причем вы со своей стороны не ставите ничего, а я — ваши ордена.

Великодушный Гибуль не хотел принимать это предложение, но был вынужден, поскольку Нечихайко заявил, что в противном случае ордена не возьмет, а для вящей убедительности выложил пакет на стол.

— Коли и на сей раз ваша возьмет, — постановил Гибуль, — ордена остаются у вас навечно.

Нечихайко не возражал.

VI

Пари захватило Гибуля целиком, он ни о чем другом не мог ни думать, ни говорить. Вся его жизнь сосредоточилась вокруг четырнадцатого ноября, когда решалось, кому окончательно отойдут кресты и звезды. Чувства его раздвигались, иногда он ловил себя на том, что не ждет больше в России перемен. Но в действительности то была минутная слабость, которую он подавлял могучим усилием воли.

Нечихайко, напротив, из деликатности молчал о событиях, если таковых не было, и искусно раздувал их, когда они становились ему известны.

— Теперь и я начинаю верить, — говорил он, — что осенью мы войдем в Петербург.

— Это вы только так говорите, — вздыхал Гибуль.

— Но однажды это случится, — повторял Нечихайко. — В этом, я полагаю, мы единодушны.

Разговор возобновлялся что ни день, они старались перещеголять друг друга в чуткости и такте. Когда выяснилось, что последние

сведения о перевороте снова оказались преувеличенными, Гибуль отшвырнул газету и произнес:

— Вы ошиблись, Корней Богданович.

— Это, мой милый, совершается без участия газет, — ответил Нечихайко. — Вспомните, как было в семнадцатом году. Разве мы что-нибудь знали?

Гибуль вынужден был согласиться, что тогда они действительно ничего не знали. Но время шло, а перемены не наступали. Теперь им стало более чем ясно, что до 14 ноября Петербург взят не будет, в целом мире нет такой силы. «И дернул меня черт заключать это пари!» — в сердцах громыхнул однажды Гибуль в минуту слабости. Но тут случилось нечто совершенно неожиданное: вернувшись как-то раз со службы домой, он нашел входную дверь запертой, причем ключ торчал изнутри. Провозившись целый час и удостоверившись, что с Нечихайко стряслась беда, он позвал дворника и слесаря и с их помощью отомкнул замок. Нечихайко, разумеется, был мертв.

Старик генерал сидел на краю постели, облокотившись о стену, и, по виду, дремал. Но когда Гибуль схватил его за руку, она оказалась окоченевшей. Разбитое пенсне валялось на полу.

На самом деле смерть Нечихайко не была неожиданной, в последнее время он сильно сдал и не выходил даже из комнаты. Но Гибуль, не обладавший даром предвидения, был потрясен случившимся и только и мог вымолвить: — «Дорогой друг, на кого ты меня покинул!»

Кончина Нечихайко представлялась ему непоправимым горем, с Корнеем Богдановичем уходила какая-то частица его самого. Вот здесь они сживали, здесь вспоминали минувшее — и теперь одного из них больше нет. Когда Гибуля грызли сомнения, он всегда находил поддержку в приятеле — словно живой памятник, тот олицетворял собой прошлое, свидетельствовал, что оно не приснилось им, а существовало в действительности. Нечихайко был ему больше, чем друг, больше, чем брат, — и вот его нет! Кому, чему теперь верить? Как тот муравей, исчез навсегда и его наблюдатель, а еще через пару лет, когда умрет Гибуль, никто не сможет сказать, были ли вообще такие люди на свете. Какая загадочная, какая мистическая комедия! . . .

Генерала положили в гроб, и Гибуль вспомнил про ордена. Он вспомнил про него потому, что из чувства благодарности, из уважения, из пиетета к генеральскому званию ему захотелось приколоть их к груди усопшего. Правда, по обычаю полагалось ордена оставлять близким покойного, но у генерала вовсе не было имущества, следовательно, ордена эти скорее всего можно было расценить как память о друге. Но куда же они запропастились? Гибуль переворошил скудный скарб Нечихайко, он рылся даже в его карманах, однако без толку: ордена или украли, или, что уж совсем невероятно, Нечихайко их продал, подарил кому-нибудь как свои, либо заложил. Так или иначе, они не отыскались, что вконец опечалило несчастного Гибуля. И чтобы старый генерал не ушел в мир иной без всяких знаков отличия, был заказан, срочно изготовлен и прикреплен к груди покойника обыкновенный Георгиевский крест. Он и долженствовал означать похороны с воинскими почестями, ведь, кроме Гибуля, могильщиков и двух-трех любопытствующих старушек, Нечихайко никто не провожал.

Оставшись без друга, Гибуль ощутил такое глухое одиночество, что все чаще стал задумываться о смерти и бренности бытия. Работа, конечно, доставляла некоторое развлечение, но куда прикажете деваться в длинные осенние вечера. Он купил граммофон и по случаю несколько пластинок со старыми маршами, а одну даже с гимном «Боже, царя хра-

ни!». Дорогое это было приобретение. Эта пластинка ставилась только по великим праздникам и в день тезоименитства государя императора. Тут он облачался в мундир, цеплял к фуражке кокарду русского офицера и, заведя граммофон, стоял навтыжку, отдавая честь, пока не смолкал гимн. И это ничуть не казалось ему пошлым! Нет, он рыдал: тяжелые крупные слезы катились по задубевшим щекам, исчезая в свалявшейся, как шерсть мытого пуделя, бороде.

Годы шли. Четырнадцатое ноября непременно разочаровывало, и ордена, даже если бы и нашлись, уже раз десять были бы проиграны. Но они нашлись. Доставая как-то в день памяти по убиенному государю мундир, Гибуль увидел за подкладкой чемодана какой-то сверточек и в нем . . . ордена. Видно, милосердный Нечихайко спрятал их там, чтобы доставить сюрприз другу. Но Гибулю ордена больше не понадобились: он преставился осенью того же года, четырнадцатого ноября, не дожив четырех дней до десятилетия Латвийской Республики. Так что слухи о том, что он умер в день ее юбилея, не имеют под собой никаких оснований.

1929

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РАССКАЗ

I

Если могучие проспекты — это великие, закованные в гранит реки, то узкий и сумрачный Ораниенбаумский переулок — не журчащий ручей, несущий воды свои старшей сестре, а скорее тихий, сонный рукав; если проспект гудит день и ночь не смолкая, то здесь, в двух шагах от большого города, властвует бесплотный захолустный покой. И дома в этой улочке деревянные, не в пример массивным каменным зданиям, украшающим главные магистрали. В одном из таких домишек, саженьях в десяти от перекрестка, размещалась букинистическая лавка Закалова.

Иван Иванович Закалов вечно пребывал в сонорезном состоянии, отчего драма, которая разворачивалась в его крохотной квартирке, была надежно скрыта от посторонних. В тот вечер он тоже подремывал, прислонившись к книжному шкапу; напротив, в углу, укутав плечи пуховым платком, сидела Зинаида Крюденер. Она курила пахитоску и, заслоняясь от табачного дыма, держала перед глазами томик французских стихов.

— Послушайте, Иван Иванович, вот это место:

Mon Dieu, mon Dieu, la vie est là,
Simple et tranquille . . .

— А? — встрепенулся Закалов.

— Опять вы спите! — Зинаида Крюденер засмеялась.

— Ничуть, — виновато сказал Закалов, шевеля густыми бровями, — я обдумываю, видите ли, современное состояние философии.

— Скажите на милость, состояние философии! Что вы в этом находите?

Зинаида Крюденер положила томик на колени и поплотнее завернулась в платок. В густеющих сумерках блеснули крупные золотые серьги.

Закалов охотно пояснил:

— Испробованы все пути отыскания истины, однако же дух зашел в тупик. Релятивизм не способен устоять перед серьезной критикой; монизм и Марбургская школа . . .

— Ах, оставьте! — резко перебила Зинаида. — Это я уже от вас слышала.

Закалов умолк. Он погладил бороду, платиновую, пышную, точь-в-точь как волосы Зинаиды Крюденер, и взглянул в окно, единственное во всей лавке. В его светлых глазах покорность мешалась с немим восхищением.

— Вы правы, — сказал он после паузы, — я повторяюсь.

Зинаида скривилась, но ничего не ответила. Подобно Закалову, она стала смотреть в окно, на вывеску мясника Гутнова. В мясницкой горело электричество, Гутнова это не разоряло. Закалов же довольствовался керосиновой лампою, которая чадила и дымила разом.

Старой даме надоело разглядывать виды, она поднялась с кресла и подошла к Закалову.

— Вам дурно, Иван Иванович?

— Нисколько, Зинаида Карловна.

Закалов поцеловал сухую, жилистую ручку и на мгновение задержал ее в своей.

— Какие у вас холодные пальцы, — промолвил он, — может, зато-пить?

Зинаида положила ему руку на плечо.

— Нет, Иван Иванович, холод тут ни при чем.

— Зинаида Карловна!

— Что, милый?

— Зимними вечерами так тоскливо.

— Ах, что за чепуха! Разве вы не знаете, я терпеть не могу сантиментов!

— Это сокровенные чувства, Зинаида Карловна.

— Перестаньте! Заветное — удел молодежи, а мы не дети.

— Это неверно! На самом деле только в наши годы понимаешь что есть душа.

— Душа — это клубы папиросного дыма.

— Папиросного дыма! Я часто слежу, как вы пускаете дым кольцами. Они складываются в удивительные фигуры и тают, как сладкие мечты.

— Фантазии! Мы с вами пожилые люди, и сладостные мечтания не про нас. На что это похоже!

Закалов заслонил глаза ладонью.

— Да, старость, — сказал он раздумчиво. — Может быть, вы и правы, Зинаида Карловна. Как ужасно сознавать, что пути назад отрезаны. Нет большего проклятия, чем реальная действительность.

— Вы попрекаете себя прошлым? — В душу Зинаиды закралось сомнение.

— Нет, не попрекаю, — разволновавшись, отвечал Закалов. — Бог мой, как вы могли подумать! Я никогда ничем . . . Я даже не знаю, что означает это слово.

— Ну, конечно, вы деликатная натура. Однако прислушайтесь, на улице что-то происходит.

Зинаида Карловна повернулась к окну.

— Это метель, — сказал Закалов. — Видите, с проспекта нагнало кучу снега. Ого как завывает! Премерзкая погода.

— А я, наоборот, люблю. Будь мы помоложе, Иван Иванович . . .

— . . . поехали бы сейчас на острова кататься на санях . . .

— Угадали. Я обожаю кататься в санях, особенно по Каменноостровскому. Но теперь это, увы, невозможно. И незачем! Так, обмолвилась. Лучше сидеть взаперти и глядеть в окошко. Смотрите, шляпа улетела!

— Ветром сорвало. А владелец за ней вприпрыжку!

— Ой, я сейчас со смеху помру! Это какой-то студентик, глядите, как он ее ловит!

Зинаида на мгновение прижалась носом к оконному стеклу и тотчас пошла открывать двери. В лавку влетел молодой человек — тот самый, что пытался поймать непослушную шляпу. Зинаида беззучно притворила за собой дверь в смежную комнату. Закалов остался за прилавком и вопросительно воззрился на пришельца. Поздоровавшись, студент спросил книг по электротехнике.

— Электро-технике? — протянул Закалов. — Вам вообще или по частной проблеме? Кое-что у меня найдется.

— Вообще, — неуверенно отвечал студент.

Закалов повернулся к полкам и, потеряв подбородок, уставился на потрепанные корешки. Он доставал с полки том за томом и выкладывал их на прилавок. Студент брал книгу, листал ее, откладывал в сторону и брал следующую.

Выложив перед покупателем стопку книг, Закалов встал на табурет и зажег массивную керосиновую лампу, загудевшую, как самовар.

В магазине сделалось чуточку светлее. Студент проглядел литературу, но ни на чем не смог остановить свой выбор.

— Других нет?

Закалов снова обернулся к полкам:

— Нет.

Студент повел худыми плечами.

— На нет и суда нет. Увы!

— Будьте здоровы! — промычал Закалов, провожая задумчивым взглядом удаляющуюся фигуру, и мотнул головой.

Сделка не состоялась. Закалов расставил по местам книги и тяжело опустился на стул, как после трудной работы.

Через минуту в дверном проеме показалась Зинаида Крюденер. Она курила.

— Ушел, — вздохнул Закалов, — только книги мои потревожил.

Но Зинаиду дела не интересовали. Она уселась в свое кресло, укуталась в платок и взяла новую пахитоску.

— Не мешало бы затопить, — проговорил Закалов. — Вы посидите в лавке, пока я приду?

Этот вопрос он задавал каждый вечер.

— Ступайте, — ответила Зинаида.

Закалов вышел в смежную комнату, одновременно служившую ему и квартирой и кухней. Постановивая, старый букинист стал возиться с дровами. Поленья долго потрескивали, прежде чем заняться пламенем. Управившись с огнем, Закалов прикрыл дверцы, чтобы уменьшить тягу, и вернулся в лавку.

Зинаида Карловна недвижно сидела в кресле и, вздымая брови, провозжала взглядом колечки дыма.

— Вот как! — приснул Закалов. — И вы предаетесь голубым мечтаньям! . . . Разве они не прекрасны?

Зинаида Карловна швырнула пахитоску на пол и смяла ее каблучком.

— Нет, — сказала она, — я определенно вам в тягость. Рассиживаюсь, дымлю, а вы работаете . . . Я даже не помогаю вам растапливать печурку . . . Как долго это может продолжаться!

Закалов затряс бородой.

— Что вы такое говорите, Зинаида Карловна! Что вам взбрело в голову! Какая работа?

— Я существую вашей милостью. Или вы думаете: она ничего не понимает? О нет, я ничего не забыла, дружочек. Все понимаю.

— Ради бога, оставьте это! Не надо!

Закалов осип. Он подошел к Зинаиде Карловне вплотную и вдруг сник, ноги подкосились. Но колени отказывались сгибаться. Он устоял, взял в ладони ее холодную руку.

— Мне грустно, что вы такого мнения! Я ведь . . . ведь я ради вас живу. Вы мне не верите?

— Я верю вам, Иван Иванович, — смягчилась Зинаида и прижалась щекой к руке Закалова. — Вы очень добры ко мне.

— Опять! — воскликнул Закалов, отнимая руку. — И почему вы все твердите, что я добр? Вы по-прежнему меня не понимаете.

— Что поделаешь, если я такая! Мне кажется, что я поступаю дурно, когда ем ваш хлеб.

— Но Зинаида Карловна!

— Ну, разумеется! И эти пахитоски тоже ваши. Все, все ваше, но я не могу вознаградить вас ни поцелуем, ни даже улыбкой. У меня, Иван Иванович, ничего больше нет за душой.

Закалов зажал уши.

— Не слышу, ничего не слышу! — заупрямился он, как капризный ребенок.

— Вы божественны, Иван Иванович! — улыбнулась наконец старая дама. — Я умолкаю. Ну, отнимите же ладони.

Закалов опустил руки и покачал головой.

— Я понимаю, вам тут скучно, — подумав, сказал он. — Вы мечтаете о блеске.

— Нет, Иван Иванович, ошибаетесь. Мне здесь очень хорошо. Я бы не желала ничего другого, только вот ощущение неловкости . . . если бы не это.

— Вы не можете привыкнуть к бедности, — продолжал старик. — Вам холодно и одиноко. Ваши пальчики, как ледышки.

— Мне здесь хорошо, лучше, чем я того заслуживаю.

— Снова не то! Ваша жизнь была полна блеска! Вы и подумать не могли, что однажды вам придется прозябать в кротовой норе. Это чудовищно . . . я вас очень хорошо понимаю. Я понимаю . . .

— Ничего вы не понимаете! — вскрикнула Зинаида Карловна. — Кто былое помянет . . . А о будущем я не задумываюсь, правда. Меня оно так же не трогает, как ваша философия. Но . . . но, может быть, вам я верила . . . немного.

— Вы — верили?

— Женский инстинкт. Я чувствовала, что во всем мире есть единственный человек, который любит меня . . . Не смотрите так, не вгоняйте меня в краску. Мне кажется, говорить вслух о таких вещах неприлично. Ну, пожалуйста, не надо!

Закалов стал покрывать холодные руки Зинаиды поцелуями.

— Вы — мне — верили?

— Да, Иван Иванович, все это время.

— Благодарю, Зинаида Карловна, теперь я на седьмом небе.

— Вы одни способны так любить. Ах, если бы я могла отблагодарить вас за эту великую любовь! Будь у меня сейчас хотя бы искорка того огня, который горит в нас в юности!

— Вы в моих глазах ничуть не изменились, вы такая же, как сорок лет назад.

— Сорок лет! Это огромный срок.

— Я перестал чувствовать время.

— Не скажите, Иван Иванович! За сорок лет можно или завоевать счастье, или потерять навеки.

— Нет, я обрел его только теперь. Сознать, что ты добился победы...

— Что за победа!

— Я другой участи не желаю.

Глаза старика светились радостью.

— В действительности речь идет о самопожертвовании, но не о победе, — уточнила Зинаида, наблюдая за выражением его глаз.

— Нет, я всего достиг, и большего не хочу, — продолжал Закалов. — Любить сорок лет! Вы не можете себе представить, как это упоительно! Вы не способны понять, что то бурное время видится мне сейчас в самых розовых красках!

— А в итоге? Ах, Иван Иванович, давайте не будем! Мне делается грустно.

— Я вижу, мои безумные мечты сбылись. И мне ничуть не жаль этих лет. Скажите, Зинаида Карловна, вы хотя бы чуточку, ну хотя бы самую малость... Вы понимаете меня?

— Понимаю, Иван Иванович. Я уже вам сказала...

— А мне больше ничего и не нужно.

Закалов вновь схватил ее руку, Зинаида на мгновение прижалась к его щеке.

— Милый, единственный, — тихо промолвила она, — я не умею выразить свои чувства.

— Мне этого достаточно, Зинаида Карловна, — отвечал Закалов восторженно.

Они замолчали. Древняя лампа чадила, пятная желто-красным светом немолчающие, закопченные книжные полки и двух старых людей; в печи потрескивали дрова, а на улице гуляла метель. С проспекта доносился шум большого города: звенели трамваи, беспокойно гудели авто.

Зинаида встрепенулась:

— Лампа не коптит?

Светлыми близорукими глазами Закалов уставился в потолок.

— Да, верно, — вздохнул он. — Надо бы прикрутить фитиль.

Забравшись на табурет, он увидел, что Гутнов закрывает свою лавку. «Пора и нам закрываться», — подумал он и отправился во двор.

Зинаида помогала ему, задвигая изнутри засовы, покамест Закалов придерживал снаружи ставни.

Тихий, унылый день догорел. Закалов вернулся в лавку, замкнул входные двери и сел за кассу. В выдвижном ящике хранился грессбух. В графе доходов пришлось поставить прочерк.

Зинаида Крюденер варила в соседней комнате чай. Щурясь, таскала щипцами из печи и кидала в самоварную трубу уголья. В отсвете пламени лицо ее со следами былой красоты казалось помолодевшим и посвежевшим.

Самовар вскипел, и Зинаида крикнула в дверь:

— Иван Иванович, чай готов!

Закалов запер кассу, задул лампу и, шаря в темноте руками, прошел в комнату. Зинаида накрыла на стол: чайный сервиз, сахарница, хлебная корзиночка с тонкими ломтями ситного. Они долго сумерничали при свете бра, сидя друг против друга, не говоря ни слова. Лишь однажды старая дама прервала молчание.

— Налить? — любезно спросила она.

— Если нетрудно, — галантно ответил Закалов.

Ужин кончен, но вставать из-за стола не хочется. Зинаида закуривает, вытягивает из-под пуховой подушки книгу и принимается читать. Закалов задвигает печную заслонку. Заложив руки за спину, он прогуливается

взад-вперед по комнате. Так проходит час. Пора ложиться. Зинаида неслышно исчезает за розовым пологом.

— Покойной ночи, Иван Иванович! — доносится оттуда.

— Приятных сновидений, Зинаида Карловна! — отзывается Закалов.

Он уже много лет не спит на старом, продавленном диване. Он задует огонь и укрывается дохой, зимой и летом одной и той же. Не спится. Он прислушивается, как во дворе, на улице, во всем городе бушует метель; ветер просвистывает насквозь дымоход, гремит печною заслонкой; он опять неотвязно думает о Зинаиде Крюденер.

||

Тогда, тому год, тоже был буран, как нынешней ночью. Закалов безвылазно сидел в лавке и читал. Вошла покупательница и спросила французских стихов. Пожилая дама в траурном одеянии выглядела усталой, она облокотилась на прилавок. Закалов предложил ей табурет и принялся разыскивать спрошенную книгу. Произведения французских авторов должны быть где-то на верхних полках. Отыскалась «Sagesse» Верлена — маленькая книжечка в сафьяновом переплете.

Дама полистала предложенный томик, но вскоре отложила. На лице ее заиграла улыбка.

— Вы, наверное, не узнали меня? — заговорила она, приподнимая вуаль.

Закалов взгляделся. Лицо как будто чужое, но что-то . . . что-то — и вдруг вспомнил.

— Вы похожи на . . . многоуважаемую Зинаиду Крюденер.

— Это я и есть собственной персоной, но только, конечно, не многоуважаемая.

Закалов восторженно воскликнул. Действительно, Зинаида Карловна!

— Не может быть! — вырвалось у него.

— Вам это кажется невероятным? — Дама натянуто улыбнулась.

— Я подумал, в такой лавчонке . . . на дальней окраине! . . .

— Да, да, и притом еще пешком и в метель! Здесь что-то не так, не правда ли?

— Я этого не говорил.

— Но ведь я та, о ком вы подумали! Не сказала бы, правда, что меня легко узнать: очевидно, постарела и подурнела.

— Нет, что вы, я узнал вас. Только в первое мгновение колебался.

— В конце концов, вы правы. Трудно поверить, чтобы я пришла сюда без особых на то причин. Но времена меняются. Когда мы с вами виделись в последний раз? Давненько? Я и сама не помню, о господи!

Она рассмеялась и стыдливо опустила глаза. Закалов услужливо подсказал.

— Десять лет назад. Да, ровно десять. Вы тогда уехали в Америку.

— В Америку! — дама усмехнулась. — Нет, мне отказали в ангажементе в опере, и я разъезжала по провинциям, по захолустью, до тех пор, пока и там уже не могла выступать.

— Понимаю, — поспешно кивнул Закалов. — Но когда я в последний раз слышал ваше пение, ваш голос звучал волшебным образом, да, вы были настоящей волшебницей.

— Скорее ведьмой. Вам не хочется резать правду-матку в глаза.

— Нет, мадам! Я не очень-то музыкален, но все же . . .

— Короче, — она оборвала его и заговорила подчеркнуто серьезно, — моя карьера закончилась много лет назад. И навсегда, вы поняли, навсегда! Может быть, это случилось несколько неожиданно, возможно,

слишком рано, но ничего не попишешь. По своему легкомыслию я лишилась последнего — куска хлеба на старости лет. Тут я ошиблась в корне. Мне всегда казалось, что я умру сравнительно молодой, и поэтому о возрасте — о возрасте я не задумывалась. Но, как выяснилось, я весьма живучая натура, цепляюсь за жизнь и не намерена умирать. Великолепное амплу старухи, жаль, драматическая сцена мне заказана. Я ведь никогда не была актрисой.

Закалов не верил ушам своим. Божественная Зинаида Крюденер, примадонна императорских театров, стоит перед ним и разговаривает, как простая, обыкновенная женщина ее лет. В этом смысле она натуральнее многих других — замкнутых и скрытных, она — тип.

— Теперь вы видите, какое жалкое создание ваша бывшая дама сердца, — поставила точку Зинаида Крюденер.

— Моя дама сердца! — промолвил Закалов, пораженный. — Смею ли я так думать! Нет, нет, такие дерзости я полагать не смел, как можно-с. Не то что наяву, и во сне никогда...

— Не отпирайтесь, — сказала она. — Тридцать лет кряду вы писали мне письма. А корзины цветов, коробки и прочие пустяки! Так ведут себя только поклонники. Кроме того, вы не однажды имели наглость повторять, что я ваша единственная, бесподобная дама сердца, ну и все такое прочее. Именно — дама сердца! Я все отлично помню, проказник.

— Так вы читали мои письма? Нет, это немыслимо!

— О да, я их читала! Понятно, не всякий раз, но при случае — особенно если они прилагались к цветам, тут я перечитывала их очень внимательно.

— Отказываюсь в это поверить! Ведь вы не замечали меня, а я довольствовался тем, что мог любоваться вами на расстоянии. Да и то не всегда.

— Такая бесчеловечная женщина? Нет. Я часто прикидывалась, что ничего не замечаю, а на деле все видела и понимала. Да, я не принимала вас всерьез, это верно, но — поймите меня правильно — что я могла иметь против тихого и деликатного дыхателя? Это же так естественно.

— Значит, мои послания достигали адресата?

— Некоторые из них я даже хранила. Они дышали восторгом, особенно последние. Но вы небось думаете, что я та же, что и раньше? Прочь иллюзии! Посмотрите на меня внимательно.

Зинаида Крюденер, чей фотографический портрет когда-то красовался во всех роскошных витринах, откинула вуаль. Лицо ее, изъеденное гримом, увядшее, выглядело старым; волосы побелели, и только глаза влекли и манили, как прежде.

Закалов, однако, не видел никаких перемен. Перед ним стояла неприступная богиня — как сорок лет назад.

— Сударыня, — произнес он почтительно, — вы еще очень красивы.

— Правда? — На лице ее мелькнула довольная улыбка. — А вы, как я посмотрю, все тот же учтивый рыцарь. Я и тогда удивлялась вашему упорству; даже уверяла окружающих, что есть один человек, который останется мне верен по гроб. Это было, конечно, не очень порядочно с моей стороны — внушать своим кавалерам, что некто предан мне навсегда.

— Вы им так и сказали?

— Да, и вот в конце концов пришла к вам, как к лучшему другу. К вам. Я не за книгами, они мне не по карману. Просто захотелось навесить друга, перемолвиться словечком. Пришлось потратиться, чтобы найти адрес. Раньше вы, кажется, жили на Большом?

— Вы еще помните мой старый адрес?

— Не только! Я ведь знаю, что из-за меня вы промотали отцовский магазин.

— Ну вот это неправда.

— Не вздумайте отрицать! У меня верные сведения.

— Нет, нет, — с горячностью заговорил Закалов, — это ложь. После его смерти я вынужден был сузить масштабы предприятия, вот и все.

— Ладно, — уступила гостя, — значит, я ни при чем. Будь по-вашему. Но, откровенно говоря, я разыскала вас потому, что все меня оставили. Это некрасиво — вспомнить о вас только в плохую минуту, да, дружочек? . . скажите мне это, не бойтесь, я ведь знаю, что поступила нелепо. Ах, я всю жизнь была ветреницей, и этот последний обдуманый шаг ничуть не лучше прежних. Слишком, слишком поздно.

— Сударыня, вы оказываете мне неслыханную честь . . .

— Что за фраза! Неужели вы и вправду не видите, кто я такая? В лучшем случае я заслуживаю снисхождения. Выслушайте меня, я расскажу все как на духу. На прошлой неделе умерла моя племянница, у которой я была в приживалках последние годы. Вчера ее хоронили, и вот я одна как перст. Оставаться в квартире нельзя, вдовец меня ненавидит, я вынуждена искать угол за три рубля в месяц, но Петербург велик, и я не знаю, куда податься и с чего начать. Теперь-то поняли? Я жалкое существо. Оставим это. Я открыла вам душу, хватит. Не хочу больше говорить. И ради всего святого, перестаньте называть меня «сударыней»! Вы еще помните, как мы познакомились? Я помню прекрасно. Это был отчаянный поступок с вашей стороны. Я была поражена, но впоследствии поняла, что вы действовали по велению сердца. На самом деле это было прекрасно!

Желтоватое лицо Закалова зарумянилось.

— Вы обвиняете меня, Зинаида Карловна, — радостно проговорил он, чувствуя, как срыгается на фальцет.

— Обвинять — это ваша привилегия. Но давайте не будем об этом. Я проболтала с вами целый час. Пора и честь знать. Прощайте.

Закалов вздрогнул.

— Сударыня . . .

— У меня есть имя.

— Охотно-с . . . если позволите . . . хотите чаю? Но это все-таки невероятно.

— Вам угодно быть моим кавалером? — сказала гостя, осматриваясь. — Но где же чай?

— Я должен запереть лавку. Сегодня все равно никто больше не придет.

— Вы живете один?

— Уже десять лет.

— Завидую. Никто вас не тревожит, сам себе хозяин . . . И такая чудная лавка . . . Вот это жизнь!

— Мою жизнь радостной не назовешь, Зинаида Карловна. Просто я стараюсь не думать об этом.

— Хорошо, Иван Иванович, разумно. Мы оба — дряхлые, ни на что не годные люди, потому жизнь и кажется нам печальной. Мои слова вас не оскорбляют?

— Нет, напротив, я нахожу, что вы правы.

Закалов, смущаясь, провел Зинаиду в свою единственную комнату. Он торопливо принял у нее шубу.

— Вот мои хоромы.

Зинаида Крюденер ничего не ответила. Достала пудреницу, погляде-

лась в зеркальце, по давней привычке поправила волосы и припудрила лоб и щеки.

Закалов тем временам поставил самовар и сбегал к Филиппову за пирожками.

— Ой, пирожки! — воскликнула Зинаида, едва старый букинист опозжнил кульки. — Давно я филипповских не едала!

Не скрывая, что голодна, она уминала пирожки за милую душу.

— Словно собака приблудная, — произнесла извиняющимся тоном, — стыдно до смерти.

— Ну и сравнения у вас, — покачал головой Закалов.

— Кулисы, кулисы. За кулисами и не так еще выражаются.

— Знаю, Зинаида Карловна. Слыхал. Доводилось.

— Правильно. При случае встречала вас там. Как давно это было!

— Благословенные времена!

— Вы так думаете? Вот и мне сдается, доброе было времечко. Да только . . .

Закалов достал из ящика письменного стола несколько пожелтевших афиш и протянул Зинаиде. Ее имя значилось крупным шрифтом, литеры были старомодные. Господи, и все это — годы, годы! — хранил застенчивый, невпопад краснеющий юноша, даривший ей охапки цветов.

Она попросила одну афишу на память. Закалов отвечал странно:

— Зинаида Карловна, я полагаю, что вы . . .

Она посмотрела на него непонимающим взглядом; Закалов смутился еще больше.

— Нет, нет, все это ваше, пожалуйста, сделайте одолжение, — пробубнил он. — Но у меня . . . у меня необычное к вам предложение.

Зинаида усмехнулась:

— Давайте сюда ваше предложение, я постараюсь не упасть в обморок.

— Если у вас нет крыши над головой . . . Может быть, я осмелюсь . . .

Зинаида Крюденер потупилась, теперь настал ее черед краснеть.

— Конечно, если вы не сочтете, что это неприлично, — на выдохе произнес Закалов.

— Отчего же, совсем нет, — еле слышно проговорила она, — вы очень, ну просто очень деликатны.

И добавила через какое-то мгновение:

— Подумать только, в каких обстоятельствах происходит эта мизансцена! Вот как находят свое счастье . . .

Закалов глупо улыбнулся:

— Мы оба дряхлые, ни на что не годные люди . . .

— Уж это правда, — сдавленным голосом ответила гостья и порывисто протянула руку старому книжнику: — Я принимаю ваше предложение.

В голосе ее слышались волнение и горечь.

— А теперь конец, — промолвила она с расстановкой, наливая Закалову чаю, — теперь, с вашего позволения, я тут похозяйничаю немного.

— Минуточку! — весело крикнул Закалов и, накинув на плечи доху, выбежал вон.

В ожидании его возвращения Зинаида осмотрелась. В комнате грязновато, темно, стены и потолок закопченные — жилье тысяч петербургских бедняков. Старый диван, старая кровать, старый письменный стол — другой мебелью хозяин не разжился. Низенькое, немытое оконце выходит в тесный, заваленный сугробами двор, оконный переплет усеян капельками влаги. И все же здесь тепло и уютно; на стене тикают оригинальные саксонские ходики, мерно гудит самовар, а на улице и во всем

неприветливом городе в это время метет поземка. Зинаида Крюденер обошла комнату, погладила каждую вещь, каждый предмет.

Десять минут спустя объявился Закалов с бутылкой вина. Движения его стали порывистыми, действовал он решительно, напоминая собой бывшего кавалера. Вино он откупорил с приличествующей случаю торжественностью.

— Пью ваше здоровье!

— Нет, не так: за нашу новую жизнь!

Зинаида Крюденер расплескала бокал. Она больше не находила слов и вцепилась Закалову в рукав. Букинист стоял навывтяжку, с гордо поднятой головой, и следил, как мерцает вино в бокале.

— За нашу новую жизнь, — важно произнес он.

Минул год . . .

III

Глубокой ночью она внезапно подала голос:

— Вы не спите?

— А вы, Зинаида Карловна? Мне слышно, как вы маетесь бессонницей.

— Я думаю о смерти, Иван Иванович. Что будет, если один из нас умрет?

Закалов заворочался.

— Не надо так говорить, — хрипло произнес он. — Смерть — это ужасно, лучше не думать. Почему именно смерть? Расскажите лучше что-нибудь о своей прошлой жизни.

— О прошлой? — переспросила жиличка. — Все это былем поросло, Иван Иванович.

Они долго всматривались в темноту, где вспыхивали и гасли мельчайшие фосфорические искорки. Ветер швырял в окно снежные хлопья, порою казалось, что там, за окном, большой, тяжеловесный, необъятный город вот-вот всплывет, поднимется в воздух и улетит в карельскую тундру.

Зинаида подошла к другу, подоткнула полу, поправила подушку, погладила лоб. Закалову сделалось хорошо, покойно, тепло и, счастливый, он вскоре уснул. Зинаида Карловна вернулась в свой угол и долго курила там, вслушиваясь в шум непогоды. Докурив, она швырнула тонкую бумажную трубочку на пол, примяла ее каблуком, стремительно поднялась с места и стала одеваться. Надела побитую молью шубу, взяла муфту и тихо, крадучись, выскользнула во двор. Оставив ключ в калитке, она решительно зашагала вниз по улочке. Ораниенбаумская словно вымерла, лишь на углу проспекта горел костер, у которого грелись громадного роста будочник и несколько ночных пташек. Зинаида Крюденер пошла по проспекту к Неве. Метель подхватила ее, закружила, но она не чувствовала разгулявшейся непогоды, она знала одно — жизнь кончена. Дыхание Невы все ближе и ближе . . .

Латышский поэт Юрис КУННОС родился в 1948 году в Риге. Учился на историко-философском факультете Латвийского государственного университета им. П. Стучки. Старший научный сотрудник Латвийского этнографического музея. Член Союза писателей с 1986 г.

Книги стихов: «Дреллис» [1981], «Пять семь» [1987].

Стихи Ю. Кунноса переводились на русский, литовский, эстонский языки.

УЛИЦА ГЕРТРУДЫ

Перевел Сергей МОРЕИНО

КОНТРАБАНДА

это не Висагалс. Еще только Висикумс
эстляндский ветер во лбу, и у всех пятерых жеребцов звезда
ошнваяся у винокурни, спрашивал, спрашивал, спрашнвал
о хозяевах здешних мест (упомянуты в летописи),
королях контрабанды

короли: гнали плоты и стада кнутами, шестами, веслами
берестяную дуду к губам — аж на Толобском озере слышно
что до Риги и Пскова, то «пошли-мә» всегда наготове
привыкли к иным путям, срезая угол покруче

у эстов лен в цене, спирт, почитай, что даром
отрыжка с похмелья будит Илью-пророка
у колесницы его, глянть, колесо отвалилось — вот она,
контрабандал
падает на границе — половина эстам, другая леттам

в реку катится. Сбегает река с горы жемчужиной — и тут
катарсис
Сарканнте, Акавия и Виргулнте, зернистые спины форелей
венец короля контрабанды поток
уносит. В следующий раз Висагалс: глаза-озера, могилы и Айвнексте

ТАК СКАЗАЛИ БЫ В КНИГАХ

Той ночью мне снилось —
на чем-то подворье ворота настеть,
темно и ветрено, высыпан суперфосфат —
у меня на дороге
оттуда сюда, по выкройке ночи.

Пять-шесть мужиков
в китайских ватниках, кепочках с пуговицей, типа жокейских,
бычки «Беломора» у краешков губ,
кадыки, глаза бесцветные, как у этих там,
у индейцев, кирза, выдавшая виды.
Жевали хлеб, густо смазанный маслом,
примеряясь ладить работу.
Валялись в углу тесаки, бухта шнура,
у одного за голенищем был уровень.
Спросил, что за место,
может, какие-нибудь ремесленники здесь обитают,
может, старинные избы есть, клетки, риги,
что, может, жены здесь ткут и поют еще песни.
(Пять, нет, шесть мужиков,
невидных — приземистых, лица славно
продублены ветром, забавный
их говор мне показался знакомым:
коми, вепса; не все, конечно,
но смысл чую.)
Да, было, переглянулись, красные точки
закочевали из одного уголка рта в другой,
все было — спросить
по домам, у баб, что детишек нянчат, мол, сами
давно уж как не были дома,
так и так, —

я задрожал.

Один из них по имени Марцис Сарум,
тот, с ватерпасом у голени,
так его звали другие — Сарум, Сарма,
второго, что смачно жевал,
Лирум Ларум — фамилия, прозвище — тоже помню.
Где-то мерно и четко выступивал поезд,
сверкали зарницы, и жаба
никак не могла научиться звенеть соловьем.
Да, было, нехотя
сначала, потом — перебивая друг друга,
стараясь громче и бойчее соседа:
кто, где, когда, сколько, вспоминая, разводя
руками и — заикаясь.
Где?

Шестой трамвай это был, не соловей, без кондуктора,
впотьмах развозил народ по заводам.
Проснулся.
Минутный сон,
так сказали бы в книгах.

КОНФЕТЫ «БОН-БОН»

Здесь отличное место привязать пятнадцать упряжек, —
длинный, как полдень, тын, тень и покой в коронованных соснах,
во все четыре стороны отрастают песчаные тропы,
известно — здесь же, у груды камней, предки ублажали духов.

Поселок в пятнадцать дворов с рифлеными крышами
рассыпан щедро, но в среду все по зернышку собираются вместе —
в телегах, на дрожках, двуколках, фурах, линейках
съезжаются — чудо, откуда такие похожие лица,

будто братья и сестры.

То ли на собрание бригады, то ли на субботник, то ли на Страшный суд,
словно знахари или лошадниги, болтают себе, в ус не дую,
вот пройдохи, вот лбы-хвастуны

(лошади хрупают в торбах) —
час проходит, наконец урчанье мотора за поворотом.

В первый раз ошибка — нет уха, медведем не мятого, что каждый
мотор узнает по звуку, а у женщин платки крест-накрест . . .
Во второй — опять ничего, далеко за рекой
какой-нибудь трейлер, тягач с бревном; трава поникает.

Обсосаны газетные новости, надои, телевизионные шутки,
у завистника выклеван глаз, охаяны разводы, подстрекатели
и самолеты.

Тих, как рыба, проселок, пыль поднялась и осела,
солнце жжет языки и траву, птички крылышки, спекает
в хрусткое сено,

все по третьему кругу, на сходке брожение —
сколько можно ждать! И только одобрена мысль, что пора разойтись,
ведь
в самом деле, разбитый путь — что грешнику четки, —

подъезжает зеленый фургон, сезам на колесах,
добро пожаловать, и дверь отворяется:
большой выбор хлеба, соль, сахар, курево, спички,
консервы из рыбы, конфеты «Бон-бон», вафли, постное масло . . .

* * *

рыжая девчонка вприпрыжку
голенастыми ножками бегом по Шрейнбуше
от книжной лавки к кондитерской
к мяснику, молочной Милде, от будки, где гвозди, пилы, топор
молоток и пуговицы, до петролейной лавки
неслась вприпрыжку, звенела, визжала, щелкала галкой
когда надоело вприпрыжку, заскучав, клювом, как дрозд, трещала
по прошлогоднему снегу, по лужам вприпрыжку
с каждым днем вытягивалась на волос вверх
и рыжие пряди ее меж сережек вербы
пугали старых шрейнбушских волков-пожарных
у которых на бляхе отчеканено такое же пламя
рыжеволосое

вприпрыжку мимо школы, приюта и кинематографа, напевала
о себе, рыжей девчонке, что визжала, трещала
мимо сушильни с шишками, откуда, должно быть, все
сосны Межапарка и Шмерлей
в немецкое время не смогла доказать арийское происхождение
не стало рыжей девчонки
что в июле вприпрыжку, ах, так неудачно
походя, корпоранты, бурши в разноцветных фуражках
по пути от дровяного склада на водокачку
где-то что-то горело
и она хотела дать знать старым волкам-пожарным
и звенела, как шрейнбушский дрозд

* * *

в Пурвциемсе объявление
«Магазину «Продукты» требуется рабочий с лошадью»
в конце шестидесятых в Риге
в то самое время когда умер последний извозчик

и его тарантас уехал на заработки в Амстердам или Прагу
магазин «Продукты» требуется рабочий с лошадьо

к тому же срочно и (надо думать) с обученной
ибо прежняя хозяйина вместе с излишком съестного
скажем остатком а также живительной влагой
доставляла домой безо всяких дорожных знаков
а только с чекушкой-компасом «спрячь подальше»
и даже могла говорят постлать рогожку в телеге
чтобы хозяйину было где покемарить

тогда мы еще не слышали о новостройках
и эффект подземных ключей был знаком лишь пчелино-дубовой братии
и столбы у дорог при поддержке псов независимо от прогресса
но рабочий с лошадьо требовался магазину «Продукты»
и если таковые не находились
если пара вонючих лис Инчукалнса нагрела лапы
то скрежет зубовой был не хуже чем в Апокалипсисе

тогда я еще не знал что в Литене есть конь Юрка
крепкий парень отмахавший уже тогда четверть века
который потом еще вкалывал свои десять-пятнадцать
и своего хозяина вышколил точно так же

сейчас бродя по рижским окраинам (?)
надеюсь узнать жеребьяче ржанье
надеюсь узнать жеребьяче ржанье
надеюсь еще придется

* * *

улица Гертруды К. Маркса в просторечии Карлуша
тропка коммуникация она же тоннель в овраге
из-под курятника «Пилсетпроекта»
в обход церкви в тени победителя змея через улицу Ленина
пока булыжник дробится в газах выхлопах сдвигах фаз нету больше

дожних мостильщиков владевших секретом
как выложить арочный свод на двух водостоках

улица с зеленой калиткой в стене но вот не могу найти
с которой дворами за сквозняком пойдешь и выйдешь к соседу
еще дальше к вокзалу на берег Двины еще дальше
улица чью сердцевину дырвят трамваи как легкое
с заезжим двором для извозчиков но об этом после
где на углу улицы Авоту видел вытекший мозг человека
грузовик же промчался мимо не тормозя (а может
мне так показалось

где во дни мальчишеских игр смеялись лавки как бабочки
торговля в подвалах березовые кругляши и торфо-брикеты
бельевой каток погромыхивал артели спартак прометей
улица чьи створы как губы а красные зенки башмачников
тарачились на покрытые каплями пота жирные
туши швей булочниц и сок из бочек капусты

по улице Курбада улице Админю

а Ирбе спрошенный чего ходит босыми ногами
обычно сплевывал «чтоб уши не мерзли»
теперь упирается в хрящ железной дороги
поезда не стучат но странно свистят по-птичьи
и лишь подозрительно склизким туннелем можно
попасть на улицу Даугавпилс

* * *

ох отольются нам разрушенные деревянные здания
амулеты пятиэтажных кварталов конечности ампутированные
вырванные зубы разбитые сердца выпотрошенные внутренности
дыры дыры дыры однако скрипят

под ногами косые ступени и двери распахиваются
запахи сохранились и след от стола и кроватей
прозрачные портреты висят на гвоздиках
и нечаянный звонок будильника заставляет нас вздрогнуть
подумай ты пьешь свое пиво не оставляя ни капли
я уж не говорю об исчезнувших островах на Двине
даже надежда моя улетучилась

* * *

ругался глушитель полуторки, перекачивал шарики дробы
выхлопы, чад, со жнивья сорвалось черное облачко птичье
прошли насквозь: дымился походный котел в заботах
о хлебе насущном
хмель повисал на заборах — гигантский, барочный август
был вечер воскресный, проехали мимо заброшенной фермы,
там выбиты окна
стояли в проеме дверном цыганята: сестрица и братец? за руки
взявшись
быть может, местные греки — вот так же безумно и ярко
блестели глазенки на личиках смуглых
когда-то — теперь потухли, запали (так слушают сказку)

не шел гномик Румцайсс, не мог сквозь колонну пробиться
перли и перли, глушитель ругался, дробью палил по задам,
разрывая нейлоновый воздух
шныряли лахудрики в сумерках, вдруг слышим: ну, бедолаги,
сотру в порошок
и сразу майор в пилотке, чтоб снайпер не брал на мушку

а рядом на площади будки и арка зверинца, афишами хлопал ветер
фонтан-амазонка с одной отбитою грудью
пили воду — отравленную, так нам сказали
а переспросить было негде: местечко лежало в пыли, молчали
домишки, на стенах звезда и свастика рядом

на башне пробило четверть, по серым мышиным шинелям
ударил капли дождя. Цыганята: сестрица и братец?
босые, за руки взявшись, быть может, местные греки
успели проплыть по локальным морям-океанам, снова встали в дверях
прошли насквозь. А дальше кончалась неделя

* * *

тут мы из гранитных карьеров, где крошки — бери, сколько хочешь
или же так — сколько положит Румцайсс. На северных склонах
еще снег: здесь начинаются чудесные птичьи перелеты
(вот и ночью, когда в карауле: вдруг красные угольки из
черного бункера локомотива, но нет тех янтарных груш, что
прошлой осенью

с полными кузовами домой мы ехали, да) брод сохранился
и странно: весну сменила зима, обложила озера
хрупким богемским стеклом, под которым рыбы — колами
глуши, накидывай петли
и юные кряквы по зеркальному льду туда-сюда, как в Венеции

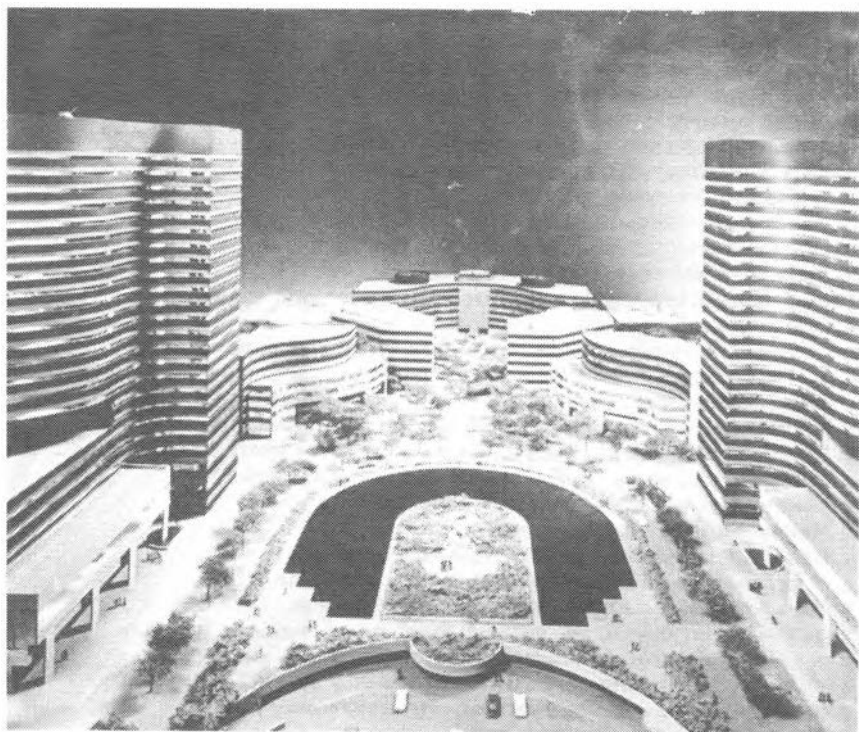
потом поседели вязы, буки вмерзли в апрельскую грязь
на платане (так далеко?) гномик грызет морковку
откуда же, черт возьми, столько проклятой крошки!

вороньи стаи окрест на языке попугаев, и пестрой сойки комок
трассирующий

в помещении дежурной смены несут караульную службу
а местечко живет: чужие омнибусы, «Таежный блюз» Марты Кубышевой
и на ветру пеленки
какая-то парочка, нежно воркуя, медленно двинулась к нам — подошли
и начали обниматься, короткая юбочка сразу полезла кверху

так надо. Ты можешь всю землю глазами вспахать, засеять
участвовать в праздниках хмеля, печатать коробки спидометрам
«Татр»
в бинокль наблюдать эротику, шмыгать носом. Так надо. Те двое
старались, чтоб все было видно, еще, кажется, Румцайсс
подсвечивал

и палец на предохранителе, и древние тексты вспомнились
десять шагов, а ближе не смели ни пяди. Озера
в них блин живые ключи, и юные криквы
сверкали, перелнваясь, как боулнинг-аппараты. Эффект сетчатки

Архитектура Гуннара Биркерта. Здание колледжа Тугалу в Джексоне, штат Миссисипи, США. 1966 г. Фото Яниса Эйдукса

АРХИТЕКТУРА ГУНАРА БИРКЕРТА

Гунар Биркерт — пожалуй, самый знаменитый латыш в современном мире. Его место в созвездии наиболее выдающихся архитекторов Земли стабильно, оправдано творчеством выдающегося профессионала.

«Процессы, которые влияют на Гунара Биркерта и его архитектуру, подобны течениям Балтийского моря времен его детства. Они перемешались с американскими потоками, расслоились на встречные течения, менялись еще и еще. Но их характер безусловно такой же, как и его характер, а его характер подобен этим течениям», — пишет Кей Кайзер в книге «Архитектура Гунара Биркерта».

Гунар Биркерт родился в 1925 году в семье известных латышских филологов. Мать — прекрасная переводчица и языковед Мерия Сауле-Слейне, отец — фольклорист Петерис Биркерт.

Милое, нормальное детство, когда «можно было сидеть у Райниса на коленях и прятаться от Аспазии, которую я боялся».

Учеба в Латвийском университете, спорт, начало пути к будущей профессии. Эмиграция в 1943 году.

Не миновал он печальной участи, когда волею великодержавных диктаторов латышский народ был разломан на ломти и разбросан

по разным сторонам света. В 1949 году, после окончания

Штутгартской высшей технической школы, Г. Биркерт переезжает в США и примерно через год принимается на работу в архитектурное бюро выдающегося Ээро Сааринена.

В 1959 основывает свое бюро «Gunar Birkert and Associates», в котором нынче трудится около сорока магистров и лиценциатов. Сотрудничает с Мичиганским и Иллинойским университетами.

Работы Г. Биркерта действительно воплощают его историю, его характер. Они лишены притворства, на них не надеты маски, предлагаемые модой, псевдопатриотизмом, не выпячены какие-то частные находки или милые воспоминания, почерпнутые в различных архитектурных течениях. Г. Биркерт ищет у других то, что ими не сделано. Он говорит, что азартные игры в архитектуре ему чужды и важен лишь профессионализм, который позволяет решать даже такие задачи, которые изначально кажутся парадоксальными.

Похоже, что он относится к архитектуре так, как латышский крестьянин некогда относился к природе. Но Г. Биркерт не консервирует определенное состояние своего опыта, не делает его для себя каноном: «Архитектура — это течение из прошлого в будущее через настоящее . . . Архитектура должна быть подобна человеку — со своими собственными чертами и душой. Я расту и развиваюсь в отведенное для моей жизни и развития время». Итак — он еще не стал выдающимся ветераном, а — как всегда — гармонично и внешне спокойно решает отношения нового и нормы, задачу, определяемую желанием и характером заказчика, местом, функцией предполагаемого объекта, «алфавитом архитектуры» — строительными материалами и еще множеством условий, которые делают воплощенную архитектурную идею искусством. Гунар Биркерт освоил не только искусство архитектуры, ему знакомо также искусство строить, поэтому он очень точно находит свое место, свою роль среди разных представлений, желаний, возможностей. При этом сложное содержание его строений эстетически воспринимается довольно легко и доступно, не порождает ощущения чужеродности как в пространстве, так и в душах обитателей, посетителей. «Сложная простота». Впервые международное признание ему принесла построенная в шестидесятые годы церковь в Аннарборе. Также в шестидесятые годы осуществлены культурный центр в Леопольдвиле, Детройтский музей искусств и др. Работы семидесятых — музей стекла в Корнинге и здание посольства США в Хельсинки . . . Пронесшаяся не так давно и по нашим городам волна «восстановления связей между нами и прошлым» (Ч. Мур), именуемая постмодернизмом, коснулась и Гунара Биркерта, но не захлестнула, не привела его в кризис, как многих любителей устаревшей «терапии», «механического монтажа элементов, почерпнутых из прошлого» (Б. Дзеви). Появились новые символы и метафоры, но завершенность и убедительность архитектурных композиций остались прежними. В восьмидесятых годах им создан юридический колледж Айовского университета, лютеранская церковь св. Петра в Колумбусе, библиотечные пристройки Мичиганского и Корнуэльского университетов. О библиотеках следует поговорить особо, не только из-за новаторского применения архитектурных элементов для инсоляции здания, когда несколько подземных этажей освещены отраженным дневным светом так, что эффект подземелья пропадает, но еще и потому, что именно проект Национальной библиотеки Латвии, возможно, станет тем делом, которое позволит нам увидеть судьбу, характер и работу выдающегося мастера рядом с судьбой его родины, его морем детства. Пожалуй, и нас это заставит подумать как над алфавитом деловых отношений, так и над алфавитом архитектуры. Дело начато.

ДЕЛО К ОСЕНИ

ЕЩЕ ПОЛВЕКА

чтобы меня не жалели
нам ведь немного осталось
было не так в самом деле
ты на лугу дождалась
я ведь запомнил по краю
не васильки и ромашки
Марья стирала рубашки
розовый лоб утирая
ты защищала Ивана

Господи как это странно
вдруг примеряют ушанки
вдруг покупаются санки
переводные картинки
лошадь на белой простынке
спички картофель и сало
лошадь старьевщика пала
выдохся шорох полозьев
как ты попал сюда Йозеф

всё покупаем всё продаем
все что осталось сдается внаем

* * *

Новгородский лубок, разоренный войною
разоренный войною? — подумай-ка, Ною
сорок дней было нужно, кресало да мыло
всякой дряни по паре — и все у них было
что ж ты делаешь, братец? — опомнись-ка, брат
мы про волосы скажем: покрашены хною
мы про девушек скажем: поникли от зноя
что стоит над огромной, тяжелой страной
разоренной войною — ведь так говорят?

БАБОЧКИ

Засыпаны и больше не текут
Подземные ручьи и родники.
Молчи и ты — напрасный это труд
Спрягать слова. И близко рудники.

Русский поэт и переводчик Сергей МОРЕЙНО родился в 1964 году в Москве. В 1987 году окончил Московский физико-технический институт, начал работать в Вычислительном центре АН СССР. С весны 1988 года живет в Риге, работает в Лاتفийском государственном университете им. П. Стучки. Стихи С. Морейно опубликовались в журналах «Даугава», «Родник». Переводил произведения латвийских поэтов О. Вацетиса, Я. Рокпеллиса, К. Элсберга, Ю. Куиниса.

Не пряжа нам нужна, а новый плен —
Добыть корыто, растопить смолу,
Залить глаза. А помнишь, у колен,
У губ, у глаз, в подъезде, на углу . . .

ДЕЛО К ОСЕНИ

Август, белый мой месяц,
Герцог полей кукурузных,
Папа рогатых лестниц,
Жирный, икающий, грузный.

Кожа твоих сандалий
В медь дорогую одета.
Жало осы твоей жалит
Слаще, чем запах ранета.

Дело к осени дряблой.
Что ж, мы такими не будем.
Жадно сосем у яблонь —
Жен твоих — спелые груди.

Жарки звездные бани.
Банщик услужлив и ловок.
Водка в граненом стакане
Ждет до весны птицеловов.

* * *

а ты примерь на голову свою
железный шлем и панцирь с рукавами
поворотись-ка, сынку, — боже мой
на что идет бесценная кольчуга

скорей скажи, куда ты побежишь
когда к тебе ворвутся ночью в дом
заговорят на странном языке
пнут сапогом и скажут: одевайся

* * *

А может, это все мне снится,
Как снилась яблочная дрожь?
И в этом сне трава ложится
Под острый ветер, как под нож.

И я, как дерево без листьев,
Чужой и другу и врагу,
В тумане, инистом и льдистом,
Ступить ни шагу не могу.

СЕНТЯБРЬСКИЙ СНЕГ

Да все это ересь, не больше —
Какая-то Старая Рига,
Какое-то имя из Польши,
Какая-то польская книга.

Мосты, остановки, вокзалы,
Горящие красные крыши
Под солнцем, которого мало, —
Как странно от них я завишу.

Смотрите, не правда ли, странно —
Всего лишь сентябрь на исходе,
Казалось, зиме еще рано,
Я думал, что рано, — и вроде

Декабрь уже не таится —
Ну надо же, вот откровенный —
И пишет на черной странице
Он белое имя «Ирена».

Какое-то польское имя . . .
Растает за вечер, не дольше,
Весь снег под шагами моими
И, может, не выпадет больше.

И лучше бы мелочи, право,
Рассыпать в шкафу, как придется,
Найти и на сердце управу . . .
Да, видно, уже не найдется.

1001 НОЧЬ

пешабарская конница нас за людей не считала
мы любили калифа, а их обучали: убей
а они отличались от нас лишь седалищным салом
и, о горе нам всем, не любили своих голубей

от войны до войны жили мы, и от мира до мира
если вдруг прижимало, то нам говорили: пойди
разогрей свое сердце прогулкой по рынкам Каира
а на рынках Каира охрана кричала: «Пади!»

о, любви изваянье, царапина чудная сердца
там по улицам бегала — бабочка, бантик, бутон
но Ему не спалось, и обычные игры со смертью
отдохнув от учений, уже затевал эскадрон

ЧАК

Если ветер по камню чиркает розовой спичкой
если дерево сухо, а камень устал ждать
значит, ночь и поезд, красное за наличный
подходи, не бойся: она тебе скажет да

между Псом и Екабом, под каменной занавеской
расцветают ладони — лилии нищеты
видишь, ночь уходит, здесь ничему не место
поцелуй ей руку: она тебе скажет ты

* * *

зима приходит, набирая
такую силу с каждым днем
что кажется преддверьем рая
дыра, в которой мы живем

земля, в которой нет нам места
двора и, стало быть, кола
чужая, стало быть, невеста
белым-бела, белым-бела

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ

Глава 16

СОЦИАЛЬНО-БЛИЗКИЕ

Присоединись и мое слабое перо к воспеванию этого племени! Их воспевали как пиратов, как флибустьеров, как бродяг, как беглых каторжников. Их воспевали как благородных разбойников — от Робина Гуда и до опереточных, уверяли что у них чуткое сердце, они грабят богатых и делятся с бедными. О, возвышенные сподвижники Карла Моора! О, мятежный романтик Челкаш! О, Бенья Крик, одесские босяки и их одесские трубадуры!

Да не вся ли мировая литература воспевала блатных? Франсуа Вийона корить не станем, но и Гюго, и Бальзак не миновали этой стези, и Пушкин-то в цыганах похваливал блатное начало. (А как там у Байрона?) Но никогда не воспевали их так широко, так дружно, так последовательно, как в советской литературе. (На то были высокие теоретические Основания, не одни только Горький с Макаренкой.)

Гнусаво завыл Леонид Утесов с эстрады — и завывала ему навстречу восторженная публика. И не каким другим, а именно приклатненным языком заговорили балтийские и черноморские братишки у Вишневого и Погодина. Именно в приклатненном языке отливалось выразительнее всего их остроумие. Кто только не захлебнулся от святого волнения, описывая нам блатных — их живую разнузданную отри-

цательность в начале, их диалектичную перековку в конце. — тут и Маяковский (за ним и Шостакович — балет «Барышня и хулиган»), и Леонов, и Сельвинский и Инбер, и не перечтешь. Культ блатных оказался заразительным в эпоху, когда литература иссыхала без положительного героя. Даже такой далекий от официальной линии писатель, как Виктор Некрасов не нашел для воплощения русского героизма лучшего образца, чем блатного, старшину Чумака («В окопах Сталинграда»). Даже Татьяна Есенина поддалась тому же гипнозу и изобразила нам «невинную» фигуру Веньки Бубнового Валета. Может быть, только Тендряков, с его умением взглядывать на мир непредвзято, епервые выразил нам блатного без восхищенного глотания слюны («Тройка, семерка, туз») показал его душевную мерзость. Алдан-Семенов как будто и сам в лагере сидел, но («Барельеф на скале») изобретает абсолютную чушь: что вор Сашка Александров под влиянием коммуниста Петракова, которого будто бы все бандиты уважали за то, что он знал Ленина и громил Колчака (совершенно легендарная мотивировка времен Авербахов) собирает бригаду из доходяг и не живет за их счет (как только и было! как хорошо знает Алдан-Семенов!), а — заботится об их прокормлении! и для этого выигрывает в карты у вольняшек! Как будто на чифирь ему не нужны эти выигрыши! Какой для 60-х годов зафталиненный вздорный анекдот.

Как-то в 1946 году летним вечером в лагерьке на Калужской заставе блатной лег животом на подоконник третьего этажа и сильным голосом стал петь

одну блатную песню за другой. Песни его легко переходили через вахту, через колючую проволоку, их слышно было на тротуаре Большой Калужской, на троллейбусной остановке и в ближней части Нескучного сада. В песнях этих воспевалась «легкая жизнь», убийства, кражи, налеты. И не только никто из надзирателей, воспитателей, вахтеров не помешал ему — но даже окрикнув его никому не пришло в голову. Пропаганда блатных взглядов, стало быть, вовсе не противоречила строю нашей жизни, не угрожала ему. Я сидел в зоне и думал: а что если бы сейчас на третий этаж поднялся я, да из того же окна с той же силой голоса пропел что-нибудь о судьбе военнопленного, вроде «Где ты, где ты?», слышанное мной во фронтовой контрразведке, или сочинил бы что-нибудь о судьбе униженного, растоптанного фронтовика, — что бы тут поднялось! Как бы забегали! Да тут бы в суете пожарную лестницу на меня надвинули, не стали бы ждать, пока кругом обегут. Рот бы мне заткнули, руки связали, намотали бы новый срок! А блатной поет, вольные москвичи слушают — и как будто так и надо . . .

Все это сложилось не сразу, а исторически, как любят у нас говорить. В старой России существовал (а на Западе и существует) неверный взгляд на воров как на несправимых, как на постоянных преступников («костяк преступности»). Оттого на этапах и в тюрьмах от них обороняли политических. Оттого администрация, как свидетельствует П. Якубович, ломала их волюности и верховенство в арестантском мире, запрещала им занимать артельные должности, доходные места, решительно становилась на сторону прочих каторжан. «Тысячи их поглотил Сахалин и не выпустил». В старой России к рецидивистам-уголовникам была одна формула: «Согните им голову под железное ярмо закона!» (Урусов). Так к 1917 году вору не хозяйничали ни в стране, ни в русских тюрьмах.

Но окопы пали, воссияла свобода. Сразу после февральской революции — кто заодно с политическими, в суматохе, кто быстро вслед, по льготным амнистиям Керенского, — уголовники привольно хлынули на свободу и перемешались со свободными гражданами. В миллионном дезертирстве 1917 года, потом за гражданскую войну все человеческие страсти очень распу-

стились, а воровские первее всех, и уж никак не хотели головы гнуться под ярмо, да им объявили, что и не надо. Находили очень полезным и забавным, что они — враги частной собственности, а значит сила революционная, надо только ввести ее в русло пролетариата, да это и затруднений не составит. Тут подросла им и небывалая многолюдная смена из сирот гражданской войны — беспризорники, шпана. Они грелись у асфальтовых котлов НЭПа и в виде первых уроков обрезали дамские сумочки с руки, рвали крючками чемоданы из вагонных окон. Социально рассуждая: ведь во всем виновата среда? Так перевоспитаем этих здоровых люмпенов и включим в строй сознательной жизни! Тут были и первые коммуны, и колонии, и «Путевка в жизнь». (Только не заметили: беспризорники — это еще не были ворами в законе, и исправление беспризорников ни о чем не говорило: они еще не все испортиться успели.)

Теперь же, когда прошло больше сорока лет, можно оглянуться и усумниться: кто ж кого перевоспитал: чекисты ли — урок? или урки — чекистов? Урка, принявший чекистскую веру, — это уже сука, урки его режут. Чекист же, усвоивший психологию урки, — это напористый следователь 30—40-х годов или волевой лагерный начальник, они в чести, они продвигаются по службе.

А психология урки очень проста, очень доступна к усвоению:

1. Хочу жить и наслаждаться, на остальных на . . .!

2. Прав тот, кто сильней.

3. Тебя не (дол) бут — не подмахвай! (то есть, пока бьют не тебя, не заступайся за тех, кого бьют. Жди своей очереди.)

Бить покорных врагов поодиночке! — что-то очень знакомый закон. Так делал Сталин. Так делал Гитлер.

Сколько нам в уши насасукал Шейнин о «своеобразном кодексе» блатных, об их «честном» слове. Почитаешь — и Дон Кихоты, и патриоты! А встретишься с этим мурлом в камере или в воронке . . .

Эй, довольно лгать, продажные перья! Вы, наблюдавшие блатарей через перила парохода да через стол следователя! Вы, никогда не встречавшиеся с блатными в вашей беззащитности!

Урки — не Робины Гуды! Когда нужно воровать у доходяг — они воруют

у доходяг. Когда нужно с замерзающего снять последние портянки — они не брезгают и ими. Их великий лозунг — «умри ты сегодня, а я завтра!»

Но, может, правда они патриоты? Почему они не воруют у государства? Почему они не грабят особых дач? Почему не останавливают длинных черных автомобилей? Потому что ожидают там встретить победителя Колчака? Нет, потому что автомобили и дачи хорошо защищены. А магазины и склады находятся под сенью закона. Потому что реалист Сталин давно понял, что все это жужжанье одно — перевоспитание урок. И перекинул их энергию, натравил на граждан собственной страны.

Вот каковы были законы тридцать лет (до 1947): должностная, государственная, казенная кража? Ящик со склада? Три картофелины из колхоза? Десять лет! (А с 47-го и двадцать!) Вольная кража? Обчистили квартиру, на грузовике увезли все, что семья нажила за жизнь? Если при этом не было убийства, то до одного года, иногда — 6 месяцев . . .

От побрякки воры и плодятся.

Своими законами сталинская власть ясно сказала уркам: воруй не у меня! Воруй у частных лиц! Ведь частная собственность — отрыжка прошлого. (А персональная собственность — надежда будущего . . .)

И урки — поняли. В своих рассказах и песнях такие бесстрашные, — пошли они брать там, где трудно, опасно, сносят головы? Нет. Трусливо и алчно поперят туда, куда их поноравливали, — раздевать одиноких прохожих, воровать из неогражденных квартир.

Двадцатые, тридцатые, сороковые, пятидесятые годы! Кто не помнит этой вечно висящей над гражданином угрозы: не иди в темноте! Не возвращайся поздно! Не носи часов! Не имей при себе денег! Не оставляй квартиру без людей! Замки! Ставни! Собаки! (Не обчищенные вовремя фельетонисты теперь высмеивают дворовых верных собак . . .)

В последовательной борьбе против отделимости человека социалистическое государство сперва отняло у него одного друга — лошадь, взамен обещая трактор. (Как будто лошадь — это только тяга плуга, не живой твой друг в беде и в радости, не член твоей семьи, не часть твоей души.) Вскоре же и неотступно стали преследовать второго друга — собаку. Их брали на учет, свозили на живодевно, а чаще особыми командами от местных Советов за-

стреливали каждую встречную. И на то были не санитарные и не скупостные экономические соображения, основание глубже: ведь собака не слушает радио, не читает газет, это как бы не контролируемый государственный гражданин, и физически сильный, но сила идет не для государства, а для защиты хозяина как личности, независимо от того, какое состоит о нем постановление в местном Совете и с каким ордером к нему придут ночью. В Болгарии в 1960-м было не шутя предложено гражданам вместо собак выкармливать . . . свиней! Свинья не имеет принципов, она растит свое мясо для каждого, у кого есть нож . . .

Впрочем, гонение против собак никогда не распространялось на государственно-полезных оперативных и охранных овчарок.

Сколько обокраденных граждан знает, что милиция даже не стала искать преступников, даже дела не стали заводить, чтобы не портить себе отчетности: потеть ли его ловить, если ему дадут шесть месяцев, а по зачетам сбросят три? Да и пойманных бандитов еще будут ли судить? Ведь прокуроры «снижают преступность» (этого требуют от них на каждом совещании) тем странным способом, что просто заминают дела, особенно если по делу предвидится много обвиняемых.

Наконец, обязательно будет сокращение сроков и, конечно, именно для уголовников. Эй, поберегись, свидетель на суде! — они скоро все вернутся, и нож в бок тому, кто свидетельствовал!

Оттого, если видишь, что залезают в окно, вырезают карман, вспарывают чемадан твоего соседа — зажмурься! Иди мимо! Ты ничего не видел!

Так воспитали нас и воры и — законы!

В сентябре 1955 «Литературная газета» (смело судящая о многом, только не о литературе) проливала крокодиловы слезы в большой статье: ночью под окнами двух семей с шумом убивали и убили человека. Выяснилось позже, что обе семьи (наши! советские!) были разбужены, поглядывали в окна, но не вышли на помощь: жены не пустили мужей. И какой-то их однодomeц (может быть, и он был тогда разбужен? но об этом не пишется), член партии с 1916 года, полковник в отставке (и, видимо, томась от безделья), взяв на себя обязанность общественного обвинителя. Он ходит по редакциям и судам и требует привлечь эти две семьи за соучастие в убийстве! Гремит и журналист: это не подпадает под кодекс, но это — позор! позор!

Да, позор, но для кого? Как всегда в нашей предвзятой прессе, в статье этой

написано все, кроме главного. Кроме того, что:

1) «Ворошиловская» амнистия 27 марта 1953 года в поисках популярности в народе затопила всю страну волной убийц, бандитов и воров, которых с трудом переловили после войны. (Вора миловать — доброго погубить.)

2) Существует в уголовном кодексе (УК-1926) нелепейшая статья 139-я «о пределе необходимой обороны» — и ты имеешь право обнажать нож не раньше, чем преступник занесет над тобой свой нож, и пырнуть его не раньше, чем он тебя пырнет. В противном случае будут судить тебя! (А статьи о том, что самый большой преступник — это нападающий на слабого, в нашем законодательстве нет!..) Эта боязнь превзойти меру необходимой обороны доводит до полного ослабления национального характера. Красноармейца Александра Захарова у клуба стал бить хулиган. Захаров вынул складной перочинный нож и убил хулигана. Получил за это — 10 лет как за чистое убийство. «А что я должен был делать?» — удивлялся он. Прокурор Арцишевский ответил ему: «Надо было убежать!»

Так кто выращивает хулиганов?!

3) Государство по уголовному кодексу запрещает гражданам иметь огнестрельное либо холодное оружие — что и не берет их защиты на себя! Государство отдает своих граждан во власть бандитов — и через прессу смеет призывать к «общественному сопротивлению» этим бандитам! Сопротивлению — чем? Зонтиками? Скалками? — Сперва развели бандитов, потом начали собирать против них народные дружины, которые, действуя вне законодательства, иногда и сами превращаются в тех же. А ведь как можно было просто с самого начала: «Согните им голову под ярмо закона!» Так Единственно Верное Учение поперек дороги.

Что было бы, если бы эти жены отпустили мужей, а мужья выбежали бы с палками! Либо бандиты убили бы их, это скорей. Либо они убили бы бандитов — и сели бы в тюрьму за превышение необходимой обороны. Полковник в отставке на утреннем выводе своей собаки мог бы в обоих случаях посямковать событие.

А подлинная самодеятельность такая, как во французском фильме «Набережная утренней зари», где рабочие без ведома

властей сами вылавливают воров и сами их наказывают, — такая самодеятельность не была бы в нас обрублена как самовольство? Такой ход мысли и фильм такой — разве у нас возможны?

Но и это не все! Есть еще одна важная черта нашей общественной жизни, помогающая ворами и бандитам процветать, — боязнь гласности. Наши газеты заполнены никому не интересными сообщениями о производственных победах, но отчетов о судебных процессах, сообщений о преступлениях в них почти не найдешь. (Ведь по Передовой Теории преступность порождается только наличием классов, классов же у нас нет, значит и преступлений нет, и поэтому нельзя писать о них в печати! Не давать же материал американским газетам, что мы от них в преступности не отстали.) Если на Западе совершается убийство — портретами преступника облеплены стены домов, они смотрят со стоек баров, из окон трамваев, преступник чувствует себя загнанной крысой. Совершается наглое убийство у нас — пресса безмолвствует, портретов нет, убийца отъезжает за сто километров в другую область и живет там спокойно. И министру внутренних дел не придется оправдываться в парламенте, почему преступник не найден: ведь о деле никто не знает, кроме жителей того городка. Найдут — хорошо, не найдут — тоже ладно. Убийца — не нарушитель государственной границы, не такой уж он опасный (для государства), чтоб объявлять всесоюзный розыск.

С преступностью — как с малярией: рапортовали однажды, что нет ее больше, — и больше лечить от нее нельзя, и диагноза такого ставить нельзя.

Конечно, «закрыть дело» хочется и милиции и суду, но это ведет к формальности, которая еще больше на руку истинным убийцам и бандитам: в нераскрытом преступлении обвиняют кого-нибудь, первого попавшегося, а особенно охотно — доверяют несколько преступлений тому, за кем уже есть одно. — Стоит вспомнить дело Петра Кизилова («Известия», 11.12.59 и апреля 60) — дважды без всяких улик приговоренного к расстрелу (!) за НЕ совершенное им убийство, или дело Алексеенцева («Известия», 30.1.60), сходно. Если бы письмо адвоката Попова (по делу Кизилова) пришло не в «Известия», а в «Таймс», это кончилось бы смелой королевской суда или правительственным коизисом. А у нас через четыре месяца собрался обком (почему — обком?

разве суд ему подвластен?) и, учитывая «молодость неопытность» следователя (зачем же таким людям доверяют человеческие судьбы?), «участие в Отечественной войне» (что-то на м его не учитывали в свое время!) — кому записали выговор в учетную карточку, а кому погрозили пальцем. Главному же палачу Яковенко за применение пытки (это уже после XX съезда!) еще через полгода дали будто бы три года, но поскольку он — свой человек, действовал по инструкции, выполнял приказ — неужели же его заставят отбывать срок на самом деле? За что такая

жестокость?.. А вот за адвоката Попова придется приняться, чтобы выжить его из Белгорода, пусть знает блатной и всеобщий принцип: тебя не (дол) бут — не подмахивай!

Так всякий, вступивший за справедливость, — трижды, осьмижды раскается, что вступился. Так наказательная система оборачивается для блатных поощрительной, и они десятилетиями разрастались буйной плесенью на воле, в тюрьме и в лагере.

* * *

И всегда на все есть освящающая высокая теория. Отнюдь не сами легковесные литераторы определили, что блатные — наши союзники по построению коммунизма. Это изложено в учебниках по советской исправительно-трудовой политике (были такие, издавались), в диссертациях и научных статьях по лагереведению, а деловее всего — в инструкциях, на которых и были воспитаны лагерные чины. Это все вытекает из Единственно Верного учения, объясняющего всю переливчатую жизнь человечества — классовой борьбой и ею одною.

Вот как это обосновывается. Профессиональные преступники никак не могут быть приравнены к элементам капиталистическим (то есть инженерам, студентам, агрономам и монашкам): вторые устойчиво-враждебны диктатуре пролетариата, первые — лишь (!) политически неустойчивы. (Профессиональный убийца лишь политически неустойчив!) Лямпен — не собственник, и поэтому не может он сойтись с классово-враждебными элементами, а охотнее сойдется с пролетариатом (ждите!). Поэтому-то по официальной терминологии ГУЛАГа и названы они «социально-близкими». (С кем породнились...) Поэтому инструкции повторяли и повторяли: оказывать доверие уголовникам-рецидивистам! Поэтому через КВЧ положено было настоятельно разъяснять уркачам единство их классовых интересов со всеми трудящимися, воспитывать в них «презрительно-враждебное отношение к кулакам и контрреволюционерам» (помните, у Иды Авербах: это он подучил тебя украть! ты сам бы не украл!) и «делать ставку на эти настроения» (помните: разжигать классовую борьбу в лагере?).

Завязавший* вор Г. Минаев в письме ко мне в «Литературной газете» (29.11.62): «Я даже гордился, что хоть и вор, но не изменник и предатель. При каждом удобном случае нам, ворами старались дать понять, что мы для Родины все-таки еще не потерянные, хоть и блудные, но все-таки сыновья. А вот «фашистам» нет места на земле».

И еще так рассуждалось в теории: надо изучать и использовать лучшие свойства блатных. Они любят романтику? — так «окружить приказы лагерного начальства ореолом романтики». Они стремятся к героизму? — дать им героизм работы! (Если возьмут...) Они азартны? — дать им азарт соревнования! (Знающим и лагерь и блатных просто трудно поверить, что это все писали не слабоумные.) Они самолюбивы? Они любят быть заметными? — удовлетворить же их самолюбие похвалами, отличиями! Выдвигать их на руководящую работу! — а особенно лаханов, чтобы использовать для лагеря их уже сложившийся авторитет среди блатных (так и написано в авербаховской монографии: авторитет паханов!).

Когда же стройная эта теория опускалась на лагерную землю, выходило вот что: самым заядлым матерым блатнякам передавалась безотчетная власть на островах Архипелага, на лагучастках и лагпунктах, — власть над населением своей страны, над крестьянами, мещанами и интеллигенцией, власть, которой они не имели никогда в истории, никог-

* Завязать (воровское) — с согласия воровского мира порвать с ним, уйти во фразерскую жизнь

да ни в одном государстве, о которой на воле они и помыслить не могли, — а теперь отдавали им всех прочих людей как рабов. Какой же бандит откажется от такой власти? Центровые воры, верховные уркачи полностью владели лагучастками, они жили в отдельных «кабинах» или палатках со своими временными женами. (Или по произволу перебирая гладких баб из числа всех своих подданных, интеллигентные женщины из Пятьдесят Восьмой и молоденькие студентки разнообразили их меню. Чавдаров был свидетелем в Нориялаге, как шпаныха предлагала своему блатному муженьку: «Колхозничкой шестнадцатилетней хочешь угущу?») То была крестьянская девочка, попавшая на Север на 10 лет за один килограмм зерна. Девочка вздумала уператься, шпаныха сломила ее быстро: «Зарежу! Я — что, хуже тебя? Я ж под него ложусь!» У них были шестерки — лакеи из работяг, выносившие за ними горшки. Им отдельно готовили из того немного мяса и доброго жира, который отпускался на общий котел. Уркачи рангом поменьше состояли нарядами, помпобытами, комендантами, утром они становились по двое с дрынами у выхода из двухместной палатки и командовали: «Выходи без последнего!» Шпана помельче использовалась для битья отказчиков — то есть тех, кто не имел сил тащиться на работу. (Начальник полуострова Таймыр подъезжал к разводу на легковой и любовался, как урки бьют Пятьдесят Восьмую.) Наконец, урки, умевшие чиркать, мыли шею и назначались... воспитателями. Они речи произносили, поучали Пятьдесят Восьмую, как надо жить для труда, сами жили на ворованном и получали досрочки. На Беломорканале такая морда — социально-близкий воспитатель, ничего не понимая в строительном деле, мог изменять строительные распоряжения социально-чуждого прораба.

И это была не только теория, перешедшая в практику, но и гармония повседневности. Так было лучше для блатных. Так было спокойнее для начальства: не натруживать рук (о битье) и глотки, не вникать в подробности и даже в зону не являться. И для самого угнетения так было гораздо лучше: блатные осуществляли его более нагло, более зверски и совершенно не боясь никакой ответственности перед законом.

Но и там, где воров не ставили властью, им все по той же классовой теории поблажали довольнее. Если блатари выходили за зону — это была наибольшая жертва, о которой можно было их просить. На производстве они могли сколько угодно лежать, курить, рассказывать свои блатные сказки (о победах, о побегах, о геройстве) и греться летом на солнышке, а зимою у костра. Их костров конвой никогда не трогал, костры Пятьдесят Восьмой разбрасывал и затапывал. А кубики (леса, земли, угля) потом приписывались им от Пятьдесят же Восьмой. И еще даже возят блатных на слеты ударников и вообще слеты рецидивистов (Дмитлаг, Беломорканал).

Привычку жить за счет чужого кубажу вор сохраняет и после освобождения, хотя на первый взгляд это и противоречит его вращанию в социализм. В 1951 на Оймьяконе (Усть-Нера) освободился вор Крохалев и поступил забойщиком на ту же шахту. Он и молотка в руки не брал, горный же мастер начислял ему рекордную выработку за счет заключенных. Крохалев получал в месяц 8—9 тысяч, на тысячу приносил заключенным погреть, те были и этому очень рады и молчали. Бригадир заключенный Милюхиин попробовал в 1953 этот порядок сломать. Вольные воры его порезали, его же обвинили в грабеже, он был судим и обновил свои 20 лет.

Это примечание да не будет понято в поправку марксистского положения, что люмпен — не собственник. Конечно, не собственник! На свои 8 тысяч Крохалев же не строил особняка: он их проигрывал в карты, пропивал и тратил на баб.

Одна блатнячка — Береговая — попала в главные летописи Волгоканала. Она была бичом в каждом домзаке, куда ее сажали, хулиганила в каждом отделении милиции. Если когда по капризу и работала, то все сделанное уничтожала. С ожерельем судимостей ее прислали в июле 1933 в Дмитлаг. Дальше идет глава легенд: она пошла в «Индию» и с удивлением (только вот это удивление и достоверно) не услышала там мата и не увидела картежной игры. Ей будто бы объяснили, что блатные тут увлекаются трудом. И она «сразу же» пошла на земляные работы и даже стала «хорошо» работать (читай: записывали ей чужие кубики). Дальше идет глава истины: в октябре (когда стало холодно) пошла к врачу и без болезни попросила (с ножом в рукаве?) несколько дней отгулять. Врач охотно (! у него ж всегда много вакансий для

больных) согласился. А нарядчицей была старая подружка Береговой — Полякова, и уже от себя добавила ей две недели пофилонить, ставя ей ложные выходы (то есть кубики на нее вычитывались опять-таки с работяг). И вот тут-то, заглядевшись на завидную жизнь нарядчицы, Береговая тоже захотела ссучиться. В тот день, когда Полякова разбудила ее идти на развод, Береговая заявила, что не пойдет копать землю, пока не разоблачит махинации Поляковой с выходами, выработкой и пайками (чувство благодарности ее не очень тяготило). Добилась вызова к оперу (блатные не боятся оперов, второй срок им не грозит, а попробовала бы вот так не выйти казак!) — и сразу стала бригадиром отстоящей мужской бригады (видимо, взялась зубы дробить этим доходягам), — потом нарядчицей вместо Поляковой, потом — воспитательницей женского барака (матерщинница, картежница и воровка!), затем и — начальником строительного отряда (то есть распоряжалась уже и инженерами). И на всех красных досках Дмитлага красовалась эта зубастая сука в кожанке и с полевой сумкой (сдрюченных с кого-то). Ее руки умеют бить мужчин, глаза у нее ведьмины. Ее-то и прославляет Ида Леопольдовна.

Так легки пути блатных в лагере: один шумок, одно предательство, дальше бей и топчи.

Мне возразят, что только суки идут занимать должности, а «честные воровы» хранят воровский закон. А я сколько ни смотрел на тех и других, не замечал, чтобы одно отречье было благороднее другого. Воры выламывали у эстонцев золотые зубы кочергой. Воры (в Краслаге, 1941 год) топили литовцев в убор-

ной за отказ отдать им посылку. Воры грабили осужденных на смерть. Воры шутя убивают первого попавшегося однокamerника, чтобы только затеять новое следствие и суд, пересидеть зиму в тепле или уйти из тяжелого лагеря, куда уже попали. Что ж говорить о такой мелочи, как раздеть-разуть кого-то на морозе? Что говорить об отнятых пайках?

Нет уж, ни от камня плода, ни от вора добра.

Теоретики ГУЛАГа возмущались: «кулаки» (в лагере) даже не считают воров настоящими людьми (и тем, мол, выдают свою звериную сущность).

А как же принять их за людей, если они сердце твое вынимают и сосут? Вся их «романтическая вольница» есть вольница вурдалаков.

Люди образованного круга, но кто сам не встречался с блатными на узкой тропке, возражают против такой беспощадной оценки воровского мира: не тайная ли любовь к собственности движет теми, кого воры так раздражают? Я настаиваю на своем выражении: вурдалаки, сосущие твое сердце. Они оскверняют все кряду, что для нас — естественный круг человечности. — Но неужели это так безнадежно? Ведь не прирожденные же это своиства воров! А где — добрые стороны их души? — Не знаю. Вероятно, убиты, угнетены воровским законом, по которому мы, все остальные, — не люди. Мы уже писали выше о пороге злодейства. Очевидно, пропитавшись воровским законом, блатной необратимо переходит некий нравственный порог. Еще возражают: да ведь вы видели только ворячью мелкоту. Главные-то подлинные воры, головка воровского мира, все расстреляны в 37 году. Действительно, воров 20-х годов я не видел. Но не хватает у меня воображения представить их нравственными личностями.

* * *

Но довольно! Скажем и слово в защиту блатных. У них-то есть «своеобразный кодекс» и своеобразное понятие о чести. Но не в том, что они патриоты, как хотелось бы нашим администраторам и литераторам, а в том, что они совершенно последовательные материалисты и последовательные пираты. И хотя за ними так ухаживала диктатура пролетариата — не уважали они ее ни минуты.

Это племя, пришедшее на землю — ж и т ! А так как времени на тюрьму

у них приходится почти столько же, сколько и на волю, то они в тюрьме хотят срывать цветы жизни, и какое им дело — для чего эта тюрьма задумана и как страдают другие тут рядом. Они — непокорны, и вот пользуются плодами этой непокорности — и почему ими заботиться о тех, кто гнет голову и умирает рабом? Им нужно есть — и они отнимают все, что видят съедобное и вкусное. Им нужно пить — и они за водку продают конвою вещи, отобранные у соседей. Им нужно мягко

спать — и при их мужественном виде считается у них вполне почетным возить с собой подушку и ватное одеяло или перину (тем более, что там хорошо прячется нож). Они любят лучи благодатного солнца, и если не могут выехать на черноморский курорт, то загорают на крышах строителей, на каменных карьерах, у входа в шахту (под землю пусть спускаются кто дурней). У них великолепно откормленные мускулы, собираемые в шары. Бронзовую кожу свою они отдают под татуировку, и так постоянно удовлетворена их художественная, эротическая и даже нравственная потребность: на грудях, на животах, на спинах друг у друга они разглядывают могучих орлов, присевших на скалу или летящих в небе; балдоху (солнце) с лучами во все стороны; женщин и мужчин в слинии; и отдельные органы их наслаждения; и вдруг около сердца — Ленина или Сталина, или даже обоих (но это стоит ровно столько, сколько и крестик на шее у блатного). Иногда посмеются забавному кочевару, закидывающему уголь в самую задницу, или обезьяне, предавшейся онанизму. И прочтут друг на друге хотя и знакомые, но дорогие в своем повторении надписи: «Всех дешевле в рот...!» (Звучит победно, как «Я — царь Ассаргадон!») Или на животе у блатной девчонки: «Умру за горячую...» И даже скромную некрупную мораль на руке, всадившей уже десяток ножей под ребра: «Помни слова матери!» Или: «Я помню ласки, я помню мать». (У блатных — культ матери, но формальный, без выполнения ее заветов. Среди них популярно есенинское «Письмо матери» и вослед весь Есенин, что попроще. Некоторые стихи его, это «Письмо», «Вечер черные брови насопил», они поют.) — Для укрупнения чувств в их скоробегущей жизни они любят наркотики. Доступней всех наркотиков — анаша (из конопли), она же «плантчик», заворачиваемая в закурку. С благодарностью они и об этом поют:

Ах, плантчик, ты плантчик,
ты божья травка,
Отрада для всех ширмачей.*

Да, не признают они на земле института собственности и этим действитель-

тельно чужды буржуа и тем коммунистам, которые имеют дачи и автомобили. Все, что блатные встречают на жизненном пути, они берут как свое (если это не слишком опасно). Даже когда у них всего вдоволь, они тянутся взять чужое, потому что приедчив ворю некраденый кусок. Отобранное из одежды они носят, пока не надоеет, пока внове, а вскоре проигрывают в карты. Карточная игра ночами напролет приносит им самые сильные ощущения, и тут они далеко превзошли русских дворян прошлых веков. Они могут играть на глаз (и у проигравшего тут же вырывают глаз), играть под себя то есть проигрывать себя для неестественного употребления. Проигравшись, объявляют на барже или в бараче шмон, еще находят что-нибудь у фраеров, и игра продолжается.

Затем, блатные не любят трудиться, но почему они должны любить труд, если кормятся, поятя и одеваются без него? Конечно, это мешает им сблизиться с рабочим классом (но так ли уж любит трудиться и рабочий класс? не из-за горьких ли денег он напрягается, не имея других путей заработать?). Блатные не только не могут «увлечься азартом труда», но труд им отвратителен, и они умеют это театрально выразить. Например, попав на сельхозкомандировку и вынужденные выйти за зону сгребать вику с овсом на сено, они не просто сядут отдыхать, но соберут все грабли и вилы в кучу, подожгут и у этого костра греются. (Социально-чуждый десятник! — прикрой решение...)

Тщетно пытались заставить их воевать за Родину, у них родина вся земля. Мобилизованные урки ехали в воинских эшелонах и напевали, раскачиваясь: «Наше дело правое! — Наше дело левое! — Почему все драпают? — ды-да почему?» Потом воровали что-нибудь, арестовывались и родным этапом возвращались в тыловую тюрьму. Даже когда уцелевшие троцкисты подавали заявления из лагерей на фронт, урки не подавали. Но когда действующая армия стала переваливать в Европу и запахло трофеями, — они надели воинское обмундирование и поехали грабить вослед за армией (они называли это шутя «Пятый Украинский Фронт»).

Но! — и в этом они гораздо принципиальнее Пятьдесят Восьмой! — никакой Женька Жоголь или Васька-Кишкеня с завернутыми голенищами, од-

* Ширмач — карманщик.

нощкою гримасою уважительно выговаривающий священное слово «вор», — никогда не поможет укреплять тюрьму: врывать столбы, натягивать колючку, вскапывать предзонник, ремонтировать вахту, чинить освещение зоны. В этом — честь блатаря. Тюрьма создана против его свободы — и он не может работать на тюрьму! (Впрочем, он не рискует за этот отказ получить 58-ю, а бедному врагу народа сразу бы припаяли контрреволюционный саботаж. По безнаказанности блатные и смелы, а кого медведь драл, тот и пня боится.)

Впрочем, в иных местах, в иное время достается от рассердившегося начальства и некоторым блатным. Вот рассказ американского итальянца Томаса Сговио. (Родился в 1916 в Баффало, успел побывать в американском комсомоле. В 1933 его отец за коммунистическую деятельность был выслан из США, уехал в СССР, семья последовала за ним. Там жили как политэмигранты на содержании МОПРа, многие тысячи было таких в СССР, в ожидании, что понадобятся для захвата своих стран. Но с 1937 Сталин начал мести их подчистую. Посадили Сговио-отца, в 1938 арестовали и Томаса в Охотном ряду — получил СОЗ, социально-опасный элемент, 5 лет, — и быстро, в августе того же года, уже был на Колыме.) Чуть побыл на ОЛПЕ «Разведчик», был доходной, по-русски плохо говоря, плохо понимая, — и не понял, за что в столовой его избил молодой сильный блатарь. Кровоточа носом, лежа на полу, Сговио увидел, что блатарь вытащил из-за голенища сапога длинный нож — еще слово сказать и заколет. Остался лежать на полу, потом долго плакал от горя и бессилия. Тот блатной работал на блатной же и работенке — водовозом. Но через несколько месяцев в разгар зимы его сняли с водовоза и велели идти на общие работы. Он отказался (обычное поведение блатного). Его посадили в изолятор. На разводе поволокли к вахте перед всеми, требовали стать в строй бригады. Блатарь плюнул в лицо начальнику ОЛПа и кричал на надзор, на охрану: «Суки! Лягавые! Фашисты!» Охрана раздела его (был сильный мороз), оставили в одних кальсонах, привязали к саням — и так протащили через ворота. А он все барахтался, понесил начальника и охрану. Поволокли дальше — замерз. (Но вот Сговио: «Что он меня чуть не зарезал — это ничто.

Он для меня герой, и я люблю его — за то, что он ругал начальство».)

Увидеть блатаря с газетой — совершенно невозможно, блатными твердо установлено, что политика — щербет, не относящийся к подлинной жизни. Книжки блатные тоже не читают, очень редко. Но они любят литературу устную, и тот рассказчик, который после отбоя им бесконечно тискает романы, всегда будет сыт от их добычи и в почете, как все сказочники и певцы у примитивных народов. Романы эти — фантастическое и довольно однообразное смешение дешевой бульварщины из великосветской (обязательно великосветской) жизни, где мелькают титулы виконтов, графов, маркизов, — с собственными блатными легендами, самовозвеличением, блатным жаргоном и блатными представлениями о роскошной жизни, которой герой всегда в конце добивается: графиня ложится в его «кояку», курит он только «Казбек», имеет «луковицу» (часы), а его «прохоря» (ботинки) начищены до блеска.

Николай Погодин получал командировку на Беломорканал и, вероятно, проел там немало казны, — а ничего в блатных не разглядел, ничего не понял, обо всем солгал. Так как в нашей литературе 40 лет ничего о лагерях не было, кроме его пьесы (и фильма потом), то приходится тут на нее отозваться.

Убогость инженеров-казров, смотрящих в рот своим воспитателям и так учащих жить, даже не требует отзыва. Но — о его аристократах, о блатных. Погодин умудрился не заметить в них даже той простой черты, что они отнимают по праву сильного, а не тайно воруют из кармана. Он их всех поголовно изобразил мелкими карманными ворами и до надоедания, больше дюжины раз, обыгрывает это в пьесе, и у него урки воруют даже друг у друга (совершенный вздор: воруют только у фраеров, и все сдается пахану). Так же не понял Погодин (или не захотел понять) подлинных стимулов лагерной работы — голода, битья, бригадной круговой поруки. Ухватился же за одно: за «социальную близость» блатных (это подсказали ему в Управлении канала в Медвежке, а то еще раньше в Москве, Максим Горький), — и бросился он показывать «перековку» блатных. И получился пасквиль на блатных, от которого даже мне хочется их защитить.

Они гораздо умней, чем их изображает Погодин (и Шейнин), и на дешевую «перековку» их не купишь, просто потому, что мировоззрение их ближе к жизни, чем

у тюремщиков, цельнее и не содержит никаких элементов идеализма — а все заклания, чтоб голодные люди трудились и умирали в труде, есть чистый идеализм. И если в разговоре с гражданином начальником, или корреспондентом из Москвы, или на дурацком митинге у них слеза на глазах и голос дрожит — то это рассчитанная актерская игра, чтобы получить льготу или скидку срока, — а внутри урка смеется в этот момент! Урки прекрасно понимают забавную шутку (а приехавшие столичные писатели — не понимают). — Это невозможно, чтобы сука Митя вошел безоружный и без надзирателя в камеру РУРа, — а местный пахан Костя уполз бы от него под нары! Костя, конечно, приготовил нож, а если его нет — то бросится Митю душить, и один из них будет мертв. Вот тут наоборот — не шутка, а Погодин лепит пошлую шутку. — Ужасающая фальшь с «перевоспитанием», и переход двух воров в стрелки (это бытовики могут сделать, но не блатные). И невозможное для трезвых циничных урок соревнование между бригадами (разве только для смеха над вольняшками). И самая раздирающе-фальшивая нота: блатные просят дать им правила создания коммуны!

Нельзя оглупить и оболгать блатных больше! Блатные просят правил! Блатные прекрасно знают свои правила — от первого воровства и до последнего удара ножом в шею. И когда можно бить лежачего. И когда нападать пятерым на одного. И когда на спящего. И для коммуны своей — у них есть правила еще пораньше «Коммунистического манифеста»!

Их коммуна, а точней — их мир, есть отдельный мир в нашем мире, и суровые законы, которые столетиями там существуют для крепости того мира, никак не зависят от нашего «фраерского» законодательства и даже от съездов Партии. У них свои законы

старшинства, по которым их паханы не избираются вовсе, но входя в камеру или в зону, уже несут на себе державную корону и сразу признаны за главного. Эти паханы бывают и с сильным интеллектом, всегда же с ясным пониманием блатняцкого мировоззрения и с довольным количеством убийств и грабежей за спиной. У блатных свои суды («правильки»), основанные на кодексе воровской «чести» и традиции. Приговоры судов беспощадны и проводятся неотклонимо, даже если осужденный недоступен и совсем в другой зоне. (Виды казни необычны: могут по очереди все прыгать с верхних нар на лежащего на полу и так разбить ему грудную клетку.)

И что значит само их слово «фраерский»? Фраерский значит — общечеловеческий, такой, как у всех нормальных людей. Именно этот общечеловеческий мир, наш мир, с его моралью, привычками жизни и взаимным обращением, наиболее ненавистен блатным, наиболее высмеивается ими, наиболее противопоставляется своему антисоциальному антиобщественному кублу.

Нет, не «перевоспитание» стало ломать хребет блатному миру («перевоспитание» только помогало им поскорей вернуться к новым грабежам), а когда в 50-х годах, махнув рукой на классовую теорию и социальную близость, Сталин велел совать блатных в изоляторы, в одиночные отсидочные камеры и даже строить для них новые тюрьмы (крытки — называли их вору).

В этих крытках или закрытках вору быстро никли, хирели и доходили. Потому что паразит не может жить в одиночестве. Он должен жить на комнубудь, обвиваясь.

Глава 17 МАЛОЛЕТКИ

Много оскалов у Архипелага, много харь. Ни с какой стороны, подъезжая к нему, не залюбуешься. Но может быть мерзее всего он с той пасти, с которой заглатывает малолеток.

Малолетки — это совсем не те беспризорники в серых лохмотьях, снующие, ворующие и греющиеся у котлов, без которых представить себе нельзя городскую жизнь 20-х годов. В колонии несовершеннолетних преступников

(при Наркомпросе такая была уже в 1920; интересно бы узнать, как с несовершеннолетними преступниками обстояло до революции), в труддома для несовершеннолетних (существовали с 1921 по 1930, имели решетки, запоры и надзор, так что в истрепанной буржуазной терминологии их можно было бы назвать и тюрьмами), а еще в «трудкоммуны ОГПУ» с 1924 года — беспризорников брали с улиц, не от

семей. Их осиротила гражданская война, голод ее, неустройство, расстрелы родителей, гибель их на фронтах, и тогда юстиция действительно пыталась вернуть этих детей в общую жизнь, оторвав от воровского уличного обучения. В трудкоммунах начато было обучение фабрично-заводское, по условиям тех безработных лет это было льготное устройство, и многие парни учились охотно. С 1930 в системе Наркомюста были созданы школы ФЗУ особого типа — для несовершеннолетних, отбывающих срок. Юные преступники должны были работать от 4 до 6 часов в день, получать за это зарплату по всеююзному КЗОТУ, а остальное время дня учиться и веселиться. Может быть, на этом пути дело бы и налажилось.

А откуда взялись юные преступники? От статьи 12 Уголовного кодекса 1926 года, разрешавшей за кражу, насилие, увечья и убийства судить детей с 12-летнего возраста (58-я статья при этом тоже подразумевалась), но судить умеренно, не «на всю катушку», как взрослых. Это уже была первая лазейка на Архипелаг для будущих малолеток — но еще не ворота.

Не пропустим такой интересной цифры: в 1927 заключенных в возрасте от 16 (а уж более молодых и не считают) до 24 лет было 48% от всех заключенных*. Это так можно понять: что почти половина всего Архипелага в 1927 году составляла молодежь, которую Октябрьская революция застала в возрасте от 6 до 14 лет. Эти-то мальчишки и девочки через десять лет победившей революции оказались в тюрьме, да еще составив половину ее населения! Это плохо согласуется с борьбой против пережитков буржуазного сознания, доставшихся нам от старого общества, но цифры есть цифры. Они показывают, что Архипелаг никогда не был беден юностью.

Но насколько быть ему юным — решилось в 1935 году. В том году на податливой глине Истории еще раз вмял и отпечатал свой палец Великий Злодей. Среди таких своих деяний, как разгром Ленинграда и разгром собственной партии, он не упустил вспомнить о детях — о детях, которых он так любил. Лучшим Другом которых был и потому с ними фотографиро-

вался. Не видя, как иначе обуздать этих злокозненных озорников, этих кухаркиных детей, все гуще роящихся в стране, все наглей нарушающих социалистическую законность, испомыслил он за благо: этих детей с двенадцатилетнего возраста (уже и его любимая дочь подходила к тому рубежу, и он осязаемо мог видеть этот возраст) судить на всю катушку кодекса! То есть «с применением всех мер наказания», пояснил Указ ЦИК и СНК от 7.4.35. (То есть и расстрела тоже.)

Неграмотные, мы мало вникали тогда в Указы. Мы все больше смотрели на портреты Сталина с черноволосой девочкой на руках. . . Тем меньше читали их сами двенадцатилетние ребятишки. А Указы шли своей чередой. 10.12.40 — судить с 12-летнего возраста так же и за «подкладывание на рельсы разных предметов» (ну, тренировка молодых диверсантов). Указ 31.5.41 — за все остальные виды преступлений, не вошедшие в статью 12, — судить с 14 лет!

А тут небольшая помеха: началась Отечественная война. Но Закон есть Закон! И 7 июля 1941 года — через четыре дня после панической речи Сталина, в дни, когда немецкие танки рвались к Ленинграду, Смоленску и Киеву, — состоялся еще один Указ Президиума Верховного Совета, трудно сказать, чем для нас сейчас более интересный: бестрепетным ли своим акдемизмом, показывающим, какие важные вопросы решала власть в те пылающие дни, или самим содержанием. Дело в том, что прокурор СССР (Вышинский?) пожаловался Верховному Совету на Верховный суд (а значит, и Милостивец с этим делом знакомился): что неправильно применяется судами Указ 35 года: детишек-то судят только тогда, когда они совершили преступление умышленно. Но ведь это же недопустимая мягкотелость! И вот в огне войны разъяряет Президиум: такое истолкование не соответствует тексту закона, оно вводит непредусмотренные законом ограничения!.. И в согласии с прокурором поясняется Верховсуду: судить детей с применением всех мер наказания (то есть «на всю катушку») так же и в тех случаях, когда они совершат преступления не умышленно, а по неосторожности!

Вот это так! Может быть, и во всей мировой истории никто еще не приблизился к такому коренному реше-

* Сборник «От тюрьмы», с. 333

нию детского вопроса! С 12 лет, за неосторожность — и вплоть до расстрела!

В марте 1972 вся Англия была потрясена, что в Турции английский 14-летний подросток за торговлю крупными партиями наркотиков приговорен к 6 годам — да как же это можно?! А где же были сердца и глаза ваших левых лидеров (да и ваших юристов), когда читали сталинские законы о малолетках?

«Детей»?! Зачем же вы уничтожали детей? — ужасался на подсудимых, изумлялся в своей невинности член Нюрнбергского трибунала советский судья Никитченко, случайно совсем не знавший советских внутренних законов (забыл, как сам судил). С тем более честным и умным видом рядом с ним сидели английский, французский и американский судьи.

Вот только когда были закрыты все норы для жадных мышей! Вот только когда были оберезены колхозные колоски! Теперь-то должна была пополняться и пополняться житница, расцветать жизнь, а порочные от рождения дети становиться на долгую стезю исправления.

И не дрогнул никто из партийных прокуроров, имевших таких же детей своих! — они незатрудненно ставили визы на арест. И не дрогнул никто из партийных судей! — они со светлыми очами приговаривали детишек к трем, пяти, восьми и десяти годам общих работ.

И за стрижку колосьев этим крохам не давали меньше 8 лет!

И за карман картошки — один карман картошки в детских брючках! — тоже восемь!

Огурцы не так ценились. За десяток огурцов с колхозного огорода Саша Блохин получил 5 лет.

А голодная 14-летняя девочка Лида в Чингирлауском райцентре Кустанайской области пошла вдоль улицы собирать вместе с пылью узкую струйку зерна, просыпавшегося с грузовика (и все равно обреченного пропасть). Так ее осудили только на три года по тому смягчающему обстоятельству, что она расхищала социалистическую собственность не прямо с поля и не из амбара. А может, то еще смягчило судей, что в этом (1948) году было-таки разъяснение Верховсуда: за хищения с характером детского озорства (мелкая кража яблок в саду) — не судить. По аналогии суд и вывел, что можно чуток

помягче. (А мы выведем для себя, что с 1935 по 1948 за яблоки — судили.)

И очень многих судили за побег из школ ФЗО. Правда, только 6 месяцев за это давали. (В лагере их называли в шутку «смертниками». Но шутка не шутка, а вот из дальневосточного лагеря картинка со «смертниками»: им поручен вывоз дерьма из уборной. Телюга с двумя огромными колесами, на ней огромная бочка, полная зловонной жижи. «Смертники» впрягаются по много в оглобли и с боков и сзади толкают (на них хлопает при качаниях бочки), а краснорожие суки в шевитовых костюмах хохочут и палкой погоняют ребятишек. — На корабельном же этапе на Сахалин из Владивостока (1949) суки под угрозой ножа использовали этих ребятишек. — Так что и шести месяцев бывает иногда довольно.

И вот когда двенадцатилетние переступали пороги тюремных взрослых камер, уравненные со взрослыми как полноправные граждане, уравненные в дичайших сроках, почти равных их всей несознательной жизни, уравненные в хлебной пайке, в миске баланды, в месте на нарах, — вот тогда старый термин коммунистического перевоспитания «несовершеннолетние» как-то обесценился, опылы в контурах, стал неясен — и сам ГУЛАГ родил звонкое нахальное слово: малолетка! И с гордым и горьким выражением сами о себе стали повторять его эти горькие граждане — еще не граждане страны, но уже граждане Архипелага.

Так рано и так странно началось их совершеннолетие — с переступа через тюремный порог.

На двенадцати- и четырнадцатилетние головки обрушился уклад, которого не выдерживали устоявшиеся мужественные люди. Но молодые по законам молодой жизни не должны были этим укладом расплющиться, а — вращи и приспособиться. Как в раннем возрасте без затруднения усваиваются новые языки, новые обычаи — так малолетки с ходу переняли и язык Архипелага, — а это язык блатных, и философию Архипелага, — а чья ж это философия?

Они взяли для себя из этой жизни всю самую бесчеловечную суть, весь ядовитый гниющий сок — и так привычно, будто жидкость эту, эту, а не молоко, сосали они еще младенцами

Они так быстро вращались в лагерную жизнь — не за недели даже, а за дни! — будто и не удивились ей, будто эта жизнь и не была им вовсе нова, а была естественным продолжением вчерашней вольной жизни.

Они и на воле росли не в хлопках, не в бархате: не дети властных и обеспеченных родителей стригли колосья, набивали карманы картошкой, опаздывали к заводской проходной и бежали из ФЗО. Малолетки — это дети трудящихся. Они и на воле хорошо понимали, что жизнь строится на несправедливости. Но не всё там было обнажено до последней крайности, иное в благопристойных одеждах, иное смягчено добрым словом матери. На Архипелаге же малолетки увидели мир, каким представляется он глазам четвероногих: только сила есть права! только хищник имеет право жить! Так видимы Архипелаг и во взрослом возрасте, но мы способны противопоставить ему наш опыт, наши размышления, наши идеалы и прочтенное нами до того дня. Дети же воспринимают Архипелаг с божественной восприимчивостью детства. И в несколько дней дети становятся тут зверьми! — да зверьми худшими, не имеющими этических представлений (глядя в покойные огромные глаза лошади или лаская прижатые уши виноватой собаки, как откажешь им в этике?). Малолетка усваивает: если есть зубы слабей твоих — вырывай из них кусок, он — твой:

Есть два основных вида содержания малолеток на Архипелаге: отдельными детскими колониями (главным образом, младших малолеток, кому еще не исполнилось пятнадцати лет) и (старших малолеток) — на смешанных лагпунктах, чаще с инвалидами и женщинами.

Оба эти способа равно достигают развития животной злобности. И ни один из них не освобождает малолеток от воспитания в духе воровских правил.

Вот Юра Ермолов. Он рассказывает, что еще в 12 лет (в 1942 году) видел вокруг себя много мошенничества, воровства, спекуляции, и сам для себя так рассудил жизнь: не крадет и не обманывает только тот, кто боится. А я — не хочу ничего бояться! И, значит, буду красть и обманывать и жить хорошо. Впрочем, на время его жизнь пошла все-таки иначе. Его увлекло школьное воспитание в духе светлых примеров. Однако, раскусив Любимого

Отца (лауреаты и министры говорят, что это было непосильно), он в 14 лет написал листовку: «Долой Сталина! Да здравствует Ленин!» Тут-то его и схватили били, дали 58-го и посадили с малолетками-урками. И Юра Ермолов быстро усвоил воровской закон. Спираль его существования стремительно наворачивала витки — и уже в 14 лет он выполнил свое «отрицание отрицания»: вернулся к пониманию воровства как высшего и лучшего в бытии.

И что же увидел он в детской колонии? «Еще больше несправедливостей, чем на воле. Начальство и надзиратели живут за счет государства, прикрываясь воспитательной системой. Часть паёк малолеток уходит с кухни в утробы воспитателей. Малолеток бьют сапогами, держат в страхе, чтобы были молчаливыми и послушными». (Тут надо пояснить, что паек младших малолеток — это не обычный лагерный паек. Осудив малолеток на долгие годы, правительство не перестало быть гуманным, оно не забыло, что эти самые дети — будущие хозяева коммунизма. Поэтому им добавлено в паек и молоко, и сливочное масло, и настоящее мясо. Как же воспитателям удержаться от соблазна запустить черпак в котел малолеток? И как заставить малолеток молчать, если не сапогами? Может быть, из выросших этих малолеток кто-нибудь расскажет нам еще историю помрачнее «Оливера Твиста»?)

Самый простой ответ на одолевающие несправедливости — твори несправедливости и сам! Это — самый легкий вывод, и он теперь надолго (а то и навсегда) станет жизненным правилом малолеток.

Но вот интересно! — вступая в борьбу жестокого мира, малолетки не борются друг против друга. Друг во друге — не видят они врагов! Они вступают в эту борьбу — коллективом, дружиной! Ростки социализма? внушение воспитателей? — ах, не бормочите, лепетуньи! Это снисходит на них закон воровского мира. Видеть воров — дружны, ведь у воров — дисциплина и паханы. А малолетки — это воровские пионеры, они усваивают заветы старших.

О, конечно, их усилению воспитывают! Приезжают воспитатели — три звездочки, четыре звездочки — читают им лекции о Великой Отечественной войне, о бессмертном подвиге нашего народа, о фашистских зверствах, о сол-

нечной сталинской заботе о детях, о том, каков должен быть советский человек. Но Великое Учение об обществе, построенное на одной экономике, никогда не знавшее психологии, не знает и того простого психологического закона, что всякое повторение пять и шесть раз — уже вызывает недоверие, а свыше того — отвращение. Малолеткам отвратительно то, что когда-то втолковывали им учителя, а сейчас воруемые с кухни воспитатели. (И даже патриотическая речь офицера из воинской части: «Ребята! Вам доверяется пороть парашюты. Это драгоценный шелк, имущество Родины, старайтесь его беречь!» — не имеет успеха. Гоняся за перевыполнением и дополнительными кашами, малолетки изрезают весь шелк в негодные клочки. — Кривощечково). И изо всех этих семян только семена ненависти — вражда к Пятидесят Восьмой, превосходство над врагами народа — усваиваются ими.

Это понадобится им дальше, в общих лагерях. А пока среди них нет врагов народа. Юра Ермолов — такой же свой малолетка, он давно сменил глупый политический закон на мудрый воровской. Никто не может не перевариться в этой каше! Никакой мальчик не может остаться особой личностью — он будет растоптан, разорван, разъят, если сейчас же не заявит себя воровским пионером. И в с е принимают эту неизбежную присягу... (Читатель! Подставьте туда — своих детей...)

В детских колониях — кто враг малолеток? Надзиратели и воспитатели. С ними и борьба!

Малолетки отлично знают свою силу. Первая их сила — сплоченность, вторая — безнаказанность. Это извне они втолкнуты сюда по взрослому закону, здесь же, на Архипелаге, их охраняет священное табу. «Молоко, начальничек! Отдай молоко!» — вопят они и барабанят в двери камеры, ломают нары, бьют стекла — все, что было бы названо у взрослых вооруженным восстанием или экономическим саботажем. А малолеткам — ничто не грозит! Им сейчас принесут молоко!

Вот ведут под строгим конвоем колонну малолеток по городу, кажется — даже стыдно так серьезно охранять малышей. А не тут-то было! Они сговорились — свист!! — и кто хочет, бегут в разные стороны! Что делать конвою? Стрелять? В кого именно? Да можно ли в детей?.. На том и кончились

их тюремные сроки! Сразу лет сто пятьдесят убежало от государства. Не нравится быть смешным? — не арестовывай детей!

Будущий романист (тот, кто детство провел среди малолеток) опишет нам множество затей малолеток, как они озоровали в колониях, мстили и гадили воспитателям. При кажущейся строгости их сроков и внутреннего режима, у малолеток из безнаказанности развивается большая дерзость.

Вот один из их хвалебных рассказов о себе. Зная обычный образ действий малолеток, я вполне ему верю. К медицинской сестре в колонии прибегают взволнованные испуганные ребяташки, зовут ее к тяжело заболевшему товарищу. Забыв о предосторожности, она быстро отправляется с ними в их большую — человек на сорок — камеру. И тут начинается муравьиная работа! — одни баррикадируют дверь и держат оборону, другие десятком рук срывают с сестры все надетое, валят ее, те садятся ей на руки, те на ноги, и теперь, кто во что горазд, насилуют ее, целуют, кусают. И стрелять в них не положено, и никто ее не отобьет, пока сами не отпустят, поруганную и плачущую.

Интерес к женскому телу развивается у мальчиков вообще рано, а в камерах малолеток он еще сильно раскаляется красочными рассказами и похвалюбою. И они не упускают случая разрядиться. Вот эпизод. Среди бела дня на виду у всех сидят в кривощечковской зоне (1-й лагпункт) четверо малолеток и разговаривают с малолеткой же Любой из переплетного цеха. Она в чем-то резко им возражает. Тогда мальчики вскакивают и высоко вздергивают ее за ноги. Она оказывается в беспомощном положении: руками опираясь о землю, и юбка спадает ей на голову. Мальчики держат ее так и свободными руками ласкают. Потом опускают не грубо. Она ударяет их? Убегает от них? Нет, садится по-прежнему и продолжает спорить.

Это уже — малолетки лет по шестнадцати, это — зона взрослая, смешанная. (Это — в ней тот самый барак на 500 женщин, где все соединения происходят без завешиваний и куда малолетки с важностью ходят как мужчины.)

В детских колониях малолетки трудятся четыре часа, а четыре должны учиться (впрочем, вся эта учеба — тухта). С переводом во взрослый лагерь

они получают 10-часовой рабочий день, только уменьшенные трудовые нормы, а нормы питания — те же, что у взрослых. Их переводят сюда лет шестнадцати, но недоедание и неправильное развитие в лагере и до лагеря придает им в этом возрасте вид маленьких щуплых детей, отстают их рост, и ум их, и их интересы. По роду работы их содержат здесь иногда отдельными бригадами, иногда смешивая в общую бригаду со стариками-инвалидами. Здесь и спрашивают с них «облегченный физический», а попросту детский туземный труд.

После детской колонии обстановка сильно изменилась. Уже нет детского пайка, на который зарился надзор, — и поэтому надзор перестает быть главным врагом. Появились какие-то старики, на которых можно испробовать свою силу. Появились женщины, на которых можно проверить свою зрелость. Появились и настоящие живые воры, мордатые лагерные штурмовики, которые охотно руководят и мировоззрением малолеток, и их тренировками в воровстве. Учиться у них — заманчиво, не учиться — невозможно.

Для вольного читателя слово «воры», может быть, звучит укоризненно? Тогда он ничего не понял. Это слово произносится в блатном мире, как в дворянской среде «рыцарь», и даже еще уважительнее, не в полный голос, как слово священное. Стать достойным воровом когда-нибудь — это мечта малолетки, это — стихийный напор их дружины. Да и самому самостоятельному среди них —

юноше, обдумывающему житье, не найти жребия верней.

Как-то на ивановской пересылке ночевал я в камере малолеток. Рядом со мной на нарах оказался худенький мальчик старше пятнадцати, кажется Слава. Мне показалось, что весь обряд малолеток он выполняет как-то изневно, будто вырастая из него или устало. Я подумал: вот этот мальчик не погиб и умнее, он от них скоро отстанет. Мы разговорились. Мальчик был из Киева, кто-то из родителей у него умер, кто-то бросил его. Слава начал воровать еще перед войной, лет девяти, воровал и «когда наши пришли», и после войны, и с задумчивой невеселой улыбкой, такой ранней для пятнадцати лет, объяснил мне, что и в дальнейшем собирается жить только воровством. «Вы знаете, — очень ра-

зумно обосновывал он, — рабочей профессией кроме хлеба и воды ничего не заработаешь. А у меня детство было плохое, я хочу хорошо пожить». — «А что ты делал при немцах?» — спросил я, восполняя два обойденных им года — два года оккупации Киева. Он покачал головой: «При немцах я работал. Что вы, разве при немцах можно было воровать? Они за это на месте расстреливали».

И во взрослых лагерях малолетки сохраняют главную черту своего поведения — дружность нападения и дружность отпора. Это делает их сильными и освобождает от ограничений. В их сознании нет никакого контрольного флажка между дозволенным и недозволенным, и уж вовсе никакого представления о добре и зле. Для них то все хорошо, чего они хотят, и то всё плохо, что им мешает. Наглую нахальную манеру держаться они усваивают потому, что это — самая выгодная в лагере форма поведения. Притворство и хитрость отлично служат им там, где не может взять сила. Малолетка может прикинуться иконописным отроком, он растрогает вас до слез, пока его товарищи будут сзади потрошить ваш мешок. Всей своей злопаямной дружиной они кого хочешь доймут мстью, — и, чтоб не связываться с этой ордой, никто не помогает жертве. Цель достигнута — соперники разьединены, и малолетки бросаются своєю на одного. И они непобедимы! Их налетает так много сразу, что не успеешь их заметить, различить, запомнить. Не хватает рук и ног отбиться от них.

Вот по рассказу А. Ю. Сузи несколько картинок со 2-го (штрафного) Кривошёковского лагпункта Новосиблага. Жизнь в громадных (на 500 человек) полутемных землянках, вкопанных в землю на полтора метра. Начальство не вмешивается в жизнь зоны (уже ни лозунгов, ни лекций). Засилие блатарей и малолеток. На работу почти не выводят. Соответствующее и питание. Зато избыток времени.

Вот несут из хлебозрезки под конвоем своих бригадников хлебный ящик. Перед самым ящиком малолетки затевают мнимую драку, толкают друг друга и опрокидывают ящик. Бригадники бросаются поднимать пайки с земли. Из двадцати они успевают подхватить только четырнадцать. «Дравшихся» малолеток уже и помина нет.

Столовая в этом лагунке — дощатая пристройка, негодная сибирской зимой, там не едят. Баланду и пайку надо донести по морозу от кухни до своей землянки — метров 150. Для стариков-инвалидов это — опасная тяжелая операция. Пайка всунута глубоко за пазуху, мерзнувшие руки вцепились в котелок. Но внезапно, с бесовской быстротой, налетают со стороны двое-трое малолеток. Они сбивают старика с ног, в шесть рук его обшаривают и уносятся вихрем. Пайка отобрана, баланда пролилась, валяется пустой котелок, старик силится подняться на колени. (А другие зэки видят — и спешат обойти опасное место, спешат свою-то пайку донести до землянки.) Чем слабей жертва — тем беспощаднее малолетки. Вот у совсем слабого старика отнимают пайку в открытую, рвут из пальцев. Старик плачет, умоляет отдать: «Я с голоду умру!» — «А тебе и всё равно скоро подышать, какая разница!» — Вот наладилась малолетки нападать на инвалидов в пустом холодном помещении перед кухней, где вечно снуют народ. Шайка валит жертву на землю, садится на руки, на ноги, на голову, обшаривают все карманы, берут махорку, деньги и исчезают.

Крупный крепкий латыш Мартинсон имеет неосторожность появиться в зоне в кожаных коричневых шнуровых высоких сапогах английского летчика, зашнурованных через крючки на высоту всей голени. Он даже на ночь не снимает их с ног. И он уверен в своей силе. Но вот его подстерегают чуть прилегшим на помост в столовой, на него мгновенно налетает шайка и так же мгновенно улетает — и сапог нет! Все шнурки перерезаны и сапоги сдернуты. Искать? Куда там! Сейчас же через надзирателя (!) сапоги отправляют за зону и там продают за высокую цену. (Чего только не сплавляют малолетки за зону. Всякий раз, когда, пожалев их юность, лагерное начальство дает им чуть получше обувь или одежду, или какие-нибудь жалкие лепешки матрасов, отобранные от Пятьдесят Восьмой, — в несколько дней это все загоняется за махорку вольным, а малолетки снова ходят в продранном и спят на голых нарах.)

Довольно неосторожному вольняшке зайти в зону с собакой и на миг отвернуться, — шкуру своей собаки к вечеру он может купить за зоной: со-

бака вмиг отманена, зарезана, ободрана и испечена.

Краше нет воровства и разбоя! — они и кормят, они и веселы. Но и простая разминка, бескорыстная забава и беготня нужны молодому телу. Если уж дали им молотки сколачивать снарядные ящики, — они машут ими непрестанно и с удовольствием (даже девочки) вколачивают гвозди во что попало, в столы, в стены, во пни. Они постоянно борются друг с другом — и не для того только, чтоб опрокинуть хлебный ящик, они и действительно борются и бегают друг за другом по нарам и проходкам. Нужды нет, что они бегут по ногам, по вещам, что-то опрокинули, что-то испачкали, кого-то разбудили, кого-то сшибли, — они играют!

Так играют и всякие дети, но на обычных детей есть все же родители (в нашу эпоху — не более чем «все же»), есть какая-то управа, их можно остановить, пронять, наказать, отправить в другое место, — в лагере это все невозможно. Пронять малолеток словами — просто нельзя, человеческая речь вырабатывалась не для них, их уши не впускают ничего, не нужного им. Раздраженные старики начинают одергивать их руками — малолетки забрасывают стариков тяжелыми предметами. В чем не находят малолетки забавы! — схватить у инвалида гимнастерку и играть в перекидашки — заставить его бегать как ровесника. Он обиделся, ушел? — так он ее и не увидит! продали за зону и прокурили. (Теперь к нему же и подойдут невинно: «Папаша, дай закурить! Да ладно, не сердись. Чего ж ты ушел, не ловил?»)

Взрослым людям, отцам и дедам, эти буйные забавы малолеток в лагерной тесноте может быть надсаднее и оскорбительнее, чем их разбой и голодная жадность. Это оказывается одним из самых чувствительных унижений: пожилому человеку быть приравненным к пацану, да если бы на равных! — нет, отданным на произвол пацанов.

Малолетки безумышленные, они вовсе не думают оскорбить, они не притворяются: они действительно никого за людей не считают, кроме себя и старших воров! Они так ухватили мир! — и теперь держатся за это. Вот при съеме с работы они вбиваются в колонну взрослых зэков, измученных,

еле стоящих, погрузившихся в какое-то оцепенение или в воспоминания. Малолетки расталкивают колонну не потому, что им надо стать первыми, — это ничего не дает, а просто так, для забавы. Они шумно разговаривают, постоянно все поминают Пушкина («Пушкин взял», «Пушкин съел»), матерятся в Бога, в Христа и в Богородицу, выкрикивают любую брань о половых извращениях, никак не стесняясь пожилых женщин, стоящих тут, а тем более молодых. За короткое лагерное время они достигли высочайшей свободы от общества. — Во время долгих проверок в зоне малолетки гоняются друг за другом, торпедируя толпу, валя одних людей на других («Что, мужик, на дороге стал?»), или бегают друг за другом вокруг человека как вокруг дерева, тем удобнее дерева, что еще можно им заслоняться, дергать, шатать, рвать в разные стороны.

Это и в веселую-то минуту оскорбительно, но когда переломлена вся жизнь, человек заброшен в далекую лагерную яму, чтобы погибнуть, уже голодная смерть распространяется в нем, мрак стоит в его глазах, — нельзя подняться выше себя и посочувствовать юнцам, что так беззастенчивы их игры в таком унылом месте. Нет, пожилых измученных людей охватывает злоба, они кричат им: «Чтоб вас чума взяла, змеёныши!», «Падлюки! Бешеные собаки!», «Чтоб вы подошли!», «Своими бы руками их задушил!», «Хуже фашистов зверье!», «Вот напустили нам на погибель!» (И столько вложено в эти крики инвалидов, что если бы слова убивали — они бы убили.) Да! Так и кажется, что их напустили нарочно — потому что и долго думая, лагерные распорядители не изобрели бы бича тяжелей. (Как в удачной шахматной партии все комбинации вдруг начинают вязаться сами, а мнится, что — задолго гениально придуманы, так и многое удалось в нашей Системе на лучшее изурнение челоуеков.) Так и кажется, что по христианской мифологии вот такими должны быть чертенята, никакими другими!

Тем более, что их главная забава и их символ — их постоянный символ, приветственный и угрозный знак — это рогатка: расставленные указательный и средний пальцы руки, как бы подвижные бодающие рожки. Но они не бодающие, они — выкальвающие, потому что тянутся всегда к глазам. Это

заимствовано у взрослых воров и означает серьезную угрозу: «Глаза выдалю, падло!» А у малолеток это любимая игра: внезапно перед глазами старика, неведь откуда, зменной головой вырастает рогатка, и пальцы уверенно идут к глазам, сейчас надавят! Старик откидывается, его еще чуть подталкивают в грудь, а другой малолетка сзади уже приник к земле вплотную к ногам — и старик грохается навзничь, голову обземе, под веселый хохот малолеток. И никогда они его не поднимут. Да невдомек им, что они сделали что-нибудь худое! — это только весело. Ни отвар, ни присыпка этих чертей не берет! И, с трудом поднимая большое тело, старик со злобой шепчет: «Пулемет бы был — из пулемета бы по ним не жалко!»

Старик Ц. ненавидел их устойчиво. Он говорил: «Все равно они погибшие, это для людей чума растет. Надо их потихоньку уничтожать». И разработал способ: поймав украдкой малолетку, валить его на землю и давить ему коленями грудь, пока услышится треск ребер — но не до конца, на этом отпустить. Такой малолетка, говорил Ц., уже не жилец, но ни один врач не поймет в чем дело. И Ц. отправил так несколько малолеток на тот свет, пока самого его смертно не избил.

Ненависть порождает ненависть. Черная вода ненависти с легкостью разливается по горизонтали. Это легче, чем извернуться по жерлу вверх — к тем, кто и старого и малого обрек на рабью участь.

Так готовились маленькие впрямые звери совместным действием сталинского законодательства, гулаговского воспитания и воровской закваски. Нельзя было изобрести лучшего способа оскотинения ребенка! Нельзя было плотней и быстрее вогнать все лагерные пороки в неокрепшую узкую грудь!

Даже когда ничего не стоило смягчить душу ребенка, лагерные хозяева этого не допускали: ведь это не было задачей их воспитания. С Кривощёковского первого лагпункта на второй мальчик просился к своему отцу, сидевшему там. Не разрешили (ведь инструкция требует разьединять)! Пришлось мальчишке спрятаться в бочке, так переехать на второй лагпункт и тайно пожить при отце. А его с суматохой считали в побеге и палкой с гвоздевыми поперечинами пробал-

тывали ямы уборных — не потоплен ли там.

И лихо только начать. Это в 15 лет Володе Снегиреву было садиться как-то непривычно. А потом за шесть сроков он перебрал почти столетие (было дважды по 25), сотни дней провел в БУРах и карцерах (усвоил молодыми лёгкими туберкулёз), 7 лет — под всесоюзным розыском. Потом-то он был уже на верной воровской дорожке. (Сейчас — без лёгкого и пяти ребер, инвалид второй группы.) — Витя Коптяев с 12-летнего возраста сидит непрерывно. Осуждён четырнадцать раз, из них 9 раз — за побег. «На свободе в законном порядке я еще не был». —

* * *

Есть такие воровские дети, которые успевают схватить 58-ю очень рано. Например, Гелий Павлов получил ее в 12 лет (с 1943 по 1949 сидел в колонии в Заковске). По 58-й вообще никакого возрастного минимума не существовало! Даже в популярных юридических лекциях — Таллин, 1945 год, — говорили так. Доктор Усма знал 6-летнего мальчика, сидевшего в колонии по 58-й статье — уж это, очевидно, рекорд!

Иногда посадка ребенка для приличия откладывалась, но все равно наступала отмеченного. Вера Инчик, дочь уборщицы, вместе с двумя другими девочками, всем по 14 лет, — узнала (Евиск, 1932), как при раскулачивании покидают малых детей — умирать. Решили девочки («как раньше революционеры») протестовать. На листках из школьных тетрадей они написали своим почерком и расклеили по базару, ожидая немедленного всеобщего возмущения. Дочь врача посадили, кажется, тотчас. А дочери уборщицы лишь пометили где-то. Подошел 1937 год — и арестовали ее «за шпионаж в пользу Польши».

Где, как не в этой главе, помянуть и тех детей, кто осиротел от ареста своих родителей?

Еще счастливы были дети женщин из религиозной общины под Хостой. Когда в 1929 году матерей отправили на Соловки, то детей по мягкости оставили при домах и хозяйствах. Дети сами обихаживали сады, огороды, доили коз, прилежно учились в школе, а родителям на Соловки посылали отметки и заверения, что готовы постра-

Юра Ермолов после освобождения устроился работать, но его уволили: важнее было принять демобилизованного солдата. Пришлось «идти на гастроли». И на новый срок.

Сталинские бессмертные законы о малолетках просуществовали 20 лет (до Указа от 24.4.54, чуть послабше: освобожденного тех малолеток, кто отбыл больше одной трети, — да ведь это из первого срока!, а если их четырнадцать?). Двадцать жатв они собрали. Двадцать возрастов они свихнули в преступление и разврат.

Кто смеет наводить тень на память нашего Великого Корифея?

дать за Бога, как и матери их. (Разумеется, Партия скоро дала им эту возможность.)

По инструкции «разъединять» сосланных детей и родителей — сколько этих малолеток было еще в 20-е годы (вспомним 48 процентов)? И кто нам расскажет их судьбу? ..

Вот — Галя Венедиктова. Отец ее был петроградский типограф, анархист, мать — белошвейка из Польши. Галя хорошо помнит свой шестой день рождения (1933), его весело отпраздновали. На другое утро она проснулась — ни отца, ни матери, в книгах роется чужой военной. Правда, через месяц маму ей вернули: женщины и дети едут в Тобольск свободно, только мужчины этапом. Там жили семьей, но не дожили трех лет сроку: арестовали снова мать, а отца расстреляли, мать через месяц умерла в тюрьме. Галю забрали в детдом в монастыре под Тобольском. Обычай был там такой, что девочки жили в постоянном страхе насилия. Потом перевелась она в городской детдом. Директор внушал ей: «Вы дети врагов народа, а вас еще кормят и одевают!» (Нет, до чего гуманная эта диктатура пролетариата!) Стала Галя как волчонок. В 11 лет она была уже на своем первом политическом допросе. — С тех пор она имела червонец, отбыла, впрочем, не полностью. К сорока годам одинокая живет в Заполярье и пишет: «Моя жизнь кончилась с арестом отца. Я его так люблю до сих пор, что боюсь даже думать об этом. Это был другой мир, и душа моя больна любовью к нему...»

Вспоминает и Светлана Седова: «Никогда мне не забыть тот день, когда все наши вещи вынесли на улицу, а меня посадили на них, и лил сильный дождь. С шести лет я была «дочерью изменника родины» — страшной этого ничего в жизни быть не может».

Брали их в приемники НКВД, в спецдома. Большинству меняли фамилии, особенно у кого громкая. (Юра Бухарин только в 1956 году узнал свою истинную фамилию. А Чеботарёв, кажется, и не громкая?) Вырастали дети вполне очищенными от родительской скверны. Роза Ковач, уроженка Филадельфии, малышкой привезенная сюда отцом-коммунистом, после приемника НКВД попала в войну в американскую зону Германии — каких только судеб не накручивается! — и что ж? Вернулась на Советскую родину получить и свои 25 лет.

Даже поверхностный взгляд замечает эту особенность: детям — тоже сидеть, в свой черед отправляться и им на обетованный Архипелаг, иногда и одновременно с родителями. Вот восьмиклассница — Нина Перегуд. В ноябре 1941 года пришли арестовывать ее отца. Обыск. Вдруг Нина вспомнила, что в печи лежит скомканная, но не сожженная ею частушка. Так бы и лежать ей там, но Нина по суетливости решила тут же ее изорвать. Она полезла в топку, дремлющий милиционер схватил ее. И ужасающая крамола, написанная школьным почерком, предстала глазам чекистов:

В небе звезды засияли,
Свет ложится на траву,
Мы Смоленск уж проиграли,
Проиграем и Москву,

И выражала она пожелание:

Чтобы школу разбомбили,
Нам учиться стало лень.

Разумеется, эти взрослые мужчины, спасающие родину в глубоком тамбовском тылу, эти рыцари с чистым сердцем и чистыми руками, должны были пресечь такую смертельную опасность*. Нина была арестована. Изъяты были для следствия ее дневники с 6-го класса и контрреволюционная фотография: снимок Варваринской уничто-

* Когда-нибудь, когда-нибудь неужели не вытащим мы одного такого крота, утверждавшего арест восьмиклассницы за стихик! Посмотреть — какой лоб у него! какие уши!

женной церкви. «О чем говорил отец?» — добивались рыцари с горячим сердцем. Нина только редела. Приговорили ей 5 лет и 3 года поражения в правах (хотя поразиться в них она еще не могла: не было у нее еще прав).

В лагере ее, конечно, разлучили с отцом. Ветка белой сирени терзала ее: а подруги сдают экзамены! Нина страдала так, как по замыслу и должна страдать преступница, исправляясь: что сделала Зоя Космодемьянская, моя ровесница, и какая гадкая я! Оперы жали на эту педаль: «Но ты еще можешь к ней подтянуться! Помоги нам!»

О, растлители юных душ! Как благополучно вы окончите вашу жизнь! Вам нигде не придется, краснея и коснея, встать и признаться, какими же вы помоями заливали души!

А Зоя Лещева сумела всю семью свою превзойти. Это вот как было. Ее отца, мать, дедушку с бабушкой и старших братьев-подростков — всех рассели по дальним лагерям за веру в Бога. А Зое было всего десять лет. Взяли ее в детский дом (Ивановская область). Там она объявила, что никогда не снимет с шеи креста, который мать надела ей при расставании. И завязала ниточку узлом ту же, чтобы не сняли во время сна. Борьба шла долго, Зоя озлоблялась: вы можете меня задушить, с мертвой снимете! Тогда, как не подающуюся воспитанию, ее отослали в детдом для дефективных! Здесь уже были подонки, стиль малолеток худший, чем описан в этой главе. Борьба за крест продолжалась. Зоя устояла: она и здесь не научилась ни воровать, ни сквернословить. «У такой святой женщины, как моя мать, дочь не может быть уголовницей. Лучше буду политической, как вся семья».

И она — стала политической! Чем больше воспитатели и радио славили Сталина, тем верней угадала она в нем виновника всех несчастий. И, неподдавшаяся уголовникам, она теперь увлекла за собою их! Во дворе стояла стандартная гипсовая статуя Сталина. На ней стали появляться издевательские и неприличные надписи. (Малолетки любят спорт! — важно только правильно их направить.) Администрация подкрашивает статую, устанавливает слежку, сообщает и в МГБ. А надписи всё появляются, и ребята хохочут. Наконец, в одно утро голову статуи нашли отбитой, перевёрнутой и в пустоте её — кал.

Террористический акт! Поехали гебисты. Начались по всем их правилам допросы и угрозы: «Выдайте банду террористов, иначе всех расстреляем за террор!» (А ничего дивного, подумаешь, полторы сотни детей расстрелять. Если б Сам узнал — он бы и сам распорядился.)

Неизвестно, устояли бы малолетки или дрогнули, но Зоя Лещева объявила:

— Это сделала всё я одна! А на что другое годится голова папаша?

И ее судили. И присудили к высшей мере, безо всякого смеха. Но, из-за недопустимой гуманности закона о возвращенной смертной казни (1950), расстрелять 14-летнюю вроде не полага-

лось. И потому дали ей десятку (удивительно, что не двадцать пять). До восемнадцати лет она была в обычных лагерях, с восемнадцати — в Особых. За прямоту и язык был у нее и второй лагерный срок и, кажется, третий.

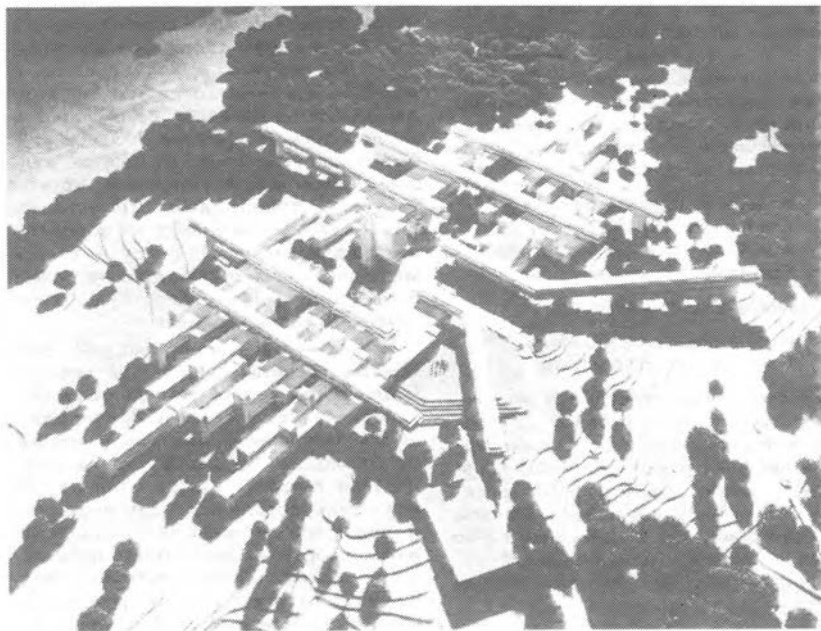
Освободились уже и родители Зои и братья, а Зоя все сидела.

Да здравствует наша веротерпимость!

Да здравствуют дети, хозяева коммунизма!

Отзовись та страна, которая так любила бы своих детей, как мы своих!

Окончание следует

Архитектура Гунара Биркерта. Музей современного автомобилестроения в Хьюстоне, штат Техас, США. 1970 г.

Фото Яниса Эйдукса

Александр ЖДАНОК

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ ИЛИ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА?

Разве трудно понять, что с исчезновением капитализма должны исчезнуть порожденные им буржуазные нации! Не думаете ли вы, что старые буржуазные нации могут существовать и развиваться при советском строе, при диктатуре пролетариата? Этого еще не хватало . . .

И. Сталин. Сочинения, том 11, с. 340

Ситуация в Прибалтике меняется столь стремительно, что любой систематический анализ происходящего устареет к моменту его завершения. Предлагаем читателю лишь отдельные зарисовки и штрихи политических событий и явлений с акцентом на русскоязычное население и Интерфронт в Латвии. Положение в этой республике кардинально отличается от ситуации в Литве и Эстонии тем, что только здесь языковое соотношение достигло уровня 50 на 50. Статья закончена в конце августа, и многое может измениться к моменту выхода этого номера журнала в свет. Но некоторые корни происшедших и будущих событий, надеемся, можно будет обнаружить и по этим наблюдениям лета 1989 года.

КУДА ВЕДУТ РУССКОЯЗЫЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЕГО «ЗАЩИТНИКИ»!

Начнем с констатации существующих явлений. Признать необходимо следующие две реалии.

Первое. Подъем национального самосознания во всех его проявлениях **неизбежен** для народов СССР. В практическом плане это сопряжено с их стремлением к этническому единству и национальной самостоятельности или автономии в той или иной форме.

Второе. Процесс национального возрождения и сопутствующий ему процесс самоорганизации нации во всех областях общественной и экономической жизни **не остановятся** сами по себе при сохранении нынешнего уров-

ня демократии и гласности. Более того, даже ускорятся при дальнейшей демократизации.

Не будем обсуждать причины этого явления, они спрятаны глубоко в самой природе человеческого общества и связаны с особенностями нашей государственной системы. Главное, что каждый день приносит нам все новые подтверждения этих реалий с разных концов страны.

Если мы наблюдаем объективную закономерность, то лишено смысла ставить вопрос о том, плохая она или хорошая. Никто же не станет всевозмущаться тем, например, что осенью птицы улетают от нас на юг. Однако человек смелое и дерзкое существо и иногда не без успеха берется изменить и объективные реальности. Есть группы людей, чьи интересы

ущемляются при национальной самоорганизации тех или иных народов страны. Здесь уже примешивается субъективный фактор, поскольку нет признанного критерия оценки истинности интересов. И сам человек не всегда может увидеть противоречие между своим сегодняшним интересом и более важным интересом в будущем. Оставим эту необъятную тему и примем за объективный факт тот интерес, который указанные группы людей сами для себя отмечают. Ну и для конкретности сразу будем иметь в виду ту часть нелатышского населения Латвии, которая видит ущемление своих интересов при происходящей самоорганизации латышского народа.

Давайте логически рассмотрим, что нужно сделать, если решать задачу о соблюдении этих интересов **полностью**. Только одно — ликвидировать условия, сделавшие возможным национальное возрождение народов. Это означает свертывание демократического развития страны и возвращение к прежним формам управления государством. Понятно, что это возможно лишь в рамках всей страны, а не для какой-нибудь отдельной республики. Сделать это довольно трудно, но можно — есть единственный и испытанный (в разное время и во многих странах) прием. Заключается он в создании в стране острого политического кризиса, из которого невозможно выйти при помощи мирных демократических средств.

Кризис можно создать, например, спровоцировав массовые беспорядки, желательные с кровавыми столкновениями между группами людей, а еще лучше — между гражданским населением и органами правопорядка. Конфликтов, уже возникших на юге страны, как оказалось, недостаточно: запас прочности нынешнего демократического режима страны еще не исчерпан. Нужно, чтобы аналогичные события начались в Прибалтике и в нескольких крупных городах России. В качестве первого шага здесь могут быть использованы забастовки по политическим мотивам. На руку и забастовки по экономическим мотивам в промышленных центрах страны, если их грамотно использовать в своих целях.

Если все это произойдет, то центральные власти вынуждены будут ввести особое положение в стране, приостановить действие Конституции,

распустить все общественно-политические организации. В стране установится полицейский режим с командными методами управления во всех областях общественной и экономической жизни. Если те или иные руководители страны, республик и областей будут к этому не готовы, то требования снизу — любой ценой навести в стране порядок — сметут и этих руководителей. Идеологи и руководители жесткой линии найдутся — прежде всего те, которые и спровоцируют кризис. Вполне возможно и использование армии, вплоть до установления военной диктатуры. Мировой опыт показывает (например, в Чили), что в таких случаях в стране на долгие годы закрепляется государственный режим, близкий к тому, который был у нас в 30-е годы. Цель будет достигнута, национальный вопрос снова будет «решен». И надолго. Для некоторых малочисленных народов, возможно, и навсегда. . .

Нарисованная схема всем хорошо известна, и не стоило бы об этом говорить, если бы не было людей, желающих ее реализовать. Но такие люди есть, их немало, и они уже хорошо организованы. Если более внимательно присмотреться к ним, то можно обнаружить, что национальный вопрос не является для них главным, он — лишь удобная ширма для достижения своих истинных целей. Попробуем это показать.

В «Литературной газете» от 19 июля были приведены рассуждения рижанина Р. Дудника по поводу того, что «республика оказалась расколотой по национальному признаку». Там содержатся и такие высказывания: «Зачем все валить на Сталина. . . Да, он подпустил органы, создал теорию обострения классовых борьбы, ошибался **как теоретик**. Но лакеи на местах ее подхватили, они и должны нести ответственность» (подчеркнуто мной. — **А. Ж.**). Другими словами, Сталин **как практик** не виноват, и если плохих лакеев заменить на хороших, то можно и повторить все сначала. Судьба отдельных наций и народов СССР при этом будет предельно ясна, проблем не будет. Ведь, как отмечает там же Р. Дудник, «идет естественный процесс ассимиляции во всем мире». При этом он не забывает напомнить, что латыши представляют собой «население, составляющее лишь один процент страны». Естественно, они исчезнут, право

на дальнейшее существование как нации Р. Дудник им не дает.

Аналогичные соображения высказывал Р. Дудник и на съезде Интерфронта в январе этого года, и поскольку он до сих пор остается одним из руководителей союза ветеранов (отколовшаяся часть республиканского совета ветеранов), то естественно предположить, что он выражает общее мнение целой организации. Эта организация является важной составной частью Интерфронта как его коллективный член.

Идеи об ассимиляции малочисленных народов, замешанные на ностальгии по сталинским временам, не случайно звучат от руководящего представителя Интерфронта Латвии. На митинге ИФ 20 июля в Риге один из его руководителей А. Алексеев под всеобщее ликование объявил, что делегация Латвийского ИФ ездил на учредительный съезд Объединенного фронта трудящихся СССР, ставшего на самом деле объединением всех интердвижений страны. Мы еще коснемся этой организации, а сейчас лишь напомним известный факт. Почетным гостем и докладчиком на учредительном съезде была Нина Андреева, та самая, которая открыто потребовала вернуть народу Сталина и его режим. Более того, съезд предложил ей стать почетным председателем своей организации.

Знаменитые сталинские фразы, которые любят повторять ораторы на митингах Интерфронта, как видим, вполне закономерны. Приведем слова из речи О. Морозова, одного из руководителей ИФ Эстонии на митинге ИФ Латвии 21 апреля в Риге: «Мы такие же хозяева этой земли, как эстонцы, литовцы и латыши. Мы защитим свои права. Но борьба будет тяжелой. **Наше дело правое, победа будет за нами**» (подчеркнуто интонацией докладчика). Но хозяин земли прежде всего тот, который ее обрабатывает и могилы чьих предков находятся за околлицей деревни, а не тот, чьи танки стоят на этой земле. Приведенная цитата весьма показательна еще и в том, что речь идет не о борьбе за **равные права** русских и эстонцев, литовцев и латышей в этих республиках, а за то, чтобы быть **хозяином**. Но хозяин ведь может быть **только один**. Да, такая борьба действительно будет тяжелой.

Откровенно сталинская направленность идеологических устремлений

прибалтийского интерфронта, естественно (как и весь сталинизм), входит в противоречие с ленинскими взглядами. И хотя лидеры ИФ неустанно подчеркивают свою верность линии КПСС, под Компартией они понимают ее сталинский вариант и как огня боятся ленинской мысли. На том же митинге ИФ 21 апреля оратор Дятлов сетует: «Удивляет, что все цитируют Ленина, но почему-то мало какая из газет напечатала портрет Ленина». Вот так, Ленин нужен только как мумия в Мавзолее, в виде портрета, символа, но не как живой мыслитель.

Особенно некстати Ленин высказывался по национальному вопросу, и эти его «несвоевременные» мысли без разрешения начали вдруг цитировать всевозможные нацмены. ИФ и не скрывает раздражения по этому поводу, и с трибуны мы слышим «стихи», обращенные к латышам:

Вам не нужно Ленина читать,
Вам не нужно Ленина
цитировать.

Так сказать, не ваше дело, чего он там в неразберихе Революции горяча написал, сами с ним разберемся.

Руководители всех трех интердвижений вбивают в головы рядовых членов в разных вариантах такой тезис (он звучит на каждом митинге ИФ): они, то есть латыши, эстонцы, литовцы, готовят нам, то есть русским, участь рабов, а сами, конечно, станут господами. Это очень важный момент, и он хорошо характеризует психологию авторов этого устойчивого пропагандистского оборота. Все дело в том, что сталинисты, направляющие деятельность ИФ, не знают и не принимают других отношений в обществе, кроме как начальник — подчиненный, или, если угодно, господин — раб. Перестройка многих из них может лишить права командовать, то есть быть господами. Тогда, по их представлениям, они попадают в разряд рабов. В этих категориях они рассматривают и отношения между нациями, так родился и указанный тезис.

Тем, кого эта придуманная угроза загипнотизировала и заставила встать под знамена ИФ, следует сказать, что именно им предстоит стать первыми послушными рабами — но не латышей, а собственных руководителей всех звеньев ИФ. Именно им уготована роль вернуть бюрократов и чиновников на

командные рубежи. Напомним факт, который должен в этом убедить. К тому же он имеет и особый самостоятельный интерес.

Газета «Советская молодежь» 22 апреля опубликовала интервью с кандидатом в народные депутаты СССР А. Белайчуком, который ответил на все те вопросы, которые задавали тогда каждому кандидату в депутаты. При этом он подчеркивал, что баллотируется и как гражданин республики, и как член КПСС, и как представитель ИФ (напомним, что он один из создателей и руководителей ИФ) и в случае победы будет защищать интересы всех граждан, а не только членов ИФ.

Через неделю, 28 апреля, та же газета публикует следующее Заявление президиума республиканского совета Интерфронта (оно имеет прямое отношение к предстоящей предвыборной борьбе в местных Советы и во многом будет ее определять):

— ответы г. Белайчука А. К. на вопросы корреспондента газеты являются его личной точкой зрения и по большому числу пунктов расходятся с позицией президиума РС ИФ;

— с целью упорядочения доведения до средств массовой информации позиции президиума или РС ИФ по какому-либо вопросу, **по каждому случаю выхода на средства массовой информации принимается решение президиума РС ИФ** (подчеркнуто мной. — А. Ж.) с назначением персонального представителя ИФ для выдачи официальных данных в прессу.

После этого заявления в печати практически перестали появляться выступления (не баловали нас этим и ранее) представителей руководства ИФ кроме двух-трех чуть ли не насильно (читатели-то требуют!) взятых интервью.

Итак, если вы член ИФ, и даже не рядовой член, то самостоятельно высказать публично свое мнение, изложить позицию по тем или иным вопросам вы не имеете права. По поводу каждой вашей реплики должно состояться заседание анонимного президиума РС ИФ, которое проверит вашу лояльность президиуму и решит вашу судьбу. Публичная порка может быть устроена даже создателю ИФ. Тем самым теле- и радиоинтервью в прямом эфире исключены, как это и было принято у партийных руководителей сталинского и брежневского периодов. Общение с народом происходит только по зара-

не утвержденной на самом верху бумажке, а народ цинично превращается в бессловесное стадо, которое нужно только направлять. Вопросы из толпы к докладчикам не предусмотрены, так как докладчик не имеет права ответить, пока его ответ не утвердит политическая охранка ИФ — его президиум. Закрытый внеочередной съезд ИФ в начале июня **счел возможным скрыть свои решения даже от сочувствующих ИФ и от своих же членов**, отказавшись дать соответствующий материал в республиканские средства массовой информации. Основные доклады, сделанные на съезде, не были опубликованы даже в бюллетене ИФ «Единство». Точно так же в свое время рядовым коммунистам не положено было знать, какие судьбоносные для страны решения принимает сталинское Политбюро.

Интерфронт при своем создании объявил, что его цель — поддержка перестройки. Однако на деле чем больше развивается демократия и гласность в стране и в политике КПСС, тем быстрее и откровеннее Интерфронт возвращается к сталинским методам тридцатых годов. Это еще одно свидетельство того, что обострение обстановки в республике в результате деятельности Интерфронта носит не характер межнационального конфликта, а отражает борьбу прогрессивных и реакционных сил и в стране, и в партии.

Нравственные нормы лидеров ИФ также соответствуют представлениям, существовавшим в 30-е годы в СССР и Германии: «Нравственно все, что идет на пользу партии». Это было убедительно продемонстрировано в конце апреля, когда лидеры ИФ призвали на митинге рабочих к политической забастовке, а когда она началась на некоторых предприятиях, то не стали в первые ряды бастующих, а тихо отсиделись на своих служебных местах (они сами вынуждены были это признать, отвечая на вопросы корреспондентов газет). Может быть, они рассчитывали на повторение тбилисского варианта?

Ну а кто же скандировал на митинге ИФ 21 апреля слова «за-ба-стов-ку»? Один из ораторов на этом митинге С. Коняева вопрошала: «Почему среди нас так мало рабочей молодежи? Мы сами виноваты. Действительно, у нас одни старики». То, что на том (как и на других) митинге основную массу участ-

ников составляли пенсионеры, все могли убедиться, посмотрев недавнюю передачу Центрального телевидения «Интервью у памятника Свободы». Посмотрите теперь, какую игру ведут с рабочими Латвии. К забастовке призывают лидеры, которые затем прячутся в кусты, а резолюцию об **остановке работы** на предприятиях принимают участники митинга, основная масса которых **не работает** по причине пенсионного возраста. Все эти люди затем сидят дома у телевизоров в ожидании каких-нибудь столкновений между рабочими, которых они толкнули на политическую забастовку, и властями. Для верности перед этим отсылаются письма и телеграммы в Москву с просьбой употребить силу.

И кто же становится орудием и жертвой в этой грязной игре? Русскоязычные рабочие, которых Закон о языке (а забастовки направлены были именно против этого закона) касается меньше всего. Закон предусматривает обязательное знание двух языков лишь всевозможными начальниками, работниками социальной сферы и торговли. Так в чьих же интересах заставляют действовать рабочих? В интересах тех бюрократов, которые в борьбе за утрачиваемую власть и привилегии готовы повторить кровавое тбилисское воскресенье, принеся в жертву этих самых рабочих. Тот же Р. Дудник, как зам. директора электролампового завода, прекрасно знает, какое место он может потерять и что ему нужно от простых членов Интерфронта.

И уж никакой стороной Закон о языке не касается пенсионеров. И вот некоторую часть этих людей, вынесших на своих плечах и войну и разруху, столько перенесших в жизни, воспользовавшись тем, что они уже по возрасту не всегда успевают быстро разобраться в нашей стремительно меняющейся действительности, те же бюрократы, остающиеся за кулисами, вовлекли в свою игру под ненужными для них лозунгами!

Итак, мы рассмотрели один вариант решения национального вопроса в стране, в том числе в Латвии. Важно знать, что есть люди, желающие такого решения, и есть реальная возможность его осуществить. Но нужно, чтобы и все сочувствующие таким группам людей ясно отдавали себе отчет в том, какими средствами на практике будет прово-

диться в жизнь это решение и как на деле будет выглядеть будущее «беспроблемное» и «интернациональное» общество.

«ИНТЕРКУЛЬТУРА» ИЛИ «АНТИКУЛЬТУРА»!

Одной из важных характеристик любого политического движения является его отношение к культуре, духовным традициям, к интеллигенции. У Народного фронта Латвии сохранение и развитие латышской национальной культуры в широком смысле является главной задачей. Именно для ее решения он разрабатывает и реализует свои конкретные политические программы. Иные отношения с культурой, в том числе с русской, у Интернационального фронта. Еще в период его основания многие, предполагая в нем будущего защитника интересов русскоязычного населения в Латвии, ожидали и особого внимания с его стороны к русской культуре.

Первое разочарование наступило уже на учредительном съезде ИФ в январе 1989 г. во время выступления одного из руководителей Балто-славянского общества — Попова. БСО является первым культурным обществом в Латвии перестроечного времени и ставит задачей изучение славянских культурных традиций в Прибалтике и их взаимодействие с культурой балтийских народов. Казалось бы, чем это уже не готовый культурный базис для программы Интерфронта? Однако делегаты съезда несколько раз прерывали «захлопыванием» речь оратора и в конце концов заставили его сойти с трибуны, не закончив речь. Реакция слушателей была однозначной — проблемы культурного строительства их не интересуют, а если еще речь идет и о взаимодействии с **латышской** культурой, то и раздражают.

Обеспокоенная русскоязычная творческая и научная интеллигенция создает вскоре Латвийское общество русской культуры. Организация эта не политическая, не стремится к массовости и, не дублируя БСО, выполняет очень важную сегодня работу: организация выставок, встреч, концертов, сбор архивных материалов и т. п. Просветительская деятельность направлена в первую очередь на русскоязычную

среду в Латвии. Наследуя лучшие традиции российской интеллигенции, ЛОРК уже в своих первых программных заявлениях полностью признает право латышского народа на свое духовное и культурное возрождение и призывает к терпимости в межнациональных отношениях. Этого оказалось достаточно, чтобы Интерфронт начал кампанию дискредитации ЛОРК и травлю представителей русской интеллигенции, вошедших в общество. В бюллетене ИФ «Единство» от 5 апреля в статье о ЛОРК читаем: «Да и способно ли родить положительного героя организация, заявляющая: "Мы призываем каждого думающего и сознательного русского выступать против бездумной воинственности, против власти темных эгоистических инстинктов"». Ну что же, думаю, и за пределами Латвии любой настоящий интеллигент, какова бы ни была его национальность, подпишет под таким призывом. И то, что Интерфронт его открыто отвергает, дает ему самую мрачную характеристику. В этой краткой выдержке ИФ обнажает свои мировоззренческие принципы, на которых основывается и которыми хорошо объясняется вся его политическая деятельность. С этого момента уже почти в каждом номере «Единства» льется грязь на конкретных русскоязычных писателей и деятелей культуры Латвии и ни один митинг ИФ не обходится без резких выпадов в адрес местной интеллигенции в целом.

Вопрос о языке является ключевым и в политической, и в культурной жизни в республике. ЛОРК, как и многие не входящие в него представители русскоязычной интеллигенции, призвал всех с пониманием отнестись к требованиям латышей придать их языку на своей родине статус государственного. Эта юридическая акция на практике лишь **приравнивает** латышский язык к русскому (так, кстати, понимал вопрос о государственном языке и В. И. Ленин), который безраздельно господствовал в Латвии во всех сферах общественной и производственной жизни. Бюллетень «Единство» тут же отреагировал: «Как может ЛОРК называть себя обществом русской культуры, если призывает против русского языка в Латвии?»

С этой логикой ИФ мы уже сталкивались: если кто-то против **господства** русских людей в Латвии — значит, он против русских людей, если кто-то против **господства** русского языка в Лат-

вии — значит, он против русского языка. И, тем самым, если вы отстаиваете ценности русской культуры, то, в понимании Интерфронта, вы должны выступать за беспредельное **господство** русского культурного начала во всех многонациональных районах российской империи. Вспомним, однако, что все выдающиеся представители русской культуры всегда считали подобные имперские шовинистические взгляды губительными прежде всего для самой русской культуры, ведущими к ее же вырождению. Давайте проверим, так ли это, полистав 14 номеров бюллетеня ИФ «Единство», вышедших к концу августа.

«Изящную русскую словесность» в ИФ представляет его штатный поэт Феликс Кац. Это именно ему принадлежат «стихи о Ленине», приведенные в первом разделе статьи. Он же зачитывает свои стихотворные описания злбу дня на каждом митинге ИФ, публикует их почти в каждом номере «Единства» и пользуется у единомышленников немалым успехом. Размышления о латышском языке приводят его к таким строкам («Единство», № 1):

Сразу, в первой же строке,
Нас уже приговорили:
Чтобы мы посуду мыли,
Чтобы Родину ценили,
Океаны бороздили,
По воротам шайбой били,
Чтобы жен своих любили,
Чтобы мы на свете жили
На латышском языке.
Чтоб из нас веревки вили
На латышском языке,
На латышском языке.

По-видимому, Ф. Кацу кто-то подсказал, что еще не было случая в истории, чтобы **поэт ругал язык**, если он даже им и не владеет. Ф. Кац срочно исправляется и пишет приветственную оду народному поэту Латвии Янису Петерсу по случаю его пятидесятилетия («Единство», № 3):

Я могу уверенно сказать:
Мы с тобой преодолеем тренье,
Завтра я сумею написать
по-латышски все стихотворенья.
Мы с тобой стараться будем, Ян,
Сделать жизнь и лучше и
красивей.

Надеемся, эти «стихи» не изменили у Я. Петерса представление о настоящей русской поэзии, которую он, к не-

удовольствию ИФ, хорошо знает. Но юбилей юбилеями, а поэзия по-интерфронтовски — это прежде всего идеологическое оружие. И вот Ф. Кац получает задание поэтически отражать работу Съезда народных депутатов СССР. В 9-м номере «Единства» читаем:

Сквозь налипшую копоть глянца
Агрессивно звонких речей
Свалит пулею речь афганца
Доморощенных басмачей.

Это, нетрудно догадаться, о Червонописском и «басмаче» А. Сахарове. Впрочем, далее автор уже прямо называет не полюбившихся ему депутатов: «злостью дышащий Афанасьев», «раззадорившийся Попов», «распоясавшийся Карякин» и т. д. Как видим, сказать, что ни один «деятель культуры» не пошел на сотрудничество с ИФ — нельзя, один пошел. Но вот только неясно, культуру или антикультуру представляет он в ИФ?

Весной этого года в Ригу приезжали писатель А. Приставкин и поэт, редактор «Огонька» В. Коротич. Каждый из них встречался с представителями различных творческих, общественных и политических организаций, в том числе и с Интерфронтом и Народным фронтом. Оба приветствовали латышский народ в его борьбе за перестройку и за национальное возрождение (а как могло быть иначе для гостя?). Реакция ИФ не замедлила себя ждать: «Таким «гостям», как В. Коротич и А. Приставкин, наверное, нечего делать в Латвии», «С такими «святыми», как В. Коротич, нам явно не по пути, т. к. он не перестройщик, а перевертыш» — и так в нескольких номерах «Единства» и в митинговых речах. В четвертом номере этой газеты, где целая серия статей посвящена шельмованию А. Приставкина, В. Коротича, а также их латвийских собратьев по перу М. Костенецкой, Ю. Абызова, Р. Добровенского и других, призывающих с пониманием относиться к «ближнему» в Латвии, появляется такое стихотворение:

Не пора ли к сволочи
Относиться правильно?
И не словом — делом бы!
Так, чтоб зря не тлел!
Чтобы ему вспомнилось
На «досуге» лагерном,
Как на воле «ближнего»
своего жалел.

Как тут не вспомнить знаменитое

геббельсовское: когда я слышу слово культура, то хватаюсь за пистолет. К «сволочи», которую пора отправлять в «лагеря», Интерфронт устами Сергея Назарова относит не только русскоязычных литераторов. Ненависть вызывает у его членов и Ассоциация национальных культурных обществ Латвии (АНКОЛ), объединяющая полтора десятка организаций украинцев, поляков, евреев, белорусов, армян и т. д. Все эти культурные общества уже открыли или готовятся открывать национальные классы и школы, организуют вечерние и воскресные курсы для изучения родного языка и культуры своих народов. Народный фронт Латвии, следуя доверенной традиции, когда в Латвии почти все меньшинства имели свои национальные школы (в советское время они были закрыты), оказывает практическую помощь националам из АНКОЛ. Как и следовало ожидать, «Единство» немедленно помещает серию статей, обвиняющих националов во всех грехах. Мы уже привели примеры лексики этого органа ИФ, поэтому не будем повторять печатаемые там ругательства и в адрес АНКОЛ.

Ну а об отношении ИФ к латышской культуре можно уже и не говорить. Достаточно привести рассуждения главного редактора «Единства» В. Тихомирова в десятом номере: «Когда мы слышим постоянно повторяемые формулы — мы имеем дело с массовым психозом, возникшим в результате целенаправленного шаманства. Классическим примером такового является формула «боль латышского народа». Сколько я ни спрашивал у латышей, сторонников ИФЛ, никто из них не мог толково объяснить, что это такое».

Неприятием своей и чужой культуры, непониманием боли за утраченное у своего и других народов и объясняется, наверное, то, что ни в одном номере бюллетеня «Единства» нельзя найти какого-нибудь позитивного материала о культурных процессах ни сегодняшнего дня, ни в прошлом. Слова интеллигент, писатель, культура, духовные традиции, церковь употребляются в основном с тем, чтобы за ними следовали такие: «предатель», «ханжа», «сволочь», «националист», «духовное оружие Ульманиса», «сборище малограмотных попов» и т. п. После чтения таких материалов о «культуре» хочется вымыть руки.

«МОЛЧАЛИВОЕ БОЛЬШИНСТВО»!

Когда создавался Интерфронт трудящихся Латвии, то многие русскоязычные сочувственно отнеслись к идее объединения. Но, как затем выяснилось, цели такого объединения все видели по-разному. О категории людей, идущих с ИФ и после его учреждения, мы уже сказали; далее речь пойдет о всех остальных.

Народный фронт Латвии был создан для возрождения латышской нации, для ее спасения. Идея возрождения была актуальна и для других малочисленных национальных групп в Латвии, и они, естественно, присоединились к движению НФЛ. С русскими в Латвии положение оказалось намного сложнее. Экстренного вопроса о спасении русской нации и ее культуры для прибалтийских республик вроде бы не стоит. Проблема в целом, конечно, весьма актуальна, но она должна решаться прежде всего в России, а уж никак не только русскими, живущими за ее пределами. Но, разумеется, с посильным участием последних. Такого распространенного представления русских в Прибалтике о себе. На такой платформе и не могло возникнуть движение, аналогичное НФЛ, и независимо от него.

После образования НФЛ определенная часть русских с большим пониманием отнеслась к идее латышского возрождения, воспринимая ее как восстановление исторической справедливости. Но большинство считало, что непосредственно включаться в деятельность НФЛ не совсем этично. Получилось бы так, что их предыдущие поколения вмешались во внутренние дела латышей, хотя их никто об этом и не просил, ну а нынешнее поколение русских в Латвии, опять же без встречной просьбы, стало бы указывать латышам, что и как им нужно исправлять. И таких русских, безусловно поддерживающих НФЛ, больше, чем русских — членов НФЛ. Это, в основном, та небольшая часть интеллигенции, у которой обостренное чувство интернациональной справедливости выше, чем чувство некоторого дискомфорта, несомненно возникающего у русских при напоминании (впервые за 70 лет!), что не они хозяева в том или ином регионе страны и что их туда не звали. Разумеется, и эти люди никогда не со-

гласятся с приписыванием всей русской нации какой-либо осознанной злонамеренности в прошлом и не склонны обвинять простых русских людей, которые после десятилетий соответствующего воспитания видели свой святой долг в выполнении сталинских установок. В этом же идейном плену были и многие латыши. Тем более, что всех неогласных русских отправили туда же, куда и латышей в 1941 и 1949 годах — только намного раньше.

Другая, и, по-видимому, основная часть русского и русскоязычного населения Латвии лишь в абстрактно-философском уровне принимает справедливое требование латышей восстановить их право на свое самостоятельное национальное развитие (не конкретизируя вопрос о форме самостоятельности). Признаёт она и ответственность СССР за нынешнюю ситуацию, но конкретную вину за ее возникновение, естественно, сопрягает со сталинским и брежневским режимами. Но это, еще раз подчеркиваю, в абстрактном плане. Ну а в практической плоскости эта часть русскоязычных неожиданно столкнулась с тем, что восстановление исторической справедливости означает сужение области действия некоторых, до сих пор как богом данных (но неписанных) своих прав. Прежде всего, это право в любом конце страны говорить по-русски при любых обстоятельствах и при любом роде деятельности. Осознание этого факта повергло их в психологический шок.

И это совершенно естественно. Это вроде как штраф при переходе улицы в неположенном месте: огласен, что справедливо, и проголосую за такой закон; но всю жизнь перехожу свою улицу не на переходе (я здесь живу!), а тут вдруг милиционер (никогда их здесь раньше не было) — плати рубль. И неудобно, и рубля жалко, но главное — рассержен. И сам не пойму на кого — не то на себя, не то на милиционера, не то на теперь уже «дуррацкий» закон.

Усложняют положение и всевозможные мелкие несправедливости к ним, неизбежно возникающие при любом бурном движении национального возрождения и в любой другой стране. В то же время у этой части русскоязычного населения достаточно совести и здравого смысла не бороться за снятие всех своих проблем путем ликвида-

ции или сдерживания национального движения латышей. По-человечески понятно также и то, что многие из них в душе были бы рады, если бы и перестройка сохранилась, и одновременно национальный вопрос сам по себе рассосался, не затронув их статуса в национальной республике. Они слышали, что логически это невозможно, но, может быть, это невозможно лишь для логичных ученых? А вдруг, все-таки, как-нибудь пронесет, если никуда не встреть и не высовываться? А уезжать, конечно, ни в коем случае не хочется, да и нереально в стране с паспортным режимом и отсутствием свободного рынка жилья. Некоторые из них мечутся между митингами Интерфронта и Народного фронта, боясь надолго задержаться на каком-нибудь одном. Партийная часть пытается отсидеться в политических заповедниках первичных парторганизаций, повторяя вчерашние удивительно нейтральные и пустые лозунги (повысить, улучшить, добиться, крепить дружбу и т. д.). Многие пытаются самозабвенно трудиться, справедливо полагая, что как бы там дело ни повернулось, но хороший работник будет нужен всем — и левым и правым, и коммунистам и капиталистам, и русским и латышам. Покупают самоучители латышского языка, но пока вслух не учат — а вдруг?.. Ну, и дружно вместе с латышами скупают товары первой необходимости на возможное время смуты. (Пусть читатель не обижается за иронию, автор тоже русскоязычный, или нелатыш, — как кому нравится называть.)

Мне представляется, что такова психология большинства русских, а также русскоязычных других национальностей, утративших свою национальность, проживающих в Латвии. Это все те, которые остались после вычитания убежденных бойцов ИФ, незначительной группы НФЛ, и представителей других национальностей, уже нашедших себе место в грядущем латвийском обществе, организовав культурные землячества.

Сегодня для них идет мучительный процесс выработки ориентиров для возможных или вынужденных шагов в ближайшем будущем. При этом многие по старинке ждут, что же скажет им правящая Компартия? Вот на ее роли в развитии событий мы и остановимся в следующем разделе.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ КПЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИЕЙ?

Невозможно обсуждать ключевую для Латвии проблему межнациональных отношений, не касаясь позиции и деятельности Компартии Латвии. Согласно шестой статье Конституции СССР «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза... (она) определяет генеральную перспективу развития общества...». Латвийская партийная организация переживает сегодня серьезные трудности. Являются ли ее проблемы внутренним делом партии? Ни в коем случае. В СССР Компартия сама поставила себя в такие условия, когда она не может решать свои внутренние проблемы по своему усмотрению, основываясь лишь на позициях своих членов. Любой беспартийный гражданин страны имеет моральное право высказывать свое отношение и давать оценку любым, вроде бы сугубо внутрипартийным делам Компартии и требовать адекватной ответной реакции, то есть фактически вмешиваться в ее дела.

Если беспартийному американцу не нравится что-либо во внутренней жизни демократической партии, то ему незачем пытаться вмешиваться в ее дела. Он попросту проголосует за председателя республиканской партии на очередных выборах, чем и высказает свое мнение. В рамках же нашей системы, за кого бы гражданин ни голосовал, пусть даже ни один коммунист не войдет в Советы, все равно согласно Конституции СССР руководящей партией останется КПСС. Но гражданину далеко не безразлично, кто и как им будет руководить, куда его направят и зачем. И поскольку он не имеет юридического права сменить одну руководящую силу на другую, если, по его мнению, его завели не туда, куда он хотел, то он должен иметь право влиять на переориентацию этой направляющей силы. Внутрипартийные дела становятся предметом публичного обсуждения и для беспартийного. Из этого мы и будем исходить.

В ходе подготовки к недавнему пленуму ЦК КПЛ (10—11 и 30 августа) все республиканские газеты ежедневно публиковали подборки высказываний

партийных активистов различного уровня по поводу роли республиканской парторганизации и особенно ЦК КПЛ в нынешней ситуации. И часто звучали претензии к ЦК за недостаточно активную позицию, за отсутствие четкой политической линии, за самоустранение и т. п. Мне представляется, что авторы таких оценок не до конца отдают себе отчет в истинном положении Компартии Латвии в сегодняшнем спектре политических движений. Если ЦК займет какую-то совершенно определенную позицию, то вскоре последует политический кризис в республике. И причина как раз и кроется в том, что Компартия «пожизненно» правящая. Попробуем обосновать такую точку зрения.

Если есть две достаточно мощные, пусть даже неравные силы, то исход активного противостояния далеко не предопределен. При этом, разумеется, приходится учитывать и влияние сил извне республики. Если ЦК выражает однозначную позицию, то она неизбежно окажется ближе к одной из сторон, чем к другой, а это автоматически будет означать открытую поддержку какой-то стороны. Другой стороне ничего не остается, как от активного противостояния перейти к активным действиям. И здесь может произойти непредвиденное усиление мощи любой из сторон. Можно и проиграть. Но ЦК не может проигрывать, не предусмотрено Конституцией. Значит, идти на риск борьбы нельзя, даже если одна из сил имеет иные идеологические ориентиры, тем более если таковы обе силы.

Ну а если вспомнить легендарное бесстрашие организации большевиков начала века и пойти в бой? Почему так пугает пусть даже небольшой шанс проигрыша? Из истории цивилизации мы знаем: если кто-то смешал пожизненного монарха, то никогда не оставлял его на свободе. Не приходится сомневаться, что после семидесятилетнего правления, имея конституционное право и обязанность (!) на власть, Компартия попытается тут же вернуть свою руководящую роль. Но сделать это будет возможно только силой, используя весь государственный аппарат принуждения. Последствия на обозримое будущее, надеюсь, комментировать не нужно.

Таким образом, если недалековидные призывы к выработке однозначной позиции — как отдельными партийны-

ми организациями, так и ЦК — возымеют действие, то мы получим непредсказуемое развитие событий, опасное как для Компартии, так и для всех других организаций и населения республики в целом.

Свою единоличную руководящую роль Компартия утвердила в России еще в 1922—1924 годах. Но свою конституционную (по тексту) обязанность руководить страной КПСС оформила сравнительно недавно — в 1977 году, когда внутривнутриполитическая обстановка в стране была стабильной (стабильной — еще не означает хорошей; стабильным был и режим генерала Франко). Внесение шестой статьи в Конституцию тогда делалось в предположении, что так будет продолжаться достаточно долго. И действительно, в условиях внутривнутриполитической устойчивости и при отсутствии других политических организаций можно допустить, что шестая статья не мешала ни народу, ни Компартии. Сегодня же, с возникновением хорошо организованных политических движений, Компартия, не имея намерения (а скорее всего, не имея сил) их нейтрализовать, оставаясь по Конституции политическим гарантом системы государственной власти, автоматически приобретает несколько неожиданную роль — роль нейтрального президента страны. И фактически, хочет того ЦК КПЛ или нет, на последние месяцы вынужденно ведет себя именно так, как функционирует, скажем, президент ФРГ. Тем самым Компартия теряет ряд признаков политической партии, она перестает быть свободной и независимой политической организацией. Возведенный самой себе в период, как тогда казалось, триумфа трон сегодня ее же сковывает по рукам и ногам.

Понимая это, многие коммунисты, сохраняя формальное членство в Компартии, вступают в другие политические организации, имеющие иные идеологические акценты, но зато свободные в своих действиях. Тем самым Компартия рассеивается по другим политическим организациям. Допустив эту ситуацию именно в силу своего конституционного статуса правящей партии, Компартия Латвии теперь уже не может себе позволить широкую дискуссию по поводу своей политической ориентации. Такая дискуссия зафиксировывает раскол и втянет в него пока аполитичную часть членов партии. Выполнен-

ние партией столь необходимых сейчас для всех функций нейтрального президента республики станет невозможным. Общий кризис в республике наступит незамедлительно. С этой точки зрения забастовки русскоязычных рабочих в Эстонии и митинговая война в Молдавии могут рассматриваться (при наличии и других причин) как следствие смещения партийного руководства республик с президентских позиций в ту или иную сторону.

Итак, политическая пассивность Компартии Латвии и ее ЦК является вынужденной платой за конституционную правящую роль. Восстановление Компартией активной формы возможно лишь при возврате к структуре государственной власти, существовавшей в первые годы после Октябрьской революции, когда она делила власть и соперничала с социалистами-революционерами, меньшевиками и рядом других политических партий.

Не нужно думать, что это чисто теоретические разлагодельствования «кучки интеллигентов». На заседании Верховного Совета СССР 24 июля народный депутат, представитель бастующих шахтеров Печерского бассейна, зачитал их основные политические требования. И среди них — убрать из Конституции шестую статью о руководящей роли партии. Телевидение и радио повторили этот призыв. Рабочим хорошо понятно, что сегодня сдерживает нормальное развитие производственных отношений, таких отношений, которые лишены искусственных рамок, возведенных в угоду теперь уже неизвестно чьей идеологии (раньше утверждалось, что пролетарской).

Давайте посмотрим, чем же отличается положение КПЛ в Латвии от положения компартий в других республиках и какие условия необходимы для введения многопартийности только в одной или нескольких республиках.

По известным причинам только в прибалтийских республиках сформировались мощные политические силы, оформились организационно и получили (завоевали) статус, достаточный для легальной политической деятельности. На базе этих движений и могут образоваться альтернативные политические партии. Мы уже разобрали вопрос, почему в этих движениях много коммунистов. Это не мешает созданию новых партий — в ряде стран имеется по две компартии и по несколько

марксистских. Что касается других республик, то какие бы там ни происходили энергичные и шумные политические акции, реальные политические движения находятся на более низком уровне развития, чем в Прибалтике. Не выработаны там или утеряны и навыки парламентской борьбы. Другими словами, вне Прибалтики вопрос о многопартийности сегодня еще не актуален. Ведь так не бывает: объявлено право создать другие партии — и они тут же и образовались. Партии формируются в политической борьбе, а уж затем отбивают себе и юридическое право на существование. Да и не будет правящая партия сама декларировать многопартийность, если ее устойчиво не попросить об этом.

Итак, необходимость введения многопартийности возникла лишь в Прибалтике, где созрели и соответствующие для этого условия. Но отказ от конституционной обязанности руководить только лишь для КПЛ невозможен. Юридически ведь Компартия на весь Союз одна — это КПСС. Следовательно, первым шагом должно быть предоставление самостоятельности Компартии Латвии, а значит, и компартиям других республик. Однако на этом пути возникает еще одна трудность. Российская Федерация не имеет единой партийной организации, нет у нее и своего ЦК.

Факт этот поразительный. В стране, объединенной вокруг России, с правящей Компартией российского происхождения, сама Россия не имеет своей парторганизации, своего партийного руководства. Это наша старая русская болезнь — управлять другими всегда было интереснее, чем собой. Может быть поэтому самый разоренный, самый голодающий регион страны, с заброшенными селами и разрушенными храмами — это Нечерноземье, то есть Россия в ее древних исторических границах. И это очень горько осознавать. Не пора ли русским, наконец, на одиннадцатом веку своего существования заняться и собственным родовым домом, а не учить других, как нужно жить? Не знаю, принесло ли кому-нибудь пользу насильственное «просветительство», но себе этим нанесен такой урон, какого не смогло сделать ни одно нашествие завоевателей за тысячу лет.

Понятно, что достижение самостоятельности Компартии Латвии должно

сопровождаться процессом создания Компартии Российской Федерации. Но при этом автоматически изменится и структура КПСС. Она превратится из Компартии Союза республик в Союз компартий республик. И только тогда может быть введена многопартийная система в Латвии и в других республиках, а Компартия Латвии сможет снова приобрести все признаки политической партии.

К позиции самой КПЛ в этом вопросе мы вернемся после рассмотрения еще одного варианта многопартийности.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИЛИ ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ?

Посмотрим на положение КПЛ в республике через призму ее собственного национального состава. В КПЛ менее 40 процентов латышей, а в рижской городской парторганизации — и того меньше. В республике же латышей чуть больше 50 процентов. Эта диспропорция, дающая о себе знать в низовых организациях, мало отразилась на национальном составе руководства Компартии, ее ЦК и бюро. Согласно только что опубликованному списку членов ЦК число латышей в нем можно оценить в 60 процентов. Тому, конечно, были свои причины, но сегодня важен этот факт сам по себе. Если КПЛ в целом в чисто арифметическом плане неадекватно отражает национальные интересы народов Латвии, то ее руководство вполне соответствует существующему раскладу. В частности, благодаря этому межнациональная полемика в Латвии носит «парламентскую» форму, в отличие от некоторых других многонациональных регионов страны. Именно нейтральность высшего партийного руководства является гарантом нормального демократического развития республики. То, что ИФ обвиняет ЦК в сочувствии НФЛ, а НФЛ — в либеральничании с ИФ, как раз и доказывает нейтральную позицию ЦК.

Не сумев добиться крена ЦК КПЛ в свою сторону, лидеры Интерфронта в конце весны начинают кампанию агитации за срочный созыв внеочередного съезда Компартии Латвии. Идея быстро подхватывается, и вскоре целый ряд первичных парторганизаций с преобладающим русскоязычным составом принимают резолюцию с требованием созвать съезд. Цели не скры-

ваются — заменить ЦК и его бюро на угодных ИФ лиц. Общее число коммунистов, проголосовавших за внеочередной съезд, начинается быстро расти. Руководство ИФ регулярно информирует, сколько еще нужно набрать голосов до заветной одной трети от общего числа членов КПЛ.

Теперь представим себе, как могут развиваться события в случае созыва внеочередного съезда КПЛ. При умелой подготовке заинтересованные лица вполне могут добиться пропорционального представительства русскоязычных делегатов на съезде, то есть более 60 процентов. А если ИФ наконец наймет себе умных политиков-практиков, то и более того. В этих условиях не составит большого труда избрать в основном русскоязычное ЦК, разбавив его для представительства несколькими «бывшими латышами» (и тем более неприемлемыми для латышского населения).

Эта «победа» ИФ может обернуться «проигрышем» для русскоязычного населения Латвии. Если партийное руководство республики не будет отражать в достаточной мере национальные интересы латышей, то при нынешней политической активности такое руководство будет сметено далеко не парламентскими методами. В результате пострадает в первую очередь русскоязычное население. Очевидно, многие русскоязычные коммунисты хорошо понимают, к чему ведет политика ИФ, так как число голосов за внеочередной съезд не достигло и половины требуемой по уставу суммы. Лозунг пришлось снять, и на только что состоявшемся пленуме ЦК КПЛ призыв к внеочередному съезду уже не звучал. Но не нужно обольщаться — этот проигрыш ИФ одновременно показал и его силу.

Параллельно с усилиями, направленными на «переворот» в ЦК, Интерфронт ведет систематическую работу и по денационализации Компартии Латвии в целом. Остановимся на этом подробнее.

Интерфронт Латвии, возникнув как оппозиция к Народному фронту, с первых же дней своего существования ставит под сомнение право коммунистов входить в НФЛ. Зимой и весной этого года на митингах и собраниях, проводимых ИФ, постоянно раздавались призывы исключить из Компартии членов НФЛ. В бюллетене ИФ «Единство» и в некоторых республиканских газетах

публиковались всевозможные резолюции, обращения и письма некоторых первичных парторганизаций и «групп товарищей» с аналогичными требованиями. Но вскоре стало ясно, что эта пропагандистская кампания в такой форме успеха не имеет, причем по причинам неидеологического порядка.

Прежде всего общественно-политическая жизнь в республике зимой 1989 года даже для посторонних наблюдателей убедительно показала, что НФЛ — это всенародная организация латышской нации. Стало ясно, что число зарегистрированных членов НФЛ — 240 тысяч — далеко не полностью отражает число всех его последовательных сторонников. Многие хозяйственные и административные руководители различных звеньев предприятий и учреждений, а также партийные активисты неоднократно заявляли, что, разделяя идеалы НФЛ, они воздерживаются от вступления в эту организацию только потому, что желают сохранить некоторую формальную нейтральность при руководстве многонациональным коллективом. Немалая группа латышей, полностью поддерживая НФЛ, не вступает в его члены, дабы не обременять себя какими-либо конкретными обязанностями. Ну, разумеется, есть и такие, которые не забыли страх перед сталинскими репрессиями и пока не связывают себя регистрацией в НФЛ. И лишь единицы латышей не разделяют идей Народного фронта. Это подтверждают и всевозможные опросы общественного мнения. Когда на митинги, организуемые НФЛ в Риге, где латышей меньшинство, собирается по сто тысяч участников и более, то даже приезжие туристы понимают, что латыши и НФЛ сегодня неразделимые понятия. Кстати, отметим, что на митинги ИФ собирается обычно не более нескольких тысяч человек.

Далее, в Компартии Латвии из 73 тысяч латышей — 40 тысяч, то есть 55 процентов, — зарегистрированные члены НФЛ (эти данные подтверждены на недавнем пленуме ЦК КПЛ). При этом многие первичные организации, включая секретарей, целиком входят в НФЛ. Полностью стоят на платформе НФЛ и члены ряда райкомов и горкомов партии. Бюллетень ИФ «Единство» от 22 марта вынужден был признать: «Большинство латышского населения полностью разделяет перечисленные программные положения НФЛ». И хотя

продолжались призывы идеалистов сталинского толка из ИФ применять санкции не только партийного, но и уголовного порядка к активистам и простым членам НФЛ, руководство Интерфронта вынуждено было приступить к выработке новой тактики в сложившейся ситуации.

Вскоре новая программа действий ИФ была обнародована, и она ошарашила не столько противников ИФ, сколько его рядовых членов. Читатели, открывшие очередной номер бюллетеня «Единство» от 19 мая, не поверили своим глазам — уж не газета ли Народного фронта «Атмода» случайно попала им в руки? В большой программной статье одного из «теоретиков» ИФ И. Подвойского с названием «Проблемы единства коммунистов Латвии в условиях борьбы «фронтов» читаем: «На мой взгляд, перспективы создания в Латвии многопартийной системы, превращение НФЛ и других общественно-политических организаций, кроме Интерфронта, в политические партии — вполне обнадеживающие. Нужно ли бояться такого развития событий и бороться с ним? Думаю, что не нужно!» До сих пор ИФ, объявляя себя более коммунистической организацией, чем сама Компартия, обрушивался с критикой на каждого, кто пытался пересмотреть какие-нибудь «незыблемые» идеологические принципы КПСС. И краеугольным камнем являлся именно принцип однопартийной системы в СССР. Даже молодые партийные реформаторы перестроечного времени еще боялись вслух обсуждать этот вопрос. А лозунг о введении многопартийности у многих людей в республике ассоциировался с такими «экстремистскими» организациями, как ДННЛ и ДС. И вдруг сам Интерфронт ставит вопрос о многопартийности! Однако растерянность прошла довольно быстро. В той же статье в «Единстве» раскрывается смысл такой «многопартийности»: «Очевидно, что при условии фактического превращения НФЛ в политическую партию, одному и тому же человеку нельзя оставаться в двух политических организациях». Итак, Интерфронт, сделав вид, что подхватывает модный лозунг о многопартийности, на самом деле пытается провести в жизнь все ту же идею — вывод членов НФЛ из Компартии. Эта тактика быстро дорабатывается и доводится до понимания рядовых членов ИФ. Так,

в «Единстве» от 21 июня идея достигает уже своего полного развития: «Есть смысл обсудить вопрос о необходимости создания в республике многопартийной системы и месте КПЛ в ней. Ведь НФЛ является, по сути, политической партией... Нужно принять решение о совместности одновременного пребывания в КПСС и НФЛ... **В этом случае КПЛ будет выражать интересы рабочего класса и всех трудящихся республики, а НФЛ — интересы коренного населения...** В Уставе КПСС необходимо зафиксировать и выделить положение о демократизации многопартийной деятельности, о превращении партии (КПЛ. — А. Ж.) в идейно-политическую силу общества». Интерфронт, естественно, должен остаться в КПЛ, а точнее, КПЛ должна трансформироваться в Интерфронт. При этом предполагается не только сохранить шестую статью в Конституции о руководящей роли КПСС, но придать ей еще более значимый вес. Тем самым новые «разрешенные» партии не получат никакого права делить власть с Компартией, если они победят на выборах в Советы. Фактически, юридическое оформление всех инакомыслящих в партии будет означать то же самое, что и обязательная регистрация всех неблагонадежных в соответствующих органах.

Но самое важное — это изменение национального состава КПЛ, последующее после исключения членов НФЛ. В бюллетене «Единство» регулярно появляются подсчеты доли членов НФЛ в тех или иных парторганизациях, так что ИФ хорошо знает, чего он хочет. А знает он то, что сегодня в КПЛ 40 процентов латышей, а после изгнания зарегистрированных членов НФЛ их останется лишь 22 процента. В большинстве сельских районов, где преобладает латышское население, коммунисты исчезнут как политические особи, а райкомы партии придется закрыть (да и зачем они нужны на селе, раз снова будет править «пролетариат»). Если же учесть, что при такой чистке вынуждены будут уйти из партии и явные, но не зарегистрированные сторонники НФЛ, то процент латышей в Компартии Латвии вряд ли превысит и 10 процентов. Далее следует учесть, что резкая негативная ответная реакция латышского народа к такой «компартии» заставит выйти из нее и оставшихся «нейтральных» латышей. Их членство

в такой организации будет означать для соплеменников предательство нации.

Вот такую партию хочет видеть Интерфронт! Вот тогда, очищенная от латышей в Латвии (от эстонцев в Эстонии, от литовцев в Литве и т. д.), КПЛ и станет наконец настоящей марксистско-ленинской партией рабочего класса. И утверждает это организация, которая назвала себя **Интернациональным фронтом трудящихся Латвийской ССР**. Даже Сталин, проводя политику искоренения национальных культур в республиках, заботился хотя бы о видимом представительстве националов в республиканских парторганизациях. Ну что же, наследники Сталина из Интерфронта превзошли своего учителя. Впрочем, миру уже известна правящая партия, построенная чисто по национальному принципу — национал-социалистская партия в Германии. Именно поэтому, когда латышские трудящиеся выходят на митинги и шествия, то нередко можно увидеть плакаты, ставящие знак равенства между членами Интерфронта и нацистами. А как же еще должны реагировать латыши, если они у себя на родине, в Латвии, по замыслу лидеров ИФ не будут входить в правящую по Конституции КПЛ, которая, однако, «выражает интересы всех трудящихся» (значит, они уже и не попадают в ряд трудящихся)? Правда, при этом им будет разрешено **регистрироваться** в Народном фронте Латвии, который не может быть допущен к политическому руководству республикой. Да, осталось только всех латышей заставить носить на груди в обязательном порядке большую национальную звезду «Аусеклис» — чтобы издалека было видно граждан другого сорта.

Ну ладно, скажет приезжий читатель, — это экстремистская линия группы неосталинистов, они есть повсюду и в России, однако партийные организации нигде не становятся открыто на такие позиции и даже осуждают наиболее откровенных апологетов возврата к тоталитаризму. На это можно ответить, что просто нет удобных обходных путей к Сталину во многих других регионах страны. Ведь и наши интерфронтовские политики в парадных речах осуждают сталинизм (как «период некоторых ошибок»). Так вот, о партийных организациях: «Учитывая фактически сложившуюся в республике многопартийную систему, определить

место Компартии Латвии как правящей и принять решение о несовместимости одновременного пребывания в КПСС и других партиях». Под другими партиями подразумевается прежде всего НФЛ. Это пункт из предложений Даугавпилского горкома партии августовскому пленуму ЦК КПЛ, опубликованных 3 августа. В этом городе живет всего 13 процентов латышей. Аналогичные предложения выдвинул и ряд других партийных организаций Латвии в июле—августе этого года. Все они с русскоязычным подавляющим большинством. И все за перестройку, за интернационализм и за десталинизацию! А вот теперь даже и впереди кремлевских консерваторов — за «многопартийность»! Добавим от себя — и «за окончательное решение национального вопроса».

Однако, к чести русскоязычного населения Латвии, не все парторганизации с нелатышским большинством пошли на этот иезуитский прием — термин «многопартийность» наделять прямо противоположным содержанием. Такая «многопартийность» предполагает доведение правящей роли Компартии до абсолютного диктата русскоязычных коммунистов в национальных республиках (уж тогда никто не смог бы оспаривать, что КПЛ — политический орган «оккупационных властей»). А между тем, многопартийность — это полное юридическое равенство всех зарегистрированных партий, право любой из них стать правящей. Политические партии и создаются с единственной целью — бороться за политическую власть. И если Компартия допускает многопартийность, то она должна быть готова в случае поражения на выборах уйти в оппозицию со всеми вытекающими последствиями. К сожалению, сегодня даже коммунисты, обсуждающие проблемы многопартийности, не всегда задумываются о том, что на практике будет означать признание юридического равенства Компартии с другими политическими партиями. Это, прежде всего, потеря права коммунистических парткомов, райкомов и горкомов контролировать деятельность любых государственных предприятий и учреждений, колхозов и совхозов, министерств и ведомств, средств массовой информации и издательств. Влияние может оказываться лишь через советские органы, в которых коммунистов может оказаться

и большинство и меньшинство, или вовсе не быть.

30 августа пленум ЦК КПЛ сделал первый шаг к построению демократической республики. В принятой Программе действий КПЛ записано: «Компартия Латвии считает, что руководящая роль партии в обществе не может быть предопределена Конституцией или законом, а должна утверждаться практической работой». Следовательно, КПЛ согласилась отменить шестую статью Конституции Латвийской ССР. Далее, в Программе действий мы находим: «Компартия Латвии признает, что практически ее работа осуществляется в условиях политического плюрализма и попыток образования многопартийности». Намеренно неопределенная тональность этой фразы заставляет вспомнить политическую ситуацию в стране начала 70-х годов. Тогда шестой статьи в Конституции тоже не было, но это нисколько не мешало КПСС проводить свою политику гораздо более жестко, чем сегодня, когда эта статья пока присутствует. Впрочем, не нужно требовать большего, чем позволяет сегодня объективная политическая ситуация в стране.

Можно ли полагать, что коммунисты-интерфронтовицы, следуя уставной партийной дисциплине, признают свой проигрыш в этом вопросе? Компартия для сталинистов лишь средство к достижению своих целей. А средства можно и менять. Понимая, что Компартия сегодня уже не та (по крайней мере, в Латвии), чем была в 1937 году, Интерфронт еще в апреле провозгласил («Единство», № 3): «Интерфронт, признавший роль партии в обществе, поддерживает партию в ее авангардной роли и **не поддерживает** ее тогда, когда эту роль партийные комитеты не выполняют или выполняют плохо, как это было сейчас». Борьба будет продолжена.

ПОЛИГОН ПЕРЕСТРОЙКИ ИЛИ АНТИПЕРЕСТРОЙКИ!

О республиках Прибалтики часто говорят как об испытательном полигоне перестройки. Подчеркивают это и члены правительства, и партийные руководители страны. Многие жители других республик считают, что перестроечные силы здесь на более высоком уровне развития, а политические и

экономические преобразования уже ушли далеко вперед. Это действительно так. Но для других регионов страны сейчас в нашем опыте должно быть важнее другое: антиперестроечные силы в Прибалтике также вышли на более высокий уровень развития. И если прогрессивные преобразования в Прибалтике пользуются поддержкой московских реформаторов, то такой же поддержкой у союзных консерваторов пользуется и местная реакция. По многим признакам можно с уверенностью сказать, что неосталинисты из руководства страны на прибалтийском полигоне отрабатывают приемы своего будущего наступления на пока еще хрупкие демократические завоевания перестройки в масштабах всего Союза. Интердвижения в Латвии, Литве и Эстонии апробируются как организации, предназначенные для осуществления этих целей. И если ИФЛ не может победить «парламентским» путем прогрессивные движения в Латвии, то использование его накопленного опыта борьбы в других регионах страны, где гораздо слабее развиты демократические движения за перестройку, может дать существенные результаты. Конечно, национальный фактор играет очень важную роль в деятельности интердвижений Прибалтики, что не позволяет их прямо скопировать в других однонациональных областях. Тем не менее основные приемы их деятельности могут быть использованы где угодно.

Это прежде всего уже отработанная процедура «взаимодействия различных родов войск». Во время августовских забастовок в Эстонии, проводимых под эгидой Интерфронта и под руководством на местах партийной и хозяйственной администраций предприятий, главной заинтересованной стороной были центральные ведомства и министерства. При достижениях Эстонией самостоятельности их аппарат потеряет часть своих командных функций. На ведомственные интересы в забастовках указывал и эстонский президент А. Рюйтель на заседании Президиума Верховного Совета СССР 16 августа, но присутствовавшие предпочли свести проблему к межнациональному конфликту. Синхронность и высокая степень организованности бастующих предприятий различной ведомственной подчиненности показали, что оперативно была достигнута межведомственная

координация усилий по дестабилизации положения в Эстонии (для созидательных целей это у них не получалось десятилетиями). Проверены приемы нейтрализации тех рабочих, которые не хотели участвовать в забастовках (на некоторых предприятиях более 50 процентов). Найдена форма «мирного» участия армии — в ряде воинских частей, размещенных в Эстонии, были проведены собрания и приняты резолюции в поддержку бастующих (сильнейшее психологическое давление на других). В корпусе журналистов и корреспондентов центральных средств массовой информации выявлены те, которым их нравственные нормы позволяют препарировать информацию в заданных целях. Как видим, весь этот арсенал средств вполне сгодится и в любом другом месте страны.

Отрабатываются и «теоретические» вопросы — какими лозунгами и аргументами можно повернуть народ к реставрации командно-бюрократической системы, при условии, что иногда, для вида, придется поругивать и сталинизм. Изучается и возможная международная реакция на резкое изменение курса страны по откликам на пока локальные акции. Ну а главное, на примере интердвижений в Прибалтике оценивается доля и социальный состав русскоязычных людей во всей стране, которые при определенных обстоятельствах могли бы поддержать установление «сильной власти».

Уже проведен первый эксперимент по переносу опыта прибалтийских интердвижений на российскую почву. В июле в Ленинграде прошел учредительный съезд Объединенного фронта трудящихся СССР, о котором уже упоминалось выше. Ему предшествовал ряд подготовительных акций в июне при прямом участии ряда партийных руководителей города и области. Лично присутствовал на некоторых заседаниях ОФТ и кандидат в члены Политбюро и теперь уже бывший первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Ю. В. Соловьев. Тот самый, который стал хорошо известен на всю страну своим впечатляющим провалом на выборах депутатов Верховного Совета СССР. В еженедельнике «Московские новости» от 6 августа приводятся выдержки из некоторых программных материалов фронта:

«Как взять экономическую власть? Вот он, этот ответ, не имеющий

альтернатив: хозяйствовать — это значит командовать. Да, именно командовать! Административный нажим, приказ... (и т. д. и т. п.). Да, Сталин, именно он, узурпировавший всю власть, в том числе взял на себя и командование хозяйством... Преемники оказались неспособными заменить «вождя народов» в этом деле, они даже не поняли значения системы командования... Беда общества, что так никто и не берет пока эту ношу».

Комментарии, как говорится, излишни. Далее в «МН» отмечается, что «в рамках ОФТ происходит самая настоящая консолидация антиперестроечных сил». Что же это за силы? Учредителями ОФТ СССР были интердвижения «трудящихся» шести республик и 18 городов страны. Ну что же, пора интерфронтам вывешивать свой истинный лозунг: «Сталинисты всех республик и областей — объединяйтесь!»

Наконец, именно Прибалтику избрали опытным полигоном для недавнего контрнаступления консерваторы в вышних эшелонах власти. 26 августа «группа товарищей», пожелавших остаться неизвестными, опубликовала по телевидению, а затем и во всех газетах «Заявление ЦК КПСС о положении в республиках Советской Прибалтики». Не будем останавливаться на содержании этого документа, отметив лишь, что десятки партийных организаций, коллективы предприятий и учреждений, партийные активы Латвийского университета и Рижского политехнического института, национальные культурные общества, объединение латышских стрелков, группа народных депутатов от Латвии, дума НФЛ опубликовали в ответ резкие протесты, квалифицируя данное Заявление как попытку грубого вмешательства в естественный ход перестройки в Латвии, как дезинформацию граждан страны и как объективно ведущее к ухудшению межнациональных отношений во всем Союзе. Повсюду выражались сомнения в правомочности группы неизвестных лиц выступать от имени ЦК КПСС, который по этому поводу на пленум не собирался и, тем самым, никакого заявления не принимал. Отметим и то, что большое количество организаций и учреждений выступило в поддержку Заявления ЦК. Как правило, это были те коллективы, в которых сильны позиции Интерфронта. Однако опрос общест-

венного мнения показал, что и среди русскоязычного населения 37 процентов отрицательно отнеслось к Заявлению.

Представляется, что для страны в целом важнее не само содержание Заявления ЦК, а обстоятельства его появления. Если бы даже в Заявлении утверждалось лишь то, например, что в Прибалтике собран хороший урожай зерновых, то и в этом случае Заявление должно было бы вызвать серьезную тревогу у всех граждан страны, и в первую очередь у коммунистов. Давайте вспомним, какую основную характеристику сталинской партийно-государственной структуры выделяют все учебники (включая и брежневский период) после XX съезда КПСС. Это подмена партийным аппаратом, точнее — сталинским Политбюро, всех выборных центральных партийных органов, присваивание права говорить и поступать от имени ЦК, от имени партии. «Почему массовые репрессии против актива все больше усиливались после XVII съезда партии? Потому, что Сталин к этому времени настолько возвысился над партией и над народом, что он уже совершенно не считался ни с Центральным Комитетом, ни с партией», говорится в докладе Н. Хрущева XX съезду КПСС. Если кому-то позволено говорить от имени ЦК, то такой ЦК ему уже не нужен, а значит, и мешает. Напомним, что после фактического признания такого права за Сталиным после XVII съезда он распорядился убить 70 процентов членов ЦК.

Сегодня, по-видимому, впервые за годы перестройки совершена открытая попытка нескольких человек из политруководства страны вернуть себе право говорить от имени ЦК. Но это пока «пробный шар» на прибалтийском полигоне для проверки возможной реакции коммунистов. Если члены ЦК, узнавшие о «своем» Заявлении последними, готовы принять роль статистов в столь важное для страны время, то такой ЦК более не нужен будет и рядовым членам партии и полностью потеряет какое-либо уважение со стороны беспартийных. Как сообщил на встречах с партактивом секретарь ЦК КПЛИ. Кезберс после беседы с членом Политбюро В. Медведевым, «Заявление ЦК» принималось **опросом** некоторых членов Политбюро; в частности, член Политбюро А. Яковлев узнал о нем из программы «Время». М. Горба-

чев, как известно, был в отъезде. Возможно, это и было бы внутренним делом Компартии, если бы не то обстоятельство, что большинство из миллионов людей, убитых при сталинских методах руководства страной, были беспартийными...

Еще 33 года тому назад на XX съезде КПСС было сказано:

«Нам нужно решительно, раз и навсегда развенчать культ личности, сделать надлежащие выводы как в области идейно-теоретической, так и в области практической работы. Для этого необходимо:

... вести беспощадную борьбу против всех и всяческих попыток возродить его в той или иной форме;

... последовательно и настойчиво продолжать проводимую в последние годы ЦК партии работу по строжайшему соблюдению во всех партийных организациях, сверху донизу, ленинских принципов партийного руководства и прежде всего высшего принципа — коллективности руководства, (выделено мной. — А. Ж.) по соблюдению норм партийной жизни, закрепленных уставом нашей партии, по развертыванию критики и самокритики».

Как мы знаем, «надлежащие выводы в области идейно-теоретической» на ровне развернутых партийных документов не сделаны до сих пор. Может быть, именно поэтому нам сегодня приходится с такой озабоченностью говорить об «области практической». Если опыт реанимации сталинских методов тройдет успешно и не встретит серьезного отпора в стране, то можно ждать попыток совершить и следующие шаги в этом направлении. И, надо полагать, пока на прибалтийском полигоне. Колонны интердвижений ждут сигнала. Что это может означать для республик, стремящихся к экономической самостоятельности и толкующих о суверенитете? Ответ дан самим идеологом

тоталитаризма — И. Сталиным (Сочинения, том 5, с. 265):

«Бывают случаи, когда право на самоопределение вступает в противоречие с другим, высшим правом — правом рабочего класса, пришедшего к власти, на укрепление своей власти. В таких случаях, — это нужно сказать прямо, — право на самоопределение не может и не должно служить преградой делу осуществления права рабочего класса на свою диктатуру. Первое должно отступить перед вторым. Так обстояло дело, например, в 1920 году, когда мы вынуждены были, в интересах обороны власти рабочего класса, пойти на Варшаву».

Затем в 1939, 1940, 1956, 1968 гг. ...?

И все от имени рабочих и в защиту рабочих. Прежде всего тех самых питевских, сделавших Октябрьскую революцию и уничтоженных в первую очередь. И сегодня чем ближе к Сталину, тем громче слышны заклинания о верности интересам рабочего класса из уст людей, доведших этот класс до уровня жизни развивающихся стран. Интердвижения вписывают в свое название слово «трудящийся», а ОФТ объявляет своей целью установление диктатуры пролетариата над другими советскими классами.

Сталинисты хорошо понимают, что, лишь разбив единый общественный организм на классы по схеме XIX века и призывами к диктатуре натравив их друг на друга, сея под лозунгом «интернационализма» ненависть между нациями и народами, они смогут снова добиться безраздельного господства и спокойного благополучия в нашей несчастной и до сих пор темной стране. В еженедельник «Аргументы и факты» приходит 60 тысяч писем в месяц, и почти половина читателей высказывается за Сталина... Но ведь это означает, что половина — то против! И в эту половину уже вошли народы Прибалтики, ставшие на путь национального возрождения.

ПЕРЕСТРОЙКА ИЛИ НАЧАЛО КОНЦА?

ОТ РЕДАКЦИИ. Если без лукавства, несложно было спрогнозировать и тот резонанс, который вызвала публикация открытого ответа Борису Васильеву «Что такое «непогода?»» («Даугава», № 7), и тот спектр читательских мнений-откликов, который выявила редакционная почта. Статья Е. Н. Бича — дискуссионна, точнее — остро полемична. В поисках ответа на вопрос: как случилось, что результатом событий октября 1917 года стали «хозяйственно разоренная страна и нравственно одичавший народ», — автор смело и в определенной мере рискованно анализирует истоки казавшихся незыблемыми основ нашего общественного устройства. «Привязав мораль к целесообразности, придав ей чисто служебные функции, Ленин открыл зеленый свет на путях будущих репрессий. И какое нам дело до исходной чистоты замыслов, когда такой тяжелый итог?»

● Понимая позицию Е. Н. Бича подобная позиция приводит в искривленное положение, однако аргументы этой части читателей, к сожалению, не являются достаточно убедительными. Ответом на следующий вопрос: «Да кто он такой, этот Бич? И кто ему позволил покушаться на святыни?!»

Для другой части читателей статья в «Даугаве» послужила как бы детонатором к собственным размышлениям, и, продолжая начатый Е. Н. Бичем разговор, они выводят тему «замыслы и итоги» на новый уровень осмысления. И мы готовы продолжить полемику и предложить место на дискуссионной трибуне журнала для изложения любой — аргументированной — точки зрения.

В этом номере предоставляем слово экономисту из Москвы И. А. Нелипе. Предваряем публикацию строками из письма автора в редакцию:

«Для меня эта статья оказалась чрезвычайно интересной прежде всего потому, что я пришел к аналогичным конечным выводам, но не на основе нравственно-этического анализа, к которому тяготеет т. Бич, а на основе анализа политико-экономического. Для меня не менее важным было не только выявить причины, но и попытаться сделать это, пользуясь марксистской методологией и аргументами. В качестве отправной точки зададимся следующим вопросом: а в чем конкретно увидел Маркс такое суперпреимущество социалистического способа производства перед капиталистическим, что позволило ему провозгласить неизбежность смены капитализма социализмом как объективный закон будущего развития всего человечества? Прогнозировать будущее Маркс не мог, не выявив закономерности прошлого, а потому обратимся коротко к истмату».

1. РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРОИЗВОДИТЕЛЯ

Согласно истмату движущей и направляющей силой всего хода исторического развития человечества является процесс развития производительных сил. Этот процесс определяет все —

способ производства, производственные отношения, структуру базиса и надстройки, характер их взаимодействия друг с другом и т. д. Нет ни одного аспекта исторического развития человечества, который находился бы вне подчинения процессу развития производительных сил. Причина такого всеопределяющего значения —

процесса заключается в том, что основополагающим фактором самих производительных сил является человек-производитель.

В широком смысле человеческий фактор вообще имеет непереоценимое значение в сфере экономики, в сфере действия объективных экономических законов. Экономика и экономические законы могут существовать лишь при наличии человека как производителя и потребителя. В этом смысле объективность экономических законов (в отличие от законов физики, химии, математики и прочих отраслей естествознания) носит вторичный, подчиненный по отношению к человеку характер. Объективность экономических законов (в том числе и объективность процесса развития производительных сил) может быть реализована только через ту объективную сущность человека (природу человека как биологического вида), которая была в него заложена при создании. Человек есть начальная и конечная точка отсчета во всем, что касается экономики, экономического развития.

Но в более узком смысле — скажем, в смысле той роли, которую человек играет в процессе развития производительных сил, — его роль и значение также невозможно переоценить. Именно человек-производитель создает прибавочную стоимость, создает и совершенствует все орудия труда, все средства производства (включая технику, технологию и т. д.). Более того, человек-производитель — это тот фактор производительных сил, который обладает уникальной способностью к самосовершенствованию через постоянное накопление трудовых навыков, квалификации, знаний. Человек-производитель — это единственный и незаменимый источник энергии в процессе развития производительных сил.

Однако эти отношения между человеком-производителем и процессом развития производительных сил не исчерпываются. Эти отношения носят взаимный характер. Процесс развития производительных сил в свою очередь имеет архиважное значение для человека-производителя. Чем выше уровень развития производительных сил, тем объективно выше становится роль и значение человека-производителя в данном обществе. Если реальный уровень прав и свобод производителя пе-

рестает соответствовать повысившемуся уровню развития производительных сил, то это сразу же начинает отрицательно сказываться на всем процессе развития производительных сил в целом. С ослаблением, замедлением или даже остановкой экономического развития начинается неизбежная эрозия надстройки и данного общества*.

В случае, когда надстройка продолжает насильственно отказывать производителю в увеличении прав и свобод, то есть в повышении правового статуса производителя, дело неизбежно оканчивается крахом надстройки под увеличивающимся давлением как изнутри, так и извне. История еще не знает примеров, когда бы надстройка оказалась сильнее базиса. Именно базис определяет, какой быть надстройке, а не наоборот. В противном случае всякое экономическое развитие было бы невозможным в принципе.

Такой примат базиса перед надстройкой объясняется тем, что сущностной основой самого процесса развития производительных сил является постоянное изменение характера труда производителя по мере развития производительных сил. Человек-производитель в труде постоянно и непрерывно накапливает новые трудовые навыки, знания, квалификацию, а вместе с ними происходит неизбежное повышение степени интеллектуализации труда. Но чем выше эта степень, тем тяжелее поддается труд управлению методами насилия и принуждения. Это обстоятельство было известно человечеству уже много тысячелетий назад. Скажем, насилием и принуждением можно было заставить рабов переносить многотонные каменные блоки при строительстве пирамиды Хеопса, но проектировали пирамиду и строительные механизмы люди, обладавшие несравненно более высоким правовым статусом, чем простые строительные рабы. Высокоинтел-

* Экономический застой в обществе вовсе не означает, что надстройка достигла состояния некоей стабильности или равновесия. Напротив, это есть безошибочный симптом смертельной болезни надстройки, признак надвигающегося конца. Состояние стабильности и равновесия надстройки обретает только в процессе развития производительных сил, при достаточной скорости такого развития (принцип велосипеда).

лектуальный (или высококвалифицированный) труд возможен лишь при наличии производителя, обладающего соответствующим правовым статусом. Если бы развитие производительных сил могло происходить в не связи с правовым статусом производителя, то человечество так и застряло бы на рабовладельческой фазе своего развития, так как в этом случае повышение правового статуса производителя не имело бы никакого экономического смысла, но зато такое независимое развитие производительных сил обеспечило бы надстройке все возрастающую экономическую мощь, которая позволила бы без особых затруднений удерживать правовой статус производителя на уровне рабского. Вся обозримая история человечества показывает обратное — повышение уровня развития производительных сил всегда порождает и объективную потребность в соответствующем повышении правового статуса производителя. Именно поэтому в историческом плане процесс развития производительных сил объективно вытесняет внеэкономическое принуждение из общественной жизни. Таким образом, человек-производитель, являясь основополагающим фактором производительных сил, единственным и незаменимым источником энергии в процессе их развития, тем самым объективно является и источником энергии в процессе повышения собственного правового статуса, то есть в процессе собственного освобождения (самоосвобождения).

Уровень развития производительных сил в каждый конкретный отрезок истории объективно определяет и соответствие правового статуса производителя этому уровню. При этом следует особо подчеркнуть, что насилие, к которому периодически прибегает производитель для повышения своего правового статуса, носит такой же подчиненный характер по отношению к развитию производительных сил, как и все другие аспекты исторического развития человечества. Такое насилие есть лишь одно из проявлений действия закона развития производительных сил. Именно действие этого объективного закона в целом определяет направление и скорость исторического развития человечества, а не такие субъективные и случайные факторы, как успех или неуспех того или иного насильственного действия, предприни-

маемого производителем. Рабовладельческий строй не был разрушен восстаниями рабов, так же как и феодализм не был разрушен крестьянскими восстаниями и войнами. Никакое, даже самое крупное и успешное восстание не способно разрушить общественно-экономическую формацию. В историческом плане процесс развития производительных сил имеет поступательный, эволюционный характер. В свою очередь, находясь в прямой зависимости от этого процесса, повышение правового статуса производителя также несет на себе отпечаток поступательного, эволюционного развития. История не дает нам никаких оснований считать, что капитализм как общественно-экономическая формация будет смещен посредством какого-либо другого образа действий.

2. СОЦИАЛИЗМ И ПРАВО ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА

Основная теоретическая идея социализма, сформулированная классиками марксизма полтора столетия назад, заключалась в следующем: «социализм неизбежно придет на смену капитализму в силу того, что социалистический способ производства объективно эффективнее капиталистического. Коренное же отличие социалистического способа производства от капиталистического (да и от всех предшествовавших способов производства!) заключается в том, что социализм насильственно уничтожает право частной собственности на средства производства».

Сразу же отметим, что право владеть средствами производства или орудиями труда являлось фундаментальным экономическим правом человека на протяжении всех тысячелетий человеческой истории. Именно существование этого фундаментального экономического права обусловило появление той питательной среды экономической свободы, в которой зародился сам процесс развития производительных сил. Есть все логические основания предполагать, что именно осознание человеком в древности всей естественности и неотъемлемости этого своего права и послужило одним из тех первородных импульсов, которые положили начало самому процессу развития производительных сил вооб-

ще. Как бы там ни было, но не может подлежать сомнению тот факт, что лишить человека этого фундаментального экономического права возможно только через насилие! (У Маркса, кстати, на этот счет не было никаких иллюзий. Именно поэтому одной из важнейших составных частей марксизма является теория классовых борьбы, теория пролетарской революции, то есть теория насильственного преобразования мира.) Но что оказалось на практике не менее важно: сохранить такое положение, при котором человек был вынужден оставаться лишенным этого своего фундаментального экономического права, возможно также через насилие, то есть только при наличии обладающего достаточной мощностью аппарата насилия. И это немаловажное обстоятельство будет периодически возникать далее.

В октябре 1917 года этого фундаментального экономического права были лишены не только капиталисты и помещики, но все граждане России. Капиталисты и помещики были также подвергнуты экспроприации, но это не одно и то же. В этом контексте весь ход развития событий в социалистической революции представляется объективно неизбежным: насильственный захват власти, отмена права частной собственности на средства производства, экспроприация средств производства у капиталистов и помещиков, военный коммунизм, коллективизация (то есть экспроприация средств производства на этот раз у крестьян), индустриализация (определяющей целью которой было и остается усиление военной, то есть карательной, мощи социалистической надстройки), и все это в процессе постоянного усиления концентрации и централизации власти. Единственное звено, которое я сознательно исключил из этой цепи — нэп. Но нэп — то исключение, которое более всего подтверждает общее правило.

Ленин не мог не видеть надвигающегося, неминуемого краха социалистической надстройки в условиях обострения разрухи, произвола и беззакония, если и дальше слепо следовать марксистской модели построения социализма. Единственный способ сохранить и укрепить социалистическую надстройку Ленин смог обнаружить лишь вне социализма, вне социали-

стического способа производства. Факт примечательный! И Ленин совершил отход от марксистской модели социализма, повернул ручку рубильника на несколько делений и подключил старый экономический механизм — была введена твердая денежная единица (червонец), включились традиционные товарно-денежные отношения, появился свободный рынок товаров и услуг, была разрешена деятельность частных заведений и предприятий, в том числе и с иностранным капиталом. Другими словами, социалистическая надстройка устояла в тот период не потому, что Маркс провозгласил социализм более эффективным способом производства, а потому, что социализму, когда он находился в послеродовой горячке на краю гибели, была введена определенная доза капитализма. Ленин спас социалистическую надстройку в младенческом возрасте, но при этом совершил отход от логики социалистического развития, по которой социализм вытесняет капитализм в силу своей объективно большей экономической эффективности, а вовсе не в силу каких-то инъекций, тем более инъекций того же капитализма.

Сталин принял этого младенца и, убедившись, что кризис миновал, совершенно логично вернулся к прежнему пути развития. Коллективизация, индустриализация в процессе дальнейшего усиления концентрации и централизации власти — вот практические шаги Сталина в том направлении, которое было логически задано всем предыдущим (за исключением нэпа) ходом развития социалистической революции начиная с октября 1917 года. Эти шаги не противоречили теоретической идее социализма, логически же вполне соответствовали ей. Сегодня можно сколько угодно обвинять Сталина в злодеяниях против партии и народа, но невозможно не замечать тот очевидный факт, что с точки зрения дальнейшего укрепления и развития социализма, то есть социалистического способа производства, отрицающего право частной собственности на средства производства, у Сталина не было никаких других возможностей, не было выбора («Свободен первый шаг, но мы рабы второго». Гете). Маркс и Энгельс были прежде всего теоретиками социализма. Ленину и Сталину пришлось реализовывать эту теорию на практике. В реальной же жизни практическая реали-

зация теоретической идеи социализма сразу столкнулась с такими обстоятельствами, которых Маркс и Энгельс явно не предвидели. Ленин уже в самом начале пути был вынужден сделать отход к капитализму. Сталин, в свою очередь, оказавшись один на один с громадной по территории и численности населения страной, обнаружил, что никакого выбора средств у него, по существу, нет. Ведь более 80 процентов громадного населения громадной страны составляли крестьяне, то есть мелкие собственники средств производства. Россия была страной мелких собственников, и всех их социализм намеревался лишить права владеть средствами производства! Да будь Сталин даже наидобрейшим человеком, это нисколько не расширило бы для него выбор средств. Было только одно направление — путь дальнейшего усиления концентрации и централизации власти, путь создания мощнейшего аппарата насилия и беспрецедентной по величине и мощи надстройки в целом.

Практическая реализация теоретической идеи социализма оказалась не только вполне соответствующей личным устремлениям Сталина, но послужила ему прямым средством достижения личной цели — ничем не ограниченной личной власти. (Между прочим, в качестве такого средства эта идея социализма продолжает не без успеха использоваться до сих пор.) Ликвидация нэпа, коллективизация, индустриализация (проведенная за счет разорения миллионов крестьян и с широчайшим применением принудительного труда миллионов заключенных) в процессе дальнейшего усиления концентрации и централизации власти — все это могло быть осуществлено только через насилие и только мощным аппаратом насилия. Все это и было сделано Сталиным без каких-либо серьезных противоречий с теоретической идеей социализма и, главное, в полном соответствии с его, Сталина, личными интересами. Вот только это последнее обстоятельство и является, по существу, основным отходом Сталина, но не столько от теоретической идеи социализма, сколько от того практического замысла, который классики вкладывали в эту идею.

Для Маркса уничтожение права частной собственности на средства производства было не целью, а средством

достижения цели, существо которой заключалось в повышении правового статуса производителя через уничтожение эксплуатации человека человеком. Освобожденный от эксплуатации труд — вот какова была истинная цель Маркса. Уничтожение эксплуатации, в которой Маркс видел главный ограничитель прав и свобод производителя при капитализме, должно было, по его мнению, сделать производителя несравненно свободнее и через это сделать социалистический способ производства эффективнее капиталистического. Но избавить общество от эксплуатации Маркс находил возможным только через уничтожение права частной собственности на средства производства. Круг замкнулся! Маркс не был наивным, он вполне отчетливо осознавал, что означает на практике лишить конкретных владельцев принадлежащих им средств производства. Провозгласив классовую борьбу и революционное преобразование мира, то есть преобразование мира через насилие, Маркс впал в противоречие с собственной концепцией истмата. Противоречие неразрешимое.

Сегодня, спустя полтора столетия после того, как классики сформулировали теоретическую идею социализма, через 70 лет после социалистической революции в России, стало невозможно не замечать тот очевидный факт, что ликвидация права частной собственности на средства производства, экспроприация средств производства в пользу государства, физическое истребление их бывших владельцев и сторонников этого права — все это вовсе не означает обеспечить производителю более высоким правовым статусом и, следовательно, не означает сделать социалистический способ производства эффективнее капиталистического. Не означает избавить производителя от эксплуатации.

Право присваивать себе продукты труда производителя получила теперь вся эта чудовищно разросшаяся при социализме надстройка, но другой, меньшей по размерам надстройки социализм не может себе позволить из соображений собственной безопасности, так как ему постоянно и непрерывно приходится поддерживать тот статус кво, при котором человек вынужден оставаться лишенным своего фундаментального экономического

права владеть средствами производства. Присвоение продуктов труда производителем (то есть эксплуатация производителя) и разграбление природных ресурсов страны — вот два главных источника существования социалистической надстройки, которые сегодня уже более не в состоянии нести на себе такое бремя.

То, что острейший и всеобъемлющий кризис, в котором оказался сегодня социализм, не случайность, а закономерность, подтверждается и другим немаловажным обстоятельством.

Уместно вспомнить, что сам Ленин давал марксовской модели социализма следующее определение: «... социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией». Другими словами, «обращенная на пользу всего народа» государственно-капиталистическая монополия перестает быть «капиталистической» монополией и становится «государственно-в с е н а р о д н о й» монополией (звучит не очень складно, но ничего не поделаешь, так как слова «государство» и «народ» всегда плохо совмещались друг с другом). Но в любом случае Ленин видел в марксовской модели социализма именно «государственную монополию». Почему? Почему именно «государственную» и почему обязательно «монополию»? Причина проста. Ленин вслед за Марксом считал, что развитие производительных сил при капитализме идет в сторону укрупнения производства и монополизации экономики, что такое направление экономического развития продиктовано объективными экономическими законами, а поскольку капитализм на высшей стадии своего развития обязательно перейдет в социализм, то эта новая общественно-экономическая формация и будет представлять собой «не что иное, как государственную монополию». Время, однако, выявило в этом логическом построении весьма существенный изъян. То, что развитие производительных сил при капитализме идет в сторону укрупнения производства и монополизации экономики, верно лишь отчасти. Такое укрупнение и монополизация происходят вовсе не беспредельно, а только в той степени, в какой этот процесс отвечает объектив-

ным потребностям свободного рынка*.

Мы и сегодня все еще не видим на мировом рынке ни одной монополии (в прямом значении этого слова), которая бы обладала достаточной мощностью, чтобы захватить безраздельный контроль и действовать, сообразуясь лишь с собственными интересами. Таких монополий нет и на внутренних рынках наиболее развитых капиталистических стран, и фактом остается то, что и сегодня подавляющая часть валового национального продукта в этих странах производится массой мелких и средних капиталистических предприятий, а не гигантами-одиночками. Это объясняется не только и не столько тем, что во многих странах было введено антимонопольное законодательство, сколько тем, что монополия по сути своей есть ограничение экономической свободы, то есть она является помехой процессу развития производительных сил, потому он и отторгает монополию естественным образом с помощью своего врожденного регулятора — свободного рынка. Антимонопольное законодательство лишь юридически закрепляет, то есть формально способствует этому естественному процессу отторжения монополии рынком.

Что касается социализма, то он действительно оказался «государственной монополией» в самой полной мере и, следовательно, получил и все вышеупомянутые свойства монополии. Уничтожение права частной собственности на средства производства обусловило подрыв экономической свободы, подрыв рынка при социализме, то есть создало идеальные условия для появления и развития монополий. Степень укрупненности производства и монополизации экономики при социализме намного превосходит аналогичный показатель для развитых капиталистических стран, однако это не только не обеспечивает социализму какого-либо преимущества перед капитализмом, но только способствует еще большему отставанию социализма от капитализма в экономическом развитии. Все

* Рынок есть одно из наиглавнейших проявлений экономической свободы человека, есть та сфера, в которой человек [равно производитель и потребитель] только и получает возможность реализовать эту свою экономическую свободу.

закономерно. Ведь в отличие от социализма капитализм продолжает неуклонно и последовательно ориентировать развитие своих производительных сил на объективные потребности свободного рынка, которого при социализме просто нет!

Дело, однако, не только в том, что с точки зрения развития производительных сил монополия является скорее отрицательным фактором, помехой экономическому развитию, когда она перестает соответствовать объективным потребностям свободного рынка. У монополии выявилась еще одна весьма малопривлекательная черта.

Социализм, став «государственной монополией», без сомнения утратил определение «капиталистической» монополии, но произошло это вовсе не потому, что эту монополию удалось «обратить на пользу всего народа», а в силу все того же фактора — было уничтожено право частной собственности на средства производства. (Заодно уничтожили и бывших владельцев этих средств производства — так оно верней и спокойней!) Но вот обратить эту монополию «на пользу всего народа» до сих пор так никому и не удалось! Не желает эта самая «государственная монополия» служить никому, кроме самого государства, а точнее, кроме государственного аппарата, в чьих конкретных руках эта монополия оказалась. Все логично. На то она и «государственная», на то она и «монополия»! Перестав быть «капиталистической» монополией, социализм так и не стал «всемирной» монополией, а превратился именно и в самой полной мере в «государственную монополию».

Ленин явно переоценил, вслед за Марксом, будущую роль монополии как формы организации производства (то есть определяющей структуру базиса), а как следствие этого, переоценил ее будущую роль как формы организации государства (то есть определяющей структуру надстройки). И в то же время и Маркс и Ленин явно недооценили непреходящую роль рынка как естественного и безотказного регулятора экономического развития, который как раз и определяет целесообразность появления и существования тех или иных форм организации производства, в том числе и такой формы организации производства, каковой является монополия.

Государство при социализме действительно получило монополию на все, на управление буквально всеми сферами общественной жизни, в том числе и на управление экономикой, которую государство стало развивать по своему образу и подобию, то есть в сторону укрупнения производства и монополизации экономики. Не экономические законы стали определять, каким быть базису, а надстроечная категория — госаппарат. В результате «анархию рынка» (так изруганную марксистами!) «государственная монополия» при социализме заменила «анархией управления» (кто и как только не «управлял» нами за прошедшие 70 с лишним лет!), а народ снова оказался «ни при чем». Более того, потеряв свой классовый, капиталистический характер, эксплуатация производителя при социализме обрела еще более жесткие формы.

Став, по существу, монопольным владельцем средств производства, государство при социализме превратилось и в монопольного покупателя рабочей силы, что дало ему в руки почти неограниченную возможность навязывать производителю заниженную цену на труд. Введя драконовское трудовое законодательство и доведя защитную функцию профсоюзов до состояния перманентного паралича, государство при социализме лишило производителя даже права отказаться от этой грабительской сделки, а чтобы производитель не сбежал, чего доброго, с этого «праздника освобожденного труда», государство наглухо перекрыло границы, а внутри страны ввело паспортный режим и прописку. В сущности, производитель при социализме превращен в государственную собственность, то есть его правовой статус низведен до уровня обычного средства производства. Стоит ли после этого гадать, почему социализм нигде не в состоянии показать свою эффективность, не в состоянии даже приблизиться к уровню экономического развития передовых капитанов. Мало того, сегодня разрыв в экономическом развитии между нами уже не просто увеличивается, но в последние годы этот разрыв начал увеличиваться уже с нарастающей скоростью! Сие означает, что вступил в действие и фактор времени. Все закономерно. На такое свое положение производитель ответил единственно возможным для него способом —

соответствующим количеством и качеством труда. Реального, а не декларируемого повышения правового статуса производителя при социализме не произошло. Оно и не могло произойти! Невозможно дать человеку большей степени прав и свобод через изъятие у него такого фундаментального экономического права, как право владеть средствами производства. Права, на основе которого только и могут возникать и развиваться все другие экономические, политические, гражданские и прочие права и свободы человека. «Освободить» таким образом — все равно что лечить от зубной боли через отсечение головы.

Произошло то, что не могло не произойти. Подобно всем предшествовавшим насильственным попыткам производителя, социалистическая революция в России в октябре 1917 года имела все ту же традиционную цель — повышение правового статуса производителя («кто был ничем, тот станет всем!»), но средство, с помощью которого намеревались достичь этой цели, делает Октябрь 1917 года явлением уникальным. Ликвидация права частной собственности на средства производства сразу лишила всех граждан России всякой материальной основы для всех других прав и свобод, сделала фикцией те права и свободы граждан, которые существовали до этой ликвидации, сразу отбросила правовой статус производителя к тому уровню, который существовал в России до отмены крепостного права. Страна сейчас, по существу, превращена в один огромный трудовой лагерь.

Рожденный через насильственное уничтожение фундаментального экономического прав человека, социализм может продолжать свое существование лишь через насилие же, никак иначе! Его экономическое отставание от передовых капиталистических стран обьективно предопределено именно тем уровнем насилия и принуждения, который характеризует каждую отдельную социалистическую страну. Предопределено со всеми вытекающими отсюда последствиями: человека можно силой принудить к труду, но нет такой силы, которая могла бы поднять уровень труда принудительного до уровня труда свободного человека, и это тем вернее, чем выше общий уровень развития производительных сил в данном обществе. Это

препятствие не обмануть и не обойти, не заболтать никакими теориями и обещаниями «светлого будущего».

Теоретическое наследие Маркса и Энгельса, по существу, представляет собой научный прогноз будущего развития человечества, сделанный на основе анализа всей предшествующей истории. Время, однако, со все большей неумолимостью показывает, что этот прогноз не лишен неточностей, пропусков и прямых ошибок. Правильно сформулировав условия задачи и даже определив правильное направление, в котором следует искать ответа на эту задачу, Маркс затем конкретное, практическое решение механически подогнал к требуемому ответу. Продолжающийся процесс совместного развития капитализма и социализма проходит совсем не так, как рассчитывали классики. Развитие производительных сил при современном капитализме выявило и поставило на уровень наиважнейшей новую качественную характеристику — стремительное нарастание скорости развития производительных сил. В свою очередь, это оказывает прямое воздействие на скорость повышения правового статуса производителя в странах современного капитализма. Именно этим прежде всего объясняется тот факт, что сегодня наиболее развитые капиталистические страны (включая и те, на примере которых Маркс и Энгельс произвели свой анализ развития капитализма) находят все неизмеримо дальше от перехода к социалистическому пути развития, чем они были, скажем, во время социалистической революции в России. Компартии этих стран малы по численности, они не имеют влияния не только у населения этих стран, но даже в среде пролетариата. Такое развитие событий находится в прямом противоречии с логикой прогноза, данного Марксом и Энгельсом, в частности с их тезисом об «абсолютном обнищании пролетариата при капитализме». Процесс «абсолютного обнищания» производителя не наблюдался в истории никогда. Наблюдался как раз обратный процесс — по мере развития производительных сил происходило и повышение правового статуса производителя, а вместе с ним совершенно логично происходило и улучшение материального положения производителя. Эта логическая взаимосвязь оказалась в полной мере присуща и капитализму.

Говорить сегодня об «абсолютном общности» пролетариата при капитализме — просто несерьезно, а ведь из этого тезиса классики сделали далеко идущие выводы о роли и функциях пролетариата в будущем.

Деля свой прогноз будущего, классики марксизма не предвидели и не могли предвидеть появления в историческом процессе не только новых мелких деталей (которые, впрочем, при всей своей «мелкости» способны разрастаться и уводить историю от предсказанного направления), но не могли предвидеть появления даже глобальных по масштабу новых исторических реалий. Суть этого просчета ясно показал М. Булгаков в первой главе «Мастера и Маргариты». В ответ на утверждение поэта о том, что всем распоряжком на земле «сам человек и управляет», Воланд делает следующее замечание: «... чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый хоть сколько-нибудь приличный срок. Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день? ... Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус! И вообще не может сказать, что он будет делать в сегодняшней вечер».

Спроецируем это высказывание Воланда на жизнь самих классиков марксизма. Ленин — блестящий толкователь марксизма и незаурядный знаток политической борьбы за власть — создал партию, с помощью которой успешно осуществил социалистическую революцию в России, зачеркнув при этом едва успевшую народиться в феврале 1917 года традиционную буржуазную демократию. До основания разрушил старую государственную машину, создал по рецепту Маркса новую государственную машину и ... умер, не дожив до 54 лет. И тогда обнаружилось, что запущенную им новую государственную машину Ленин не успел (или не смог? или не захотел?) снабдить ни тормозами, ни ограничителями. И покатила эта машина по России — только кости затрещали. Миллионы костей, миллионы черепов и хребтов! А какие были благие намерения, какие провозглашались великие цели!

Маркс и Энгельс — талантливейшие ученые-теоретики — на много десятилетий опередили свое время в исследованиях политэкономии и социологии. Создали целое учение о неизбежности смены капитализма социализмом в силу большей экономической эффективности последнего. И что в результате? Дело не в том, что социализм до сих пор нигде так и не показал своей эффективности. Дело даже не в том, что сегодня нет никаких признаков того, что это удастся сделать социализму хотя бы в отдаленном будущем. Дело в том, что самого будущего у человечества уже может и не быть! Процесс развития производительных сил уже проскочил некий красный флажок, и история вступила в такую фазу, когда все человечество вдруг оказалось смертным. И не просто смертным, а именно в н е з а п н о с м е р т н ы м. Таким образом, сама неизбежность смены капитализма социализмом, которую классики марксизма провозглашали как объективный закон будущего всего человечества, оказалась напрочь перечеркнутой. А ведь Булгаков высказал свою мысль еще до появления на земле ядерного оружия. Тем более впечатляют глубина и универсальность этой булгаковской мысли. М. Булгаков не был политиком, экономистом или социологом. Но он был философски мыслящим человеком, и этого оказалось достаточно, чтобы поставить знак вопроса над всей центральной теоретической идеей социализма, и нет никаких оснований рассчитывать на то, что вопросы закончатся.

Однако вместе с вопросами продолжат также накапливаться и ответы, которые социализму приходится давать в реальной действительности. В борьбе за «светлое будущее» всего человечества десятки миллионов людей погибли мученической смертью. Другие десятки миллионов заплатили искалеченными судьбами, сотни миллионов до сих пор так и не знают, что значит нормально работать и зарабатывать, нормально питаться и одеваться, нормально отдыхать, лечиться, растить детей, нормально общаться с окружающим миром и т. д. Короче говоря, не знают нормальной жизни. Нормальной, то есть соответствующей тому уровню развития производительных сил, который характеризует конец XX века. И что же, во всем этом виноват Сталин? Этот недочувшийся, полугра-

мотный семинарист? Если так, то Сталин оказался на голову выше и Маркса, и Энгельса, и Ленина, вместе взятых со всеми социалистическими теориями. И чего тогда стоят все эти социалистические теории?

Странно слышать сегодня рассуждения некоторых официальных «обществоведов» о том, что Сталин, дескать, «деформировал» социализм. Ведь по Марксу социализм есть новая общественно-экономическая формация, которая с объективной неизбежностью придет на смену капитализму в силу того, что социалистический способ производства опять-таки объективно эффективнее капитализма. Другими словами, социализм по Марксу есть исторически объективная категория! Что-то до сих пор не было слышно подобных рассуждений о деформациях капитализма, феодализма и т. д. Если допустить возможность «деформации» социализма под воздействием волеизъявления всего лишь одного человека (скажем, Сталина) или группы вождей, то неизбежно возникает вопрос о самой исторической «объективности» такой категории, как социализм. Придется выбирать — или социализм действительно является исторически объективной категорией (как считал Маркс), или же социализм есть всего лишь кабинетно-умозрительное изобретение классиков марксизма, и тогда вполне возможны и объяснимы любые деформации этого искусственно созданного учения.

Да ведь сам Сталин есть лишь продукт социалистической революции, продукт социализма! Маркс и Энгельс среди прочего не смогли предвидеть появления на гребне волны провозглашенной ими же классовой борьбы и насильственного преобразования мира личностей типа Сталина. А перед ними уже был грозный пример яковинской диктатуры. Ленин же увидел опасность, но или не успел, или не смог ее устранить. (Для миллионов погибших и замученных это, впрочем, уже не имеет значения. Но это имеет значение для ныне живущих и для тех, кто собирается жить после нас.) Факт остается фактом — Сталин появился не из вакуума, а из окружения Ленина.

Появление Сталина на политической авансцене социализма в любом варианте не было случайностью. Если взглянуть на историю любой социалистической страны, то везде обнаружатся

свои Сталины и Берии, свои Мао Цзэдуну и Кан Шэнь, свои руководящие семейные кланы, свои периоды жесточайших массовых репрессий против собственного народа, своя вконец завравшаяся и проворовавшаяся бюрократия и прочие характерные для социалистического строительства «прелести». Если сюда добавить общие для всех соцстран развал экономики и неразвитость демократических институтов, то становится невозможно не замечать тот очевиднейший факт, что корни проблем заключаются не в Сталине и сталинизме, а в самом социализме, в теоретическом обосновании социалистического общества. В этом, а вовсе не в том, что социализм так «не везет» на исполнителей. Само это «невезение» уже давно стало закономерностью и прямо указывает на теорию социализма как на истинный источник хронических и все более обостряющихся проблем.

3. «СТОРОННИКИ» ПЕРЕСТРОЙКИ ИЛИ СТОРОННИКИ «ПЕРЕСТРОЙКИ»!

Итак, страна первого в мире победившего социализма через семь десятилетий существования оказалась в состоянии острейшего и всеобъемлющего кризиса и вынуждена начать процесс реформ, названный перестройкой. Страна с многомиллионным талантливейшим народом, самая богатая в мире природными ресурсами, с самой большой в мире территорией оказалась на грани экономического краха, когда ничего другого уже не остается, как что-то делать! Но что именно? На ответ можно рассчитывать только тогда, когда у собеседника вынут кляп из рта, и вот появляется «гласть», а вместе с ней начинают выявляться различные позиции и рецепты. И тогда выясняется, что никакого четкого, логичного, научно обоснованного плана спасения социализма нет ни у кого! А теоретическое наследие Маркса, Энгельса и Ленина при всем своем великолепии не способно помочь в выработке практических мер по спасению социализма.

Согласно давно установившейся у нас традиции все начинания сверху обретают внизу только сторонников. Перестройка в этом смысле также не исключение, но, ввиду того, что в это слово каждый вкладывает свое понимание,

в процессе гласности стали выявляться существенные различия в позициях поголовных сторонников перестройки. Сразу оформились и поляризовались две основные группы позиций. Это — «товарники» и «антитоварники» (или «идеологи»). Смысл разногласий между ними примерно тот же, что был когда-то между сторонниками и противниками введения нэпа. По существу, «товарники» предлагают сделать социализму такую же инъекцию капитализма, какую ему сделал когда-то Ленин. Это было непоследовательно и нелогично и в 20-х годах, но сегодня, когда социализму пошел уже восьмой десяток, это вообще уже ничем невозможно объяснить. «Антитоварники» вполне справедливо критикуют эту непоследовательность и нелогичность «товарников», но сами ничего продуктивного предложить не могут. Вся аргументация «антитоварников» носит не экономический, а идеологический характер: «чистота социализма», «верность коммунистическим принципам», «каждый начинает перестройку с себя», «учиться демократии», «демократия — это не вседозволенность» и прочие сентенции, которые ни на йоту не способны изменить положение к лучшему. У «антитоварников» вообще нет никакой программы реальных экономических реформ, но это обстоятельство вовсе не делает реформы, предлагаемые «товарниками», безупречными и неуязвимыми для критики. Несмотря на явную схожесть периодов нэпа и перестройки, имеется ряд факторов, которые определяют принципиальное отличие между этими периодами.

Во-первых, экономический успех нэпа 20-х годов был предопределен прежде всего наличием в России громадного класса мелкотоварных производителей. Крестьяне, ремесленники, кустари, мелкая городская буржуазия просто включились в свое привычное дело, которое было прервано на время гражданской войны. Это были профессиональные производители потребительских товаров и услуг, для которых свободный рынок являлся естественной средой обитания. Сегодня в стране такого класса нет. Он был уничтожен уже несколько поколений назад. Сегодняшние «индивидуалы» и кооператоры, во-первых, слишком малочисленны, во-вторых, большинство из них является не столько «производителями», сколько «пенкоснимателями», кото-

рые лишь используют (и это вполне естественно и закономерно) ту пустыню, в которую давно превратился рынок потребительских товаров и услуг в нашей стране. Потребуется годы и годы целенаправленных и реальных усилий для физического возрождения класса мелкотоварных производителей. Такие увечья не залечиваются в одночасье. Придется не просто воссоздать естественную среду обитания мелкотоварных производителей, но и сделать эту среду благоприятной через предоставление мелкотоварным производителям существенных налоговых, финансовых, правовых и прочих льгот, ссуд и т. д. Но и это будет лишь начало. Главное же, государству придется предоставить надежнейшие правовые гарантии того, что оно не обойдется с мелкотоварными производителями так же, как в конце 20-х годов при ликвидации нэпа, то есть сегодня это уже должны быть не просто гарантии, а некие супергарантии, которым поверил бы народ. Без этого кредита доверия, которое было утрачено государством много десятилетий назад, ни о каком возрождении мелкотоварного сектора экономики не может быть и речи.

Но может ли государство, где господствующей идеологией отрицается само право человека владеть средствами производства, где правящая и единственная партия давно переродилась в аппарат власти (власти никем не контролируемой и никому не подотчетной!), может ли это государство предоставить такие гарантии? Ответ очевиден.

Другим фактором, определяющим принципиальное отличие нэпа от перестройки, является сам опыт развития социализма, который был им накоплен за прошедшие 70 лет. О чем же говорит этот опыт? Увы, все о том же. Те реформы, которые еще только предлагаются у нас в стране, уже много лет (кое-где и десятилетий) осуществляются в других соцстранах — Польше, Венгрии, Югославии, Китае. Результаты этих реформ впечатляют как сами по себе, так и своим однообразием — стремительная инфляция, рост и без того громадной внешней задолженности в свободной валюте, появление устойчивой и продолжающей расти безработицы, общее снижение уровня жизни производителя, но, главное, самые смутные для социализма перспек-

тивы на будущее. Вышеупомянутые реформы недвусмысленно выявили неспособность социализма улучшаться под воздействием реформ. Социализм не поддается реформам! Внутренняя структура экономического базиса социализма представляет собой жесткий каркас, созданный согласно марксистскому принципу насильственной ликвидации права частной собственности на средства производства. Никакие серьезные, структурные реформы немислимы без ломки этого каркаса. Те же реформы, которые до сих пор осуществлялись в странах социализма, носят или чисто косметический характер, или характер компромисса в сторону того же капитализма. (Последнее вообще бессмысленно, так как невозможно выиграть экономическое соревнование у капитализма, играя с ним же в поддавки! А никакой другой исторической альтернативы у социализма просто нет.) Эти реформы не затрагивают первопричины — самого принципа ликвидации через насилие фундаментального права человека владеть средствами производства. В результате к минусам социалистического способа производства лишь добавляются и минусы рыночной экономики, что и показывает опыт проведения таких реформ в других социалистических странах.

Общество, построенное в полном соответствии с логикой данного принципа, напоминает собой некий организм, который, будучи накрепко скован этим жестким каркасом, не только потерял всякую способность двигаться, но уже и начал задыхаться. Однако стоило лишь немного ослабить жесткость этого каркаса, как тут же полезли из всех щелей бесчисленные экономические, политические, национальные, правовые, религиозные, экологические и прочие проблемы и болезни социализма. Оказалось, что без каркаса этот организм не способен держать собственную форму! Он тут же начинает разваливаться. Возникло тупиковое положение: скованный насилием социализм потерял способность развиваться, двигаться, дышать, но с ослаблением насилия социализм начинает разваливаться. Где же выход? А вот это известно с незапамятных времен — у тупика есть только один выход — это в х о д!

Как бы там ни было, но социализм за 70 лет своего существования не накопил положительного опы-

та в экономическом соревновании с капитализмом — это факт! Экономический рост при социализме всегда происходил не только за счет, но именно в ущерб основополагающему фактору производительных сил — в ущерб человеку-производителю. В ущерб его правовому статусу, его заработкам, здоровью, уровню и образу жизни и т. д. В результате социализм за 70 лет израсходовал свой главный «золотой фонд» — веру народа и энтузиазм, основанный на этой вере. Сегодня вряд ли найдется достаточно много желающих устлать своими телами и жизнями путь к «светлому будущему». Это время ушло безвозвратно. Но дело уже не только в этом.

Такое изменение ситуации начинает со все большей ясностью выявлять перед лицом народа одну простую и становящуюся все более очевидной истину — у реального социализма не было и нет никаких других аргументов, кроме насилия. Именно этим объясняется тот неприкрытый страх, который испытывает госаппарат при социализме перед влиянием внешнего мира, перед реальным плюрализмом (политическим, идеологическим, экономическим и даже культурным), перед свободными и прямыми демократическими выборами в органы государственной власти, перед реальной свободой органов массовой информации, перед подлинной независимостью судебной системы, перед демократией в о о б щ е! (Этот список слишком длинен.) Ничего такого госаппарат при социализме не может себе позволить, ибо в подавляющем большинстве случаев это будет означать не просто потерю госаппаратом «государственной монополии» на власть, но это будет означать буквально потерю самой власти. Появление в общественной жизни страны полноправных соперников госаппарата — это конец власти госаппарата, так как у него давно уже нет никаких аргументов перед народом в пользу своего существования. Единственным аргументом было и остается насилие. Формы и методы, которые надстройка применяет в управлении базисом при социализме, не имеют ничего общего ни с экономическими законами, ни с демократией. (И эта связка не случайна, а закономерна, так как повышение правового статуса производителя — суть демократизации общества.) Иначе и быть не может. Ведь стремясь к абсолютному и

безраздельному полновластию, госаппарат при социализме захватил и абсолютный контроль над экономикой, при этом полностью вытеснив собой рынок, этот естественный и безотказный регулятор экономического развития. Но рынок не только регулирует экономику, рынок также объективно и беспристрастно учит управлять экономикой. Наша же управленческая номенклатура не только никогда не училась управлять экономическими методами, но она никогда не испытывала необходимости учиться этому. Она способна только подчинять низшие звенья и подчиняться верхним.

Но гораздо важнее неумения номенклатуры управлять экономическими методами является нежелание номенклатуры управлять этими методами. Оно и понятно! Ведь переход к действительно экономическим методам управления не только выявит абсолютную ненужность и вредность для экономики страны всей этой многомиллионной партийно-государственной номенклатуры, но будет означать реальное ослабление контроля номенклатуры над экономикой и, следовательно, реальное ослабление сложившейся при социализме структуры власти в целом! На такое номенклатура добровольно не пойдет. История еще не знает вполне достоверных случаев, когда власть и привилегии уступали добровольно.

Стране действительно нужна перестройка, но какая? Ведь сам этот термин не несет в себе никакой конкретной информации, кроме того, что надо что-то перестраивать, что-то ме-

нять. Но что именно перестраивать, что именно менять? На что менять, до какой степени менять, каким образом менять? Никакой информации на этот счет это слово не дает, и можно подразумевать под ним все что заблагорассудится. Но даже с той минимальной конкретностью, которую несет в себе это слово, вряд ли можно согласиться, если всмотреться в существо происходящего сейчас в стране. По существу же это есть выступившая наружу эрозия социалистической надстройки, которую уже невозможно скрыть никакими средствами лжи, демагогии и одурачивания собственного народа. То, что на этот процесс успели накинуть вывеску «перестройка», может лишь на какое-то время затруднить людям осознание существа происходящего, но изменить это существо, а тем более остановить этот процесс никакими вывесками невозможно. Людям же не потребуется много времени, чтобы осознать реальность.

Эрозия, или разрушение, социалистической надстройки, то есть сложившейся при социализме структуры власти партийно-государственной номенклатуры, есть одновременно разрушение мифа о социалистическом способе производства, мифа о социализме. Это — начало конца, а не перестройка социализма. Невозможно перестроить здание, в фундаменте которого оказался врожденный и неустранимый изъян. Настоящая перестройка еще впереди. Перестройка общества, а не социализма. Время покажет, какая это будет перестройка, и выявит ее подлинных сторонников.

ВЕРНУВШИЙСЯ БУМЕРАНГ

ПОПЫТКА АНАЛИЗА НОВЕЙШЕЙ ЛАТЫШСКОЙ ПРОЗЫ

Можно называть эту прозу как угодно — молодой, новой, другой и даже плохой прозой, — сути это не проясняет. Разве что — ироническая, такое определение по крайней мере выявит одну из характернейших особенностей новой волны прозаиков, вошедших в латышскую литературу стремительно и неожиданно, часто поражающих читателя своими публикациями.

Но и тут не исключены разночтения. Надо помнить, что эта ирония не имеет ничего общего с иронической отстраненностью сильной личности, привнесенной в западную литературу с культом хемингуэвского героя. Здесь все иначе.

Говоря об ироничности новейшей латышской прозы, вспоминаешь другое — «черный юмор», столь популярный у нас в шестидесятых годах. «Черный юмор», ернический и болевой, как запрещенный прием, те самые гнусноватые анекдоты, от которых нам было не смешно, а стыдно и горько, но мы себя заставляли улыбаться. Потом эти полусадистские, полуфантастические анекдоты отлились в мертвящую явь семидесятых, и опять нам было не смешно, а горько и стыдно, и опять мы понимающе улыбались. Теперь «черный юмор», подобно бумерангу, возвратился к нам через семидесятые в качестве новой латышской прозы, которую по аналогии хочется тоже называть «черной прозой». Мы читаем ее, слышим бьющуюся там иронию и сарказм, но, увы, — не улыбаемся, потому что эта проза страшнее яви, из которой она родилась. В наиболее характерных своих проявлениях оголтелая, расхристанная, с открытым нервом и нескрываемой сумасшедшиной, «черная проза» пугает и шокирует неискушенного читателя.

Правда, надо признать, что дело тут не только в читателе и его неготовности воспринимать новое и необычное в ли-

тературе. «Черная проза» тоже неоднородна по своему составу и качеству. Рядом с такими прозаиками, как Г. Берелис, А. Нейбурга, А. Снипс, мы находим авторов, неразборчивых в своих пристрастиях, с дурным вкусом, с максималистским стремлением поскорее выкрикнуть то, что, может быть, следовало бы произнести шепотом, но с усмешкой, с хорошо поставленной иронией.

Кстати, еще раз об иронии. Впрочем, о ней мы еще вспомним не раз. И именно потому, что, как и в «черном юморе», это — неотъемлемое, органически присущее «черной прозе» свойство, без которого она была бы неинтересна и не задевала читателя. Ирония — это игра, а «игра — это двигатель эволюции», утверждает в рассказе «Завтрак на траве» один из адептов «черной прозы» В. Якобсон. И строит свой рассказ так, что именно ирония, а не действие или рассуждения героя придает напряжение повествованию, без коего рассказ не состоялся бы.

Игра, напряжение, пульсация мысли, сочетающей, казалось бы, несочетаемые элементы, — достичь этого А. Нейбурге в превосходном рассказе «Мышиная смерть» удается тоже благодаря иронии.

Начинается «Мышиная смерть» с несколько странной формулы, которую мы, тем не менее, сразу принимаем как код к дальнейшему: идет повествование от первого лица о втором в сопоставлении с первым. «Ты (но, может быть, и я? — какое это имеет значение, мы ведь чувствуем и живем похоже, но если это не так, то лучше тебе не читать моего рассказа) ...» В результате такой аберрации (ты, а может, и я) в нашем восприятии происходит нечто неожиданное. Рассказ благодаря этому зачину засасывает нас в свою плоть, как сжатая гигантская масса, и —

парадоксальная ситуация — чувствуя себя то ли мышью, то ли независимым третьим лицом, мы в финале вдруг принимаем на себя всю невыносимую физическую боль героини, падающей в предсмертном приступе на тротуар.

Ирония («черной прозы» проистекает (опять же как и в «черном юморе») из природы парадокса. Осознанно или неосознанно прибегают к нему авторы, но парадокс им постоянно служит ядром повествования, благодаря чему текст воздействует на читателя необычайно сильно, почти оглушающе. Эффект впечатляет именно потому, что автор, утверждая вначале нечто совершенно тривиальное, как, например, в «Завтраке на траве» или в «Ветеранах» А. Тарвидса, приводит нас затем к абсолютно противоположной ситуации. Эта «перевернутость» в наиболее острых рассказах («черной прозы») действует на читателя чуть ли не физически — вы словно бросаете бумеранг, а он молниеносно возвращается и сильно вас бьет.

Первая мысль, когда начинаешь читать рассказ А. Тарвидса: отложить, не тратьте попусту времени. Где-то мы все это уже читали и слышали. Двое пожилых людей лежат в онкологическом отделении спецбольницы. Один обречен и ждет своего часа, другого положили на обследование. Мы уже представляем себе, что будет дальше. Ну, конечно, первому страшно умирать в одиночку, он внушает соседю, что и тот обречен и положили его не на обследование, а чтобы тоже в одиночестве, чтоб не мешал домашним... И вдруг этот простенький сюжетец делает резкий поворот: один из персонажей оказывается ветераном войны, второй, который обречен, тоже ветеран войны, но служил в латышском легионе СС. Нонсенс — оба в спецбольнице, да еще «отрицательный» травит «положительного»!

А собственно, что особенного, размышляет читатель. Старики уходят, страшная болезнь — какая разница, что у них там в прошлом?

Рассуждая таким образом, можно бы и подвести черту. Но автор обостряет конфликт. Все вдруг выворачивается наизнанку, и все плюсы получают значение минусов. Наш гуманный, положительный ветеран пылает ненавистью к «врагу» и, дождавшись, когда тот уснет, набрасывается и душит его. Гадкая, мерзкая картина, но все

еще происходит в рамках традиционной прозы. И тут срабатывает «эффект бумеранга»: проснувшись утром, наш убийца неожиданно узнает, что он душил человека, успевшего до этого покончить с собой... Мораль, как говорится, ясна.

Так срабатывает механизм сдвоенного, усиленного омерзительной концовкой парадокса. А ирония здесь выступает как ирония судьбы и как авторская ирония. Автор: как по-вашему, который из них — вы?

Впрочем, будем осторожны с этим полуриторическим вопросом. Если мы сведем суть «черной прозы» опять только к риторике, мы снова упрямся в тупик вульгарного толкования литературы. Дескать, «черная проза» родилась в годы застоя, она отражает... она отвергает... она разоблачает... и осуждает. Конечно, очень соблазнительно, как это делалось в подобных случаях не раз, объяснить появление «черной прозы» протестом молодых писателей против безразличности минувших десятилетий. Только очередная спекуляция на склонности молодежи к преобразованию, к стремлению «внести свою лепту», «сказать свое слово», «отвоевать место под солнцем» ровным счетом ничего не объяснила бы читателю и не помогла бы ему понять и принять «черную прозу».

Что касается социального протеста, нужно помнить еще и следующее: социальный протест влечет за собой активное переустройство внутреннего мира литературного героя. Протест — это, как правило, становление личности, расцвет душевных качеств, проявление внутренней силы, способности противостоять, даже если эта личность погибает. В латышской «черной прозе» ничего похожего нет. Происходит обратное: крушение личности, ее распад, вызываемый губительным чувством одиночества, отчужденности и неверия в свои силы и способности.

Что лежит в основе конфликта в «Ветеранах»? Социальная неприязнь? Идеиные расхождения? Нет, конечно. Это лишь кажущиеся причины, вернее — ложные, обманчивые, как обманчиво все, что находится во внешнем слое любого сложного явления, будь то отношения между людьми или характер личности. И автор вполне сознательно уводит нас от них, фокусируя внимание на нравственной проблеме,

на неспособности услышать, понять и почувствовать чужую боль. Нравственная глухота, забвение гуманных принципов человеческих взаимоотношений, обыкновенная бесчеловечность — вот что губит ветеранов. Отгороженные от мира заплотом былых идейных противоречий и разногласий, они сегодня внутренне одиноки и опустошены.

Наличие мотивов отрешенности и одиночества проявляется в «черной прозе» повсеместно — как причина, как состояние, как итог. Авторы не говорят об этом открыто, но если присмотреться к героям и положениям, непременно обнаружится бесперспективность, безнадежность или, того хуже, — абсурдность существования человека, замкнутого в скорлупе сжимающегося пространства.

Очень характерен в этом отношении рассказ У. Ванэгса «Капитан и крестовый валет». В художественном отношении он оставляет желать лучшего, зато отвечает всем канонам «черной прозы». По своей структуре он как две капли воды схож с «Ветеранами». Нарочитое простое начало в виде письма героя сестре определяет положение этого юноши в системе координат: исключен из института, работает грузчиком, снимает комнату у хозяйки, которая завела себе ньюфаундленда. Эрик собаку любит, и пес его тоже обожает. Отношения между ними столь трогательные, что Эрик даже манкирует работой: возвращается с полпути домой, чтобы спустить несчастного пса с цепи. На работу он опаздывает, из-за чего остается без дела, и тут круг за кругом начинают наматываться порочные действия. Вместе с бомжем Колькой Эрик ворует зерно, обменивает его на несколько бутылок самогонки, пьет (впрочем, не напиваясь), играя в карты, проигрывает деньги, а потом и собаку и, сам же призрев хозяйкиного пса, спокойно наблюдает, как с любимой собаки сдирают шкуру. Казалось бы, этого вполне достаточно, чтобы показать ничтожество деградирующей личности.

Но автор этим не ограничивается. Прекрасно понимая, что рассказ вызывает самые неприятные чувства и ощущения, автор добивает читателя. Когда хозяйка, вернувшись домой и лакомясь приготовленными Эриком котлетами, спрашивает, куда подевался пес, ей дают понять, что котлеты при-

готовлены из ее собаки... Очень остроумно, не правда ли?

Но бог с ним, с авторским остроумием. Займемся его героем.

Прежде всего надо сказать вот о чем. Не стоит делать большие глаза и удивляться самому факту существования этого и подобных ему рассказов как явлению современной литературы. Да, мерзко! Да, гадко и рвет душу! Но давайте признаем, что характер героя и все, что описано в рассказе как явление нашей повседневной жизни, давно уже никого не шокирует и не удивляет. А коли так, отчего Эрику не стать героем литературного произведения?

Другое дело — почему он все это делает? Обоснован ли итог действий героя, этот отвратительный финал рассказа, логически? Оказывается, да, логически в рассказе все выверено и соотносено одно с другим весьма точно.

Уже в письме, с которого начинается рассказ, — своеобразном прологе к последующим событиям, — обращает на себя внимание потребительское отношение героя к жизни и его ощущение одиночества. То, что Эрик хорошо зарабатывает и будто бы доволен жизнью, всего лишь бравада. На самом деле мы чувствуем, что существование героя протекает в пространстве, как будто отгороженном от прочего мира высокой стеной. Дальше это впечатление изолированности усиливается. Заметьте: персонажи пьют, но не пьянеют, все, что они делают, — действия трезвых людей, но как будто находящихся в совершенно ином измерении, чем мы. Этим и передается отрешенность Эрика, его изолированность от окружающей действительности и одиночество, толкающее на поступки, которые нормальный человек не совершит и воспринимает как уголовно наказуемое преступление.

Кстати, об уголовно наказуемых преступлениях. В последнее время мы много говорим о росте преступности и в числе ее причин называем издержки нашего времени и образа жизни — бешеный темп, стрессовые ситуации, резко возросшую урбанизацию и прочие социальные условия, но почему-то молчим о механизме воздействия этих условий на человека. Ведь само по себе социально-экономическое развитие общества и научно-технический прогресс как будто направлены на благо чело-

вечества. Другое дело, как они влияют на психологию индивида, способствуют ли удовлетворению его личностных потребностей и интересов? Здесь кроются очень серьезные, неразделимые противоречия, которых мы в советской литературе старались не касаться, а в латышской литературе эти проблемы вообще не поднимались. И лишь сейчас «черная проза» начинает осмысливать эти сложные противоречия между социально-экономическими возможностями нашего общества и психикой человека, его духовными потребностями.

Эрих Фромм различает пять видов духовных потребностей человека. Потребность в самоутверждении. Потребность в привязанности. В самосознании. В системе ориентации. И в объекте поклонения. Неудовлетворение любой из этих потребностей ведет к ощущению дискомфорта, а нарушение всей системы — к весьма серьезным сдвигам в нашей психике. Что с человеком происходит? Он перестает различать границу между добром и злом, между нравственной нормой и отклонением от нормы. Развивается комплекс неполноценности, появляется острое (или смазанное) чувство одиночества и оторренности от окружающего мира.

Хорошо, если индивид догадывается, что с ним творится что-то неладное, и сдерживает свои чувства и эмоции. В противном случае, как это происходит с героем рассказа «Капитан и крестовый валет», внутренний, незаметный со стороны процесс распада личности толкает человека к неконтролируемым действиям, к бунту, насилию, к вакханалии неуправляемых страстей. Или к тихому помешательству, совсем небезобидному и в перспективе своей страшному, как в рассказе Г. Берелиса «Deus ex machina».

Представьте себе человека, у которого есть одна странность, вернее — страсть. Ночью, когда жена спит, он потихоньку уходит на кухню, достает припрятанную днем коробку с пластиковыми солдатиками и играет в войну. Таков герой Г. Берелиса.

Рассказ написан хорошо, живо. Но уже в самой форме заложена некоторая странность — весь рассказ составляет один абзац. И читать его тяжело: чем дальше читаешь, тем сильнее дает себя знать какая-то острая патология. Ну, мало ли кто и когда играет в игрушечных солдатиков — тяга к детству, к сладким воспоминаниям

у каждого из нас проявляется по-разному. Но вот эта скрытность, затем отгрызание голов у победленных солдат настораживают и пугают. И, наконец, — откровенное извращение: трепеща в предвкушении запаха пролитой на поле брани крови, герой рассказа хватая иголку, прокалывает себе палец и на пол капает настоящая кровь . . . Все тот же «эффект бумеранга», болевой удар, вызывающий у читателя омерзение . . .

Г. Берелис в некотором смысле напоминает Х.-Л. Борхеса — отточенностью текста, мысли и своеобразной спиралевидностью литературной формы. Разница лишь в том, и это существенно, что «борхесиана» Г. Берелиса имеет другую направленность. Вот пример: описание абсурдности существования персонажей в рассказе «Спецхран» увлекает и кружит нам голову не меньше, чем, скажем, метафорическое построение «Вавилонской библиотеки» Борхеса. Но в «Вавилонской библиотеке» Борхес воссоздает механику взаимоотношений человека с существующей вне его культуры, спиралевидное движение здесь направлено вовне, спираль раскручивается. Человек у Борхеса осознает свою общность с другими людьми, с цивилизованным обществом.

У Берелиса все наоборот: человек отчуждается от окружающего мира, тут спираль закручивается. Тут даже типографская краска в книгах выцветает, исчезает совсем, потому что ими запрещено пользоваться. Человек теряет свою цивилизаторскую сущность, он обречен влачить жалкое существование в замкнутом мире своего одиночества, в условиях раздражающих психику противоречий.

В одном из рассказов Р. Калпини об этом состоянии говорится прямо: «Одиночество раздражало его, вечные попытки что-то нашарить на грани между «можно» и «нельзя» — тоже» («Солдат свободы»). Отсюда из этого ощущения все невзгоды героев «черной прозы», их постоянная саморазорванность и болезненное неприятие окружающего мира.

Ведь герой Берелиса прокалывает иголкой палец совсем не потому, что жаждет крови поверженного полководца. Текст рассказа позволяет заглянуть глубже — герой, боясь прикоснуться к спящей жене, сам чувствует

себя «падшим полководцем» и сублимирует свое состояние на условия игры в войну. Все та же грань между «можно» и «нельзя», но если у Р. Калпини в «Солдате свободы» молодой человек не решаете переступить эту грань и живет с постоянным чувством, «что никогда не станет таким, каким хотел бы стать», то у Берелиса и некоторых других представителей «черной прозы» герои сплошь и рядом переступают эту грань вновь, и вновь, и вновь. Тем самым они компенсируют неудовлетворенность духовных потребностей, о которых говорит Эрих Фромм. И компенсируют, как правило, посягая на чужую самобытность, свободу или жизнь, как в упоминавшихся рассказах У. Ванга и А. Тарвидса.

Однако не всегда эта потребность в компенсации оборачивается в «черной прозе» агрессивной жестокостью. Дело в том, что не жестокость сама по себе характерна для этой прозы, а жестокость крайних ситуаций, когда душевный надлом приводит героя к аномальному положению и художник начинает исследовать это положение уже как явление, широко распространенное, обусловленное существующими условиями. Ведь тот же Эрик в «Капитане и крестовом вале» — человек по нашим меркам душевно абсолютно здоровый. И если бы У. Вангс подошел к предлагаемой читателю коллизии более углубленно, не удовлетворился лишь поверхностным взглядом на историю с ньюфаундлендом, наверное, рассказ прозвучал бы совершенно иначе. Жестокость в «черной прозе», если она проявляется по отношению к чужому, то есть по отношению к другому объекту, а не к себе, возникает в результате упрощенного понимания причинно-следственных связей, когда действие во времени имеет лишь одно направление, когда оно сиюминутно и прямолинейно.

Но как только действие или непосредственно герой повествования вступают в какое-то отношение с прошлым, все меняется. Литературное произведение обретает глубину и многослойность, во всей сложности проявляются причинно-следственные связи, в сознании героя начинают работать представления о моральных ценностях, его поступки становятся осмысленными и в основе своей, как это опять же ни парадоксально, гуманными. В этих случа-

ях персонажи «черной прозы» подавляют в себе агрессивные чувства, конфликт перемещается из сферы сознания героя. Вот почему рассказ-воспоминание, рассказ-исповедь «Солдат свободы», герой которого осмысливает себя в прошлом, не шокирует читателя, хотя сам по себе рассказ достаточно жестокий. Только жестокость эта выступает как безжалостность к своей же личности.

Еще большую роль память о прошлом играет в сознании героев А. Нейбурги. Они постоянно сопоставляют настоящее с прошлым, и это происходит не в пользу настоящего. В то же время это и не тоска по прошлому, не его идеализация. Скорее поиск точки опоры, стремление найти в прошлом то, ради чего и существует человеческая память, — моральные устои, нравственные ориентиры. Проявляется эта память всегда по-разному. В «Мышиной смерти» поток сознания пронизывается отрывочными мыслями о прошлом Латвии и своей семье, в рассказе «Птицы в клетках и чучела птиц» — это годы лагерей и предшествующее им время, в «Светило солнце» — детство героини, в «Комментировать не будем» — увлечение античным миром... Так или иначе, в любой ипостаси прошлое обязательно присутствует у Нейбурги как фактор, определяющий характеры персонажей и их отношение к действительности.

Но если отношение к прошлому у героев Нейбурги всегда разное — от почти идиллического в «Светило солнце» до неприимимого в «Птицах в клетках...» — то отношения с действительностью выстраиваются опять же характерным для «черной прозы» образом. Нет, агрессивные действия им несвойственны — их внутренний мир организован столь тонко и сложно, что жестокими они могут быть только по отношению к самим себе. И дело даже не в осознанной жестокости, как каком-то направленном действии, а в неспособности противостоять жестокой ситуации, в том, что они неизбежно становятся (буквально — делают себя) жертвой обстоятельств — в их готовности стать жертвой. Можно было бы назвать это незащищенностью, безволием или как-то еще, если бы у них был выбор и они видели бы реальный выход из создавшегося положения и в то же время не хотели бы или не находили в себе силы пойти иным пу-

тем. Но для них другого пути просто не существует. Впереди — тупик.

В рассказе «Комментировать не будем» герой выбрасывается из окна, потому что все предшествующие события неуклонно толкают его к самоубийству. Не может он поступить иначе, в противном случае это был бы другой рассказ о другом человеке, другом характере и другом образе жизни. Развязка логична. Точно так же, как логична она в «Мышиной смерти». Внешне здесь ничего ужасного как будто не происходит: женщина, выйдя из дому, садится в трамвай, выходит на своей остановке, пытается разнять мальчишек, спотыкается и падает. Это — на уровне действия. А на уровне сознания закручивается такой смерч мыслей и чувств, что сила его неминуемо должна раздавить героиню рассказа...

Отличается ли ситуация в этих двух рассказах от, скажем, той, какую мы видели в «Капитане и крестовом вальсе»? Отличается, но лишь внешними своими проявлениями, а по сути все три героя — разные по своему складу и духовной организации, одинаково одиноки и недовольны жизнью. Они загнаны в угол и изменить что-либо не способны. Беда их в том, что повлиять на окружающую действительность они никак не могут.

Но здесь важно и другое. Финал рассказа «Мышиная смерть» не отталкивающий, он не вызывает у нас чувства омерзения, он трагичен. Это очень характерно для Нейбурги. В отличие от большинства представителей «черной прозы» Нейбурге удается, обращаясь к прошлому, перешагнуть ступеньку болевого, шокирующего воздействия на читателя и подняться до трагедийного звучания.

В рассказе «Птицы в клетках...» это происходит даже посредством попытки отринуть прошлое, отказаться от него. Дочь отвергает прошлое своей матери как неприемлемый для нее образ жизни и мышления. Она начинает строить свою жизнь иначе, чем мать, и вроде бы успешно, тем не менее конец рассказа выстраивается опять самым неожиданным, парадоксальным образом. Отвергаемое прошлое оказалось сильнее и, несмотря ни на что, повлияло на формирование характера дочери. В критический момент, вопреки своим постоянным стремлениям забыть ее от опеки, она неожиданно для себя принимает решение не оставлять мать.

Да, мать и дочь — антагонистки, они никогда не примирятся, будут, наверное, презирать или ненавидеть друг друга, и тем не менее... оставить мать нельзя.

Финал рассказа встречался в литературе на раз и не два, но у Нейбурги он не тривиален. Потому что здесь важно не действие само по себе или решение остаться, а скорее отношение к нему — движение мысли героини, ее состояние, что не всегда согласуется с ее поступками или имеет несколько иной и более глубокий смысл. Не гуманное решение остаться с матерью здесь важно, а неизбежность такого решения и жестокость по отношению к себе, жестокость, с которой героиня себя ломает, потому что, по сути дела, она обрекает себя на повторение судьбы своей матери.

Парадоксальность происходящего, «болевой» эффект здесь значительно смягчены, но не исключены вовсе. Они играют ту же роль, что и в упоминавшихся рассказах других авторов, только в завуалированной форме. Что касается жестокости, поскольку она направлена не вовне, а на личность самой героини, эта жестокость аккумулирует другие силы, другие — положительные свойства души, такие, как чувство долга, чувство вины, действующие подобно сильным психологическим комплексам. О постоянно мучающем героиню чувстве вины она делает в дневнике такую запись: «Это осознание (вины. — Г. Г.) бесит меня, я стараюсь притушить его новыми поступками и оттого страдаю еще тяжелее. Заколдованный круг! Это сильнее меня. Сильнее ненависти, которую я порой испытываю к Матери».

Осознание чувства долга, или вины, которое «сильнее ненависти», гасит в душе героев Нейбурги побуждения к агрессивным или просто неприятным для другого человека поступкам. В рассказе «Комментировать не будем» девичья девица может назвать погибшего соседа юридическим потому, что тот ей неровня, что он духовно и интеллектуально выше ее, и в то же время она его жалеет, испытывая чувство неясной вины перед ним, просвечивающее между строк в рассказе и делающее этот трагический рассказ добрым по своей сути.

Ровня, неровня, юридический, чужой, неравный — в этической шкале «черной прозы» эти понятия значат многое. Они и включают механизм отчуждения

на нравственном, моральном уровне, затем этот процесс начинает работать и на эстетическом уровне, когда искаженные представления о нормах и законах человеческого общения постепенно искажают наши представления о том, что прекрасно и что отвратительно. Дальнейшее напоминает движение челнока: если нравственно всегда то, что прекрасно (математическая формула обычно верна, если она красива!), то уродливое и искаженное порождает, в свою очередь, безнравственность и несправедливость, во много крат усиливая их на каждом витке и тем самым вызывая у читателя «черной прозы» реакцию неприятия, удивления, а иногда и шока.

Недавно в нашей печати промелькнуло высказывание известного в Америке писателя русского происхождения Вл. Волкова: «Добиваться надо, наверное, не равенства как такого, а справедливости и порядочности». Это и наш с вами случай. Казалось бы, между равенством и одиночеством — пропасть, а на самом деле всего лишь один шаг, не пропасть, а узкая щель. Как только в обществе начинают появляться признаки социальной расслоенности, разобщенности — жди за ними и серьезных изменений психологического порядка, ведущих к одиночеству как состоянию личности в обществе. Этот механизм никогда еще не давал сбой точно так же, как и к равенству никогда нельзя было прийти без осознания каждым индивидом необходимости справедливости и порядочности.

Если вспомнить, именно в шестидесятые годы, когда начал широко распространяться «черный юмор», резко возросла в обществе потребность не столько даже в равенстве и демократии, сколько в их составных — порядочности и справедливости. Реализовать эту потребность тогда до конца не удалось (не смогли, не захотели, не успели), и собственно поэтому «черный юмор», как своего рода иронический компенсатор этой потребности, и стал тогда так популярен. Затем он перешел в застойную действительность (вплотился в конкретные формы общественной жизни), потом — в «болеющую» прозу, которая вновь остро заявила сегодня о недостаточности не равенства как такового, а его составляющих.

Герои рассказов Нейбурги не борцы

за равенство и демократию, и свое одиночество они тоже не способны преодолеть, но они, в отличие от многих персонажей других приверженцев «черной прозы», знают, что, отказавшись от принципов добропорядочности, взаимопомощи и элементарной справедливости, они обрекут себя на гибель и погубят других. Эту уверенность и сами принципы они перенимают из прошлого, перенимают как целостную систему нравственных ценностей, как четкую жизненную позицию. Отсюда и нейбурговские финалы — ее герои не ерничают, не петушатся, не хватают друг дружку за горло, а ищут взаимоприемлемые формы сосуществования.

Позиция героев Нейбурги в конечном счете есть и позиция самой писательницы. Что же касается персонажей других авторов «черной прозы», говорить об их позиции еще трудно. Действия на поражение, действия на уничтожение, озлобленность и жестокость, исключющие какое бы то ни было гуманное начало, всегда были только позой, выражающей противопоставление себя другим. Эта поза сиюминутна, кратковременна — все может резко измениться. Как, в какую сторону? Предсказывать что-либо бессмысленно, тем более, что речь идет о прозе не просто современной, а только еще формирующейся. Ясно одно: художник, кем бы он ни был, если он действительно обладает тем, что мы называем художественной натурой, неизменно приходит к позитивным ценностям и отстаивает их.

В этой связи, наверное, уместно вспомнить слова человека мудрого и писателя тонкого: «Человек должен утверждать справедливость, борясь с извечной несправедливостью, созидать счастье в знак протеста против разлитого во вселенной несчастья (...). Вы усмехаетесь презрительно: дескать, что это значит — спасти человека? Но я прокричу вам изо всей мочи: это значит не калечить его, это значит делать ставку на справедливость, которая внятна ему одному».

Кто бы это ни сказал, здесь есть над чем подумать. Тем более, что слова эти принадлежат Альберу Камю, много писавшему и размышлявшему о том, что заботит сегодня прозаиков, объединенных мною понятием «черная проза».

ТРИ МНЕНИЯ ОБ ОДНОЙ КНИГЕ

По правде говоря, на меня книга Е. Саран не произвела никакого впечатления. Читать ее было приятно, но прочитав, я начисто про нее забыл, просто ни одной строчки в голове не осталось.

Я не считаю читателя высшей инстанцией. По моему глубокому убеждению, высшая инстанция — тот, кто пишет: «Ты сам свой высший суд». Тем не менее, я предлагаю разобраться в этом феномене, для чего и помещаю ниже несколько эссе-рецензий на книжку Саран.

Я разделяю мнение Давида Самойлова, что «... поэзия должна быть странной, / Шальной, бессмысленной, туманной / И вместе ясной, как стекло, / И всем понятной, как тепло». Третья и четвертая строчки к стихам Саран очень подходят, зато первые две — никоим образом. Слишком ясно, слишком тепло (не та ли это теплота, за которую апокалиптический Ангел Господень грозит «извергнуть из уст своих»?). Не знаю.

К сожалению, вообще в большинстве своем стихи, выходящие под сенью благословенной нашей «Лисмы», кажутся мне совершенно беспольными, инкубаторскими, такими, о которых Мандельштам говорил, что здесь простыни не смяты и, значит, поэзия в них не ночевала.

Впрочем, положительных отзывов (свой я в данном случае в расчет не принимаю) все-таки больше, чем отрицательных.

В общем, судите сами.

В. Р.

Ольга НИКОЛАЕВА

«У НАС У ВСЕХ В ЗАПАСЕ БЫЛИ КРЫЛЬЯ»

Едва ли стоит мне говорить по поводу первой книги Елены Саран все то, что смог бы высказать и другой человек. Поэтому оставляю в стороне многое несомненное и, изъясняя предварительную радость, товарищескую и читательскую, какой все мы должны приветство-

вать появление нового поэта, спешу высказать нечто о близком, но не всегда авторски доступном мне самой. Прежде всего, здесь мы имеем дело с поэзией, выражающей себя на языке столь ясном, логически уравновешенном, непарадоксальном, что делает ее доступной, внятной не только снобу-филологу, не только человеку, хорошо знающему поэзию, но всякому, кто

Елена Саран. Ученица. — Р.: Лисма. 1989.

хоть сколько-нибудь хочет к ней прикоснуться. А в то же время, как хорошая музыка или чистая вода, она необходима и искушенному читателю, по этой младенческой ясности поверяющему свой кристалл. Это ясность, находящая, казалось бы, простой путь к разрешению «детских» вопросов (А. Блок), а на самом деле — вопросов страшных, сводивших с ума в те времена, когда человечество еще было впечатлительно. Поэт наблюдает крохотную капельку пространства и видит в этой капельке кровообращение подземных артерий метро, обратную перспективу войн и революций. Вернее, прошлые и будущие шлаки этих событий, к которым, как будто укрытый в другой галактике или в другой жизни, он не чувствует себя причастным. И все-таки эти рифменные поры впитали впечатления разных поэтических эпох — от Пушкина и Некрасова до Аманды Айзпуриете. «Город, где собор Василия Блаженного . . .» — это, как переводчик, могу сказать, почти Аманда или Дагния Дрейка. Едва ли здесь может быть прямое влияние, скорее — смежность многих условий и впечатлений. Только видишь, как просто соединяется пограничное в культуре и во времени: «Под слоем дерна и песка / Потомка тонкая рука / Панаму сына моего / Найдет . . .», «. . . но только и всего. Кому в младенчестве нужны / Осколки мира и войны!»

Елена Саран называет себя ученицей мастеров (книга полна — не количественно, а по масштабности оппозиций — скрытых и прямых цитат — из Пушкина, Ахматовой, Блока, Шекспира). Но, очевидно, и ученицей бытия, как это явствует из стихотворения, которым открывается книга. В том и другом случае это не роль, а состояние. Потому нет следа игры, маски. По роли — должен быть оттенок пьютета как по отношению к великим теням, так и перед лицом мироздания. Так, Александр Кушнер свою роль ученика и продолжателя пушкинской традиции принял и вел, навсегда отделив нынешнее и прошлое целой системой сложной поэтической игры. Елена Саран дерзко перефразирует блоковский стих и дерзко отмечает систему противоположений ушедшей «символической» (символистской) эпохи: «Ночь, Улица. Фонарь. Аптека». Свет принадлежит себе, когда не применяется к другому свету. Ночью спокойна

самосветящаяся жизнь. «Ночь у лица» — это опять-таки «детское» прочтение стиха. Но уже встречавшиеся «газовые фонари» подсказывают (с. 77), что и у каждого слова здесь — другое содержание. Расширив философские границы образа, мы можем прочесть еще один план: спокойствие смерти. Но это было бы уже реминисценцией из отмененных систем, противоречием себе. Нет, не смерть, а именно ночь. Без символа. Так же «у лица» держит поэтесса эту каплю мира, и мир в ней не представляется ей таким огромным и непреодолимым, как это должно быть по роли поэта классической традиции. В том-то и дело, что здесь не роль, а новое целевое применение образа, новый подлинник. Здесь само состояние поэтической медитации — уже позиция — над проблемой. Детская игра в «быть или не быть» не удосуживает дорости до возраста проблемы. Надо быть слишком древним, чтобы желать знать. Надо быть верой первоучеников, для того, чтобы выдержать знание. Поэтесса — человек времени за гранью той самой рухнувшей культуры гуманизма, гибель которой предрекал Блок. «Спасибо (. . .) за то, что мне долго / Иль коротко жить», «Конечно, я была всегда». Снято само различие между бытием и небытием. Может быть, потому, что «расставания / Навеки — не перенести». Такой человеческий мотив.

Строки поэзии Елены Саран многомерны, способны вместить многообразные прочтения. И в то же время их философская устойчивость не дает повода к возникновению «вненаучного» удивления. Автор чрезвычайно мудрых для младенчества прозрений и выводов не то делает вид, не то действительно не замечает эмоционально (а лишь умозрительно) того иррационального «завора» между видимым и невидимым, поддающимся познанию и непознаваемым, которое дает импульс сверхчувственному исследованию, свойственному поэтической работе. Так как если бы философия и логика были — одно.

Внимательно приглядевшись к себе, погребенной («в глаза просыпавший топот . . .»), она не находит промежуток, где могли бы пересечься два вида существования. Причем чуткость взгляда, этого честного постижения, очень велика («. . . мы лепили / . . . / даже ветерок . . .»). Интересно и такое

словно бы ощупывание материи ветра. В этом смысле — как предвидимый отпечаток, материальный знак ожидаемого события — прочитываются и такие стихи, как «Открылась форточка — и вниз...». Я вижу здесь как будто негатив, остающийся на земле после атомного взрыва. Или — о родине — тоже метацитата. Вся русская поэзия пересекается на этой границе с нынешним национальным самоощущением. И «... сердце голос подает». Именно такие стихи я считаю пограничными в творчестве этой поэтической индивидуальности, как бы не замечающей своих границ в мире, не выделяющей нигде «я» из поля общечеловеческого. Именно они вплотную подходят к тому новому, что еще придется высказать, когда углубится «экзистенциальное», то, что находится как бы по ту сторону земных отражений.

Впрочем, все пограничное содержит в себе признаки нашего пребывания по другую сторону границы с Россией. Даже и в смысле ее истории. Словно бы мы смотрим со стороны на собственную душу. И если некоторые молчат, не в силах высказать и уразуметь все то, что является ее сердцевиной, то Елена Саран, как дитя, не ведающее племенных «табу», то и дело находит математически краткие подходы к важному, может быть главному.

Со змеиной мудростью в детских устах выписаны самые «ученические» строфы: «Отличница рисует стенгазету. Там двоечников тянут на буксире...» Какая «застойная» идилия! «Скелеты... (Эти вечные карнавалы персонажи нашей школы! — **О. Н.**) распадаются на части. На атласах стираются границы (Ведь знаем же мы, разжигатели гражданских войн, что так и будет! — **О. Н.**)...»

И вместо представления
о счастье
На ум приходят чучела и птицы.

Но удивления нет. Это все те же вопросы, что и тысячу лет назад. Почему человечество не слушается детского голоса? Хорошо бы делать людей правителями, вручить им свою судьбу, пока они еще находятся в возрасте невинности, «в ангельском чине». И еще: вот ведь обходится же искусство без богемы. Ум — без желчи. Сочувствие прошлому и предвидение будущего, может быть, сиротства — без душераздирающих выкриков. У всякого

времени свои пророки. Сегодня им не может быть ни актер, ни юродивый. Стихи Е. Саран возвращают утраченное было достоинство оскорбленному русскому слову, так же как она возвращает жизнь казалось бы неупотребимо стертых метафорам. И истинам. «Зачем мне люди? — говорит Природа». Но если исчезнет Слово, исчезнет все, способное рождать. А если «Природа приподнимет бровь» — то «... побледнеет ученица». «Все будет позже», но не позже, чем заговорит сердце. А пока... пробуются многие системы, приемы, голоса. Но как бы несомненна ни была цитата, она никогда не означает того, чем была в прежнем контексте.

Душа полотнищем мятежным
Еще не вырвалась из рук,

Поджав колени, в спальне
тесной,
Еще ты дремлешь, друг
прелестный.

Не знаю, будет ли мое прочтение чисто индивидуальным, но я понимаю это так: первая строфа означает: еще жива, вторая — еще не рождена. Во второй строфе «друг прелестный» — это дитя, спящее в утробе, в характерной для этого состояния позе.

Мне, нетерпеливой и дикой, так и пришлось остаться в плену собственных «невывспавшихся слов». Поэтому меня особенно восхищает у Саран новый Эдем, без рая и помимо ада. У меня никогда не было своей концепции мира, никогда не было научного открытия образа. Я лишь пыталась описать дрожущую, смутно преломленную в бедном хрусталике данность. И мои слова, замешанные на рефлексии, так мало напоминали ангельское пение, что, под неавторитарным давлением мирового образца поэзии, любви и времени (бессмертия), я не смогла хорошо воспользоваться свободой воли. Не говоря о том, что под влиянием дурной практики человеческой истории мне не удалось изменить эмбрионального мышечного рефлекса, побуждающего сохранять положения скрученности вовнутрь. Но разве можно спеть дрожащим голосом такие свободные строки?

Мгновение жизни сотрется,
И, как после долгой разлуки,
Рождение со смертью сольется,
Обнимутся крестные муки

и т. д.

«Начнутся другие названья». Вот это ровность! — как в монастырском распеве. И — переставленные местами «государево слово и дело» вернутся к божескому «и делу, и слову».

Здесь, наконец, я могу признаться в литературной ненависти к молодой поэзии 60-х. В ней — если просто, то ложь, если сложно — то непереваримо, и, в конечном счете, бессмысленно, потому что отравлено трупным ядом слов, не переносящих друг друга. Гражданская война стабилизации, смертельная схватка баобаб с березой.

Десятилетиями «невыспавшимся словом» перекидываются во тьме усталая мужская рифма и вопль разъяренной плоти «матримониальной» поэзии. Но и в этой дисгармоничной схватке — история наших духовных мук, пытка духотою и одиночеством.

Где же это видано, чтобы выспаться и родиться? Зреть и не бояться смерти и старости. Нет, не на льдине — размером в две ступни». Не в подверженном разрушению гнезде. Невдалеке от собственного сердца. «Но поезд вздрогнул так, / Как будто он уснул или проснулся». Здесь граница младенчества со старостью и страстью Предвидения — с недоуменным ведением. Где-то был уже сигнал, знаки: «Мне отрубил голову», «Снова новый день жую». «А говорили, будто смерть . . .». А теперь, под самый конец, прямое:

А тему смерти я гоню.
Но лезвие ее стальное
Проходит прямо сквозь броню
В существование земное.

/ . . . /

Я убираю этот нож,
О край дрожащий рана руку.
А говорить, что смерть есть
ложь . . .

Зачем опровергать науку?

Вот оно. Этого надо бояться. Начнется свое разрушительное — жизнь, биография — не эпохи, а отдельного существования, — и конец светлому оракулу. Забудет истину. Будет, как все, верить только ощущению муки и сольется с толпой. Ведь это ошибочное мнение, будто поэт в толпе один идет, повеса голову, а толпа — ликует. Страдают все. А все-таки смерти нет. Разгадка тайны — опровергать науку, ее отработанный вариант.

Но . . . «тайна она и тайна».
Ее разгадывают веками.
А разгадка ее случайна.

Бывают вечные младенцы. Поэтические судьбы чем выше над реальностью, тем короче. Но тем, кто учился у природы, даются силы на осени и зимы. Смерть — всего лишь сезон. И ничего не бывает «случайно». У кого-то лишь после гражданских (и личных) инициаций начинается возраст чуда. Второе младенчество. Первое — всего лишь природа. Моментальные снимки листа и куста. А во втором — лишь бы дожить, «Начнутся новые названья». И . . . «дремлющий опыт былого / Подскажет и дело и слово». В конце концов вспомнится и про крылья.

Странно. Я написала так много и так будто бы оптимистично. А ведь не сказала главного. Кажется, только в последнем стихотворении — жизнь. Только в нем, соприкнувшемся со смертью.

Можно ли поставить на этом точку? Скажу так. Сегодня (или вообще) я нахожу необходимым ставить преграды для критики. Будем наблюдать, а не резонировать по всякому поводу. Иначе возникнет потребность поучать примерно таким образом: 1) ну да, неуважение к «старшим» (по цеху, непочтение к великим); 2) равнодушие, игнорирование страданий других поколений (даже, что ли, сомнение в их реальности); 3) упрощение всего с трудом наработанного, иероглифического, сведение его к линейному: береза не распилена, а сердце чувствует . . . А о том, что из этого конкретно вытекает, какая должна быть поверх явлений философия (чтобы можно было знать, «наша» или не наша, чтобы руководить или гнеться) — об этом ни слова. — Да никакая, — звонким детским голосом заявляет лирический герой «Ученицы». — От вашей философии земля уже дымится и распадается на элементы, неспособные организовать в живую материю. Чтобы понять мою островную, уцелевшую в малых формах культуру, надо только читать стих в обоих направлениях, поворачивать и переставлять, как кубики: значение не изменится, только прояснится моя иероглифичность. Например: сердце чует, но береза не распилена. Так тоже верно. Не надо больше ничего ломать. Достаточно переосмыслить и додумывать. И что мне, что нам, деткам, до ваших страданий, от которых вы не хотите отказываться, как от некоего капитала. Это не наш опыт, несите его сами на страшный суд истории и вечности.

А нам предстоит, быть может, безо всякой личной вины — «пещь огненная», ядерная.

Вот если бы так и оставить . . . Без горя и без счастья. Стоит сознание не то дитяти, не то мудрой старушки, не оскверненное страстями и чуждое надежды, на пороге смертельного, соблазнительного, равнодушного и страдающего мира, отказавшегося от идеала чистоты и покоя. Отказавшего себе

в любви ради болезненных суррогатов, рождающего кроносоев, в зубах у которых застревают все большие куски Творения. И только личная боль, живые раны могут их объединить, принудить к гибели (к победе), к сочувствию. Вспомним же пушкинское: «Разве жизнь такое уж сокровище, что ее ценой жаль и счастья купить?» Другое детство и другое солнце.

ЭМИЛИЯ

НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ

Если есть необходимость поделиться неким впечатлением, всегда можно изыскать для этого возможность, к тому же данная необходимость необязательно предполагает конкретную реакцию, и, собственно, цель неясна. По крайней мере, изначально не представляется возможным определить задачу. Но, по-видимому, в отдельных случаях информация может быть ничем иным, как грузом, который в некотором смысле тяготит. В таком случае, почему бы от него не избавиться, но как?

Перенести его в другое место, то есть одновременно сплавить и как бы подарить. Жест, в конечном счете, не криминален, хотя безусловно не страдает изысканностью как формы, так и всего прочего.

Но поскольку информация имеет свойство в отдельных случаях быть связанной и к тому же в результате усвоения оказаться не вполне полезной и нужной, скажем так, то сам факт отторжения не может не вызывать сочувствия. И дело не в способе освобождения, ибо способ, кажется, оправдывается. Хотя, если вспомнить суфийскую собаку, которую уж если нельзя повесить, то можно, по крайней мере, игнорировать, то . . .

Однако в случае с информацией проблема не всегда решается таким образом, поскольку по ряду причин не все и не всегда подключают даже уже имеющуюся в ассортименте способность чего-то просто не замечать.

1. ПОГОДА. ОГОРОД. ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Поразительно, но поэзия, действительно, может быть соткана из совершенно непозитических вещей и на совершенно непозитической почве. Как прямо и зовуще может повеять тем Востоком, до которого как — «через тернии к звездам». Но, однако, действительно — «это слишком». Оказаться на холме под названием «Долгая радость», жить на реке Вэй, писать стихи в подражание Тао — таинство, глубина, иные сферы — путь к непререкаемости вкуса и мастерства. И очень хочется связать ощущения и расставить акценты, и выделить то ценное, что само по себе будет непредсказуемым образом способствовать дальнейшему перетеканию из одной сферы в другую, более совершенную. Но, право же, как мы серьезно любим и как мы серьезно не любим. И отсюда — мы даже шутим так серьезно. В конце концов, как уже скучно — наблюдать «серое покрывье небосвода» и называть это любимой погодой. Каким бы откровением ни звучало: «Небо голубое слишком резко, / Солнце — это слишком много блеска!» — для того, чтобы это стало откровением, не хватает, может быть, именно «поросычьего хвостика» — то есть видится некая спираль (спиралька), ключ, прыжок, но это, пожалуй, излишне, ибо видится не по праву.

Но как странно и сладко веет Восто-

ком, простите, провинцией. Как легко и весело, должно быть, слагать а и в и дальше, дальше, пребывая на пленэре, но почему бы и не огород? И все должно быть вкусно — «огурчики, рябина, лучок, мятная конфета», но как-то не по режиму, не к столу, что ли?

И очень много облаков, и есть «чудные мгновенья», и «друг прелестный», что дремлет, то есть. И «О Господи» есть! Право же, в огороде вольготно, ешь — не хочу.

Ассоциаций — бездна, но это неизбежно, к сожаленью, опять же — в рамках гештальтов, и ритм — ненавязчив, незатейлив и очень на все похож, и привычные словосочетания узнаваемы и, безусловно, все как по расписанию, но поезд движется так медленно и пейзажи так однообразны, и если говорить только то, «что шепчут» — где и как проявится его, в каких оттенках, с каким падением теней. Тривиально замечать параллели — где-то Мандельштам, где-то Пастернак, где-то Бродский. Где-то — неважно. Важно, что глассандирующая реальность обречена на ничем не обусловленное дублирование интонации а la fall. И «птица» — штамп — едва ли на воле, по крайней мере, пока ей явно недостает знания о вероятных траекториях полета.

2. ЗАЧЕМ ДАЛЕКО ХОДИТЬ!

Далеко ходить не надо, тем более если далеко ходить некуда. Можно жить на берегу океана и писать полотна красками, словами ли — в уединении, в единении — праздности для избранных праздник. От частого повторения слова «природа» сущность, именуемая так, утрачивает понятийный стержень и не несет в себе ничего, кроме пошловато завернутого в газету прямого значения. И если с чувством тайного превосходства думается, что знание заключается во вдруг открывшейся возможности рисовать непохоже, то с каким чувством при этом домысливается неизбежность напряжения. Ведь может быть снова «мороз по коже», как и при рисовании «похоже». «Осадки» реминисценций продолжают кружить и как будто «всюду прописались», едва ли поддерживая при этом растекающееся, балансирующее на льдине личностное мироощущение. «Комнатные собаки» обретут так называемую свободу и будут питаться от-

бросами, комнатные цветы будут съедены блохами и жуками. «Жизнь без оков» мерещится так просто и конкретно, и Бога, конечно, нет, уж любви от него не дожидаться в этой жизни, без сомнения, а следующей не будет. Так ли? Смело ли? Ново ли? Зато просто, как думаем — так и говорим. Это — честно, но как-то неловко наблюдать человека на четвереньках, поедающего клубнику. И чувство — совсем не так, и эротика — совсем по-другому, и пошлость — тоже не совсем то. Но, позволите, всеми давно позабыта дорога в Боди, и будущее может быть нарисованным очень похоже на то, что зовется «одышкой», но миражи, увы, морально устарели и сны (большого поэта жена умоляла не писать стихи о собственных снах!) диссоннируют со своей вербальной одежкой. Не лучше ли галлюцинировать и воздействовать танцем, предварительно став безупречным, даже если местом рождения стала «лужа» — сила и свет все преобразят и все преодолеют. Бедные инфанты из года в год будут «варить день» и Поль Элюар будет сдобривать нафталином «мы так разлучены между собой» — невинные парафразы. Но все, может быть, случайно, исподволь, бог знает какими нитями связано написанное и помысленное, сотворенное и вымученное. И счастье, увы, как вода, просачивается на пол и — к соседям, а те, в свою очередь, и не рады вовсе.

3. НОЧЬ. УЛИЦА. ЯНТАРЬ

В процессе сбора янтаря нет никакой видимой причины сгибаться в три погибели, но кому как удобнее, речь не о том. Локальный признак нехарактерен, но и не надуман, хотя ключ, тем более, чем влечение в возможную медитацию ряда психофизиологических комплексов противоречит локальному колориту. Выпад из традиций должен предполагать уже сам по себе некую очаровательность и новизну. Можно (но не нужно) обобщить: нашел камень — спрячь, чтобы не отобрали! Город, как возможный символ мужского начала, выглядит как всегда, то есть ни хорошо, ни плохо. Не обошлось и без рыбы, точнее, без рыбного запаха в магазине. Чугун, гранит, свинцовые воды, рельсы, неточки, игроки. Несколькими сместились акценты, но настроение в который раз не хочет «распутиться павлиньим хвостом», а игра так

и не началась, хотя было обещано. И напрасно свет фонарей репродуцируется именно на эту ночь, ибо ночь-то, к сожалению, как и люди, голуби — из глины. Было? — Было, и не раз, и очень похоже. Но если есть «улица стихов», как следует вести себя на базарной площади, превозмогая ущербность мироустройства и полную безнадежность прогнозов? Барменами не рождаются, но как предопределено движение по рельефу случайно проведенной линии жизни. Ужели эта мудрость — принимать несчастье за уроки и смерть — всего лишь как смерть, ведь минувшее неизбежно напоминает о себе и время от времени склоняет всех, кто замер посередине, к серьезному разговору. А в результате полной неготовности, собеседование протекает в атмосфере полного невзаимопонимания. И тем печальнее, что снег и дождь на площадях и улицах всегда кстати, настроение не меняется — весна ли осени, «осени ли весна».

**4. «ТАМ, В ШУМЕ И РЕВЕ ГОЛОСОВ,
ОКУТАННАЯ ТАЙНОЙ, ДЫШИТ
ЗЕМЛЯ,
ЭТО СТАРАЯ БОЛТУНЯ,
ПРАМАТЕРЬ РЕЧИ . . .»**

У. К. Уильямс

Дело в том, что ничего не случилось. Мы привыкли к книгам, появление которых нам ничем не угрожает. То есть происходит некое событие, которое, по сути, событием не является и о кото-

ром, в общем-то, не хочется говорить ни дурного, ни хорошего. Но постоянное, неудержимое нарастание количества полусобытий начинает угнетать, поскольку происходит это отнюдь не стихийно, не по воле случая, хотя случай отчасти театрально подмигивает, но совершенно определенно, по давно и прочно сформировавшимся канонам культивирования теми, кто достиг, скажем, 3—4-й градации, тех, кто хоть чуть-чуть, но непременно ниже. Иметь возможность высказаться — святое дело, с одной стороны, с другой — молчание как позиция и молчание по инерции могут быть разрешены самым благополучным образом. И если одно несозвучно и в твердой уверенности, что другое есть, отдаешь предпочтение другому, предпочтение, в свою очередь, неспособно реализоваться и быть трансформированным в новое качество, и не остается ничего, кроме как развести руками и произнести, к примеру, многозначительное «Дык!», а то другое, созвучное, в свою очередь имеет восхитительное право быть не очень доступным, не пылится на полках книжных магазинов и не быть объектом пустых и скучных нападок со стороны несозвучного или едва ли созвучного. И действительно, друг мой, добрый совет читателям: уж ежели не можете не читать вовсе, попробуйте читать поменьше. Впрочем, кому как нравится. Да и путь познания наряду с формированием вкуса, как известно, не представляется возможным (Кант).

Алексей ИВЛЕВ

«ВСЕ НОРМАЛЬНО, ВСЕ В ПОРЯДКЕ . . .»

Сборник Елены Саран невольно хочется сравнить с букетом полевых цветов и трав. Несмотря на их различные строения и характер — от лютика едкого до спасительного подорожника — они с первого взгляда принадлежат одному полю, одной руке. Букет этот имеет свою режиссуру, общую мысль. Не будем, однако, формулировать ее . . .

От чего отвык читатель и что его привлекает? Саран не замкнута на себя,

внешнее и внутреннее в ее стихах на удивление едино и уравновешено, она с любопытством смотрит в мир, обнаруживая источники радости на, казалось, давно и успешно преобразованном в пустырь мелиораторами-традиционалистами «русском поле»:

Зачем далеко ходить?

Природа всегда под боком

Личинка свивает кокон.

Паук выпускает нить . . .
(«Зачем далеко ходить?»)

Спасибо за каждую боюсь
коровку,
Росинку, травинку и облако,
Упавшее в реку, как
в обморок . . .
(«Маме»)

Мне что нашепчут — то и
говорю.
То листьев наущенья повторю.
То ветра голос, схвачен на лету,
Конфетой мятной спрячется
во рту.

Что от себя? Я ничего не знаю,
Чего б не знала просека лесная.
Всему на свете соткана основа
Из одного-единственного слова.
(«Мне что нашепчут . . .»)

Я столь щедро процитировал здесь
Саран, чтобы читатель ощутил глав-
ное — ювенильную простоту стиля.
Стихи эти просты, как проста суть поэ-
зии — восприятие жизни как чуда.
Реальность для Саран — обожаемый
партнер для игры в словесность. Она
флиртует с ним, преклоняется перед
ним, изменяет ему:

Зеленый лук, пройдя сквозь
землю,
Язык показывает всем.
А я возьму его и съем
Без хлеба-соли. Я приемлю
Его природный, острый вкус,
Не мух пугающий, а муз.
(«Зеленый лук, пройдя сквозь
землю . . .»)

Чувство завершенности каждого сти-
хотворения не покидает читателя.
Рискну назвать Саран, одним из первых
различно заявивших о себе поэтов
«популярного направления» или пост-
авангарда (если под авангардом пони-
мать поэзию сегодняшних «тридцати-
под-сорок-летних»). Возможно, это
возвращение поэзии на круги своя,
будто и не было семидесятилетней
ломки, она — неожиданно-долгождан-
ная продолжительница «уютной», «до-
машней» традиции, угасшей в окрест-
ностях поздней «Психеи» Цветаевой.
Именно поэтому моя рецензия более
комплиментарна (но — без снисходи-
тельности!), чем, быть может, ей сле-
довало быть . . .

Стихи Саран — для искусленного чи-
тателя, знакомого с реальным («непе-
чатным») положением в поэзии, имею-
щего представление о ее невидимых
силовых полях. Именно он, искуслен-

ный читатель, утомленный подзаты-
нувшейся битвой с Минотавром (Парт-
артозавром) в лабиринтах андерграун-
да, наиболее охотно откликнется на
кажущуюся бесконфликтность Саран,
с готовностью попадая в простенький
капкан обстоятельного умного озор-
ства, ибо стихотворение «Зачем далеко
ходить? . . .» заканчивается так:

Они из последних сил,
Слабеющих год за годом,
Баллончики с кислородом
Меняют на керосин.

А вот стихотворение «День ва-
ренья»:

Мы варим не варенье. Варим
день.
Час от часу он гуще и
прозрачней.
Светлеют ягоды. И по веранде
дачной
Уже скользит рубиновая тень . . .
. . . Ты скажешь мне: «А было ль
горячо?
Душисто, сладко, медленно,
прозрачно?»
И я тебе отвечу неоднозначно:
«Конечно, было». И на стол
поставлю
Варенья банку — день, который
славлю.

Прекрасная красноречивая недо-
сказанность рождается здесь «из ни-
чего», ибо в настоящем каждое дейст-
вие, жест, деталь таят в себе жало со-
циального смысла, энергию реального
протеста:

Отличница рисует стенгазету.
Там двоечника тянут на буксире.
Отличники садятся там в ракету
И думают, что дважды два —
четыре . . .
. . . Скелеты распадаются
на части.
На атласах стираются границы.
И вместо представления
о счастье
На ум приходят чучела и птицы.
(«Отличница рисует
стенгазету . . .»)

А вот как выглядит ее (наша) дорога:
Пустил по железу своду
И быстро запрыгал вперед.
Безумством купивший свободу
Пугать и дурачить народ . . .
(«Вокзал»)

Это не подтекст в традиционном
смысле, довлеющий реальности и за-
тмевающий ее, это — индивидуальное

кредо, прямо противоположное «форменной» трели Жизнерадостной Ученицы . . . Вот за эту «темную» сердцевину, которую нельзя купить, мне и дороги эти стихи. Для меня поэзия Саран должждана. Я хотел увидеть книгу молодого автора, способного на неискаленность. Жаль, если поэт утратит это качество. Хочется, чтобы Саран осталась при мнении о смерти, как о «совпадении тела и тверди с немого согласия души». мудро и покойно, по-христиански. После чтения ее стихов остается ощущение, что мы, зимовщики, все же дождемся своей весны.

Отсюда — неспешное наслаждение от забытой органичной мелодичности русского:

В сентябре на пригретом
пригорке,
Под забором, у грядок пустых,
Позабыв о воскресной уборке,
Мы сидели в одеждах
простых . . .

Вот так, не спеша, с достоинством, царственно, хиппово . . . Нищета и неистребимая аристократичность, и — за неимением лучшего — отношение к родине как к стране чудес, как к храму поэзии, скверная акустика которого отнюдь не смущает неопитку. Даже если она, родина, и не нуждается в таком отношении:

Ночные поиски исчезнувших
людей.
По адресам, по темным
закоулкам,
По затхлым комнатам,
По выброшенным псам
Костям . . .
(«Ночные поиски исчезнувших
людей . . .»)

Не хотелось бы, чтобы невольнойоднозначной оценкой в рецензии у читателя создалось впечатление о «сиюминутной» исчерпаемости поэзии Саран. Без всякого «постпанкизма» ее

поэзия безошибочно двадцатилетняя, что примечательно и вот по какому поводу: в последнее время в модную для культуры междоусобицу втянулись (или были втянуты) и поэты — спорят не только «традиционалисты» и «авангардисты». Непривычная напряженность чувствуется и внутри этих лагерей . . . Мне хочется видеть герб современной русской поэзии в виде орла с распростертыми в последней готовности к полету крыльями, сжимающего в клюве андреевских цветов ленту с надписью: «Едины в многообразии» — едины в стремлении к свободному полету, к творчеству без границ! . . . Так вот, поэзия Саран удивительна еще и тем, что не поддается искусству классификации, черты традиции и авангарда ей присущи изначально, в силу ощущения первоуродной цельности поэзии вообще.

Из всех придуманных мной определений поэзии метод Саран соответствует утверждению, что поэзия — это защита поэта от самого себя, ибо она прежде всего позитивно-иронична. В этом ее общественно-значимая парадоксальная злободневность — без особой ностальгии вспоминать о себе — утраченной, трезво оценивая время как обратимую посредством слова величиной:

. . . Ты скажешь: «Как это похоже
На срез обрыва!» — Да, там
то же.
«На спил древесный!» —
и на нем
Легли слоями день за днем.
(«Так снег ложится — слой на
слой . . .»)

. . . Но то в поэзии. В жизни все может случиться как раз наоборот. Печально, если быт (в который уж раз!) слишком непосредственно напомнит о себе, требуя утраты необходимого для поэтической самости зазора между словом и материей . . . Осгається надеяться, что этого не случится.

ДОСТОЕВСКИЙ И ПРУСТ

ИЗ РАБОТЫ «ДЕГУМАНИЗАЦИЯ ИСКУССТВА И ИДЕИ О РОМАНЕ», 1925

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Судьба «русского» Ортеги-и-Гассета, печатавшего в начале 20-х годов на страницах своего журнала «Ревиста дель Оксиденте» кроме всего прочего произведения Вс. Иванова и Л. Сейфуллиной, сложилась неудачно: его неправильно перевели и неумеренно истолковали. В своей эстетической программе Ортега требует отказаться от индивидуализма в искусстве, «подавить» лиризм, обособить воображение от переживания (программа, весьма созвучная идеям Т. С. Элиота, Дж. Джойса и У. Эко). Таков, во всяком случае, смысл ортеганского понятия «дегуманизация». Но его «дегуманизацию» поняли как «антигуманизм» и записали испанского философа в апогеи наизлитарнейшего модернизма.

Ортега, обучавшийся у неокантианцев марбургской школы, опирается в своей эстетике на интеллектуальную интуицию, на творческий инстинкт. Русский поэт, так же, к слову, марбургский послушник, говорит, кажется, о том же:

«Шаги и еще раз», — твердил мне
инстинкт,
И вел меня мудро, как старый
схоластик . . .

Интеллектуальную интуицию Ортега объясняет через «иррационализм». Этим понятием обозначается у него процесс создания новых реальностей, «созидания новых предметностей». Однако, ухватившись за «ир»-рационализм, критики обвинили Ортегу в том, что он потакает стихийным человеческим проявлениям и восстает против человеческого разума. Философ, отстаивающий иррационалистический характер творческого процесса, мракобесом.

Ортега-и-Гассет — философ гуманитарной интеллигенции. Его антропология поэтому — это завуалированная эстетика. Сплошь и рядом Ортега говорит о «человеке-в-произведении», о его «повествовательном разуме», о том, что человек должен «спасти свои жизненные обстоятельства», осмыслив их в художественном произведении. Именно в творческом процессе, по Ортеге, возможен синтез различных ориентаций антропологически ориентированной буржуазной философии (прежде всего, экзистенциализма и феноменологии). Но чтобы творить, человек должен осознать

свое полное одиночество. Ортегианское одиночество — условие творческого труда. Ортега ставит «одиночество» рядом с гуссерлианским «феноменом» лейбницевской «монадой» и платоновской живородящей «идеи». Однако ортегианское одиночество перевели на русский язык лексикой из синонимического гнезда «отчужденности», усмотрели в этой идее гипертрофированную экзистенциалистскую идею изолированности человека (в буржуазном, конечно, обществе), знак его ущербности и духовного кризиса. Философа творческой интеллигенции превратили в крайне субъективного идеалиста. Автора, отстаивающего собственный онтологический оптимизм в работе «Об оптимизме Лейбница», нарекли скептиком и пессимистом.

Г. Гессе, прочтя в 1931 году немецкий перевод «Восстания масс» Ортеги-и-Гассета, написал восторженную рецензию на эту книгу, особо отметив введенное Ортегой для критики массовой культуры понятие «человек-масса». У нас же ортегианскую «массу» перевели как «массу», но отождествили с «народом». Ортегу превратили в философа, якобы создавшего одну из самых антидемократических интеллектуальных систем нашего времени. Все это тем более странно, что к Ортеге, блистательному критику китчевой культуры, тянулись практически все демократические художники Испании, от Унамуно и Гарсиа Лорки до Антонио Мачадо и Камило Хосе Селья. Демократичнейшая по своей сути латиноамериканская «философия национальной рефлексии» [О. Пас, Х. Гаос, А. Рейес, С. Рвмос] также во многом обязана Ортеге. В годы франкизма Ортега считался полуопальным диссидентом. Его светлая модель культуры многократно атаковалась испанскими эстетиками-неосхоластами. Антонио Мачадо посвятил Ортеге стихи, где назвал испанского мыслителя «наследником Лютера». Неужто великий реформатор вызывает антидемократические ассоциации!

Ортегианская философия решительно покинет пределы антидемократических систем, как только будет названо имя, с которым Ортега-и-Гассет связывает будущее европейского романа. [Заметим в скобках, что эстетика романа — алтарь ортегианской эстетической системы.] Трехсотлетнее развитие европейского романа автор работы «Размышления о Дон Кихоте» [1914] связывает с именем Сервантеса. «Не существует романа, в котором не было бы Дон Кихота», считает Ортега. Однако «Дон Кихот» — прошлое время романа. Его будущее, по Ортеге, начинается с русского автора, с Достоевского. «Сервантесовская» концепция романа еще не была сформулирована Ортегой, но уже существовал примечательный абзац одной из самых ранних ортегианских работ 900-х годов («Стремление к барокко»), посвященный разбору романа «Идиот». Здесь впервые Ортега находит автора, вокруг которого можно строить антипозитивистскую концепцию романа. [«Роман перестал нас интересовать, так как он превратился в детерминистскую поэзию, в литературный жанр позитивизма», сетует Ортега.] В этой работе Ортега решительно заявляет, как бы предрекая самому себе свои будущие эстетические разработки: «Достоевский — симптом новой чувственности».

Рано или поздно в связи с ортегианской эстетикой романа возникнет имя М. М. Бахтина. Бахтинская терминология, а иногда и бахтинский синтаксис запрашиваются сами собой, когда переводятся те или иные пассажи из Ортеги-и-Гассета. Параллельных решений одних и тех же вопросов у испанского и русского философов можно найти множество — достаточно лишь поставить вопрос об их параллелизме. Бахтин, не менее Ортеги озабоченный засильем позитивистской эстетики, говорит об «идеологическом кругозоре эпохи», в рамках которого становятся литературные жанры. Он часто любит повторять фразу о сплошной идеологичности художественного слова. Материя жизни, по Бахтину, — сфера идей. Ортега-и-Гассет постулирует: «настоящий реалист воспроизводит идею».

С именем Бахтина непременно связывают диалогическую концепцию романа — ключевую и для всей бахтинской системы, и для бахтинского гуманизма в самом широком смысле слова. Идею диалога Бахтин начал разрабатывать уже в своих витебских лекциях — ее отзвуки мы обкару-

жим десятилетия спустя в трудах по эстетике И. И. Соллертинского и в работах по интерпретации музыкального текста М. Юдиной. Почти за двадцать лет до появления первого издания бахтинской книги о Достоевском читаем у Ортеги: «В романе диалог так же существенно важен, как свет в живописи». И далее — еще более выразительно: «роман — это категория диалога». Написано это в 1910 г.

У Бахтина диалогическая открытость романа обусловлена таким ключевым понятием его эстетики, как «становление». Жанр, по Бахтину, никогда не стал, он непрерывно становится. Обратимся к Ортеге, лишающему о феномене чтения и художественной речи в работе «Комментарий к «Пиру Платона». Думается, что даже далекий от Бахтина специалист прибегнет к бахтинской игре слов, чтобы корректно перевести фразу Ортеги-и-Гассета: «... художественная речь никогда не завершена (*l'opus se ha hecho*), наоборот, она всегда совершается (*está hacendose*), иными словами, рождается».

Интересно сопоставить бахтинское «становление» и ортегианскую «жизнь» в эстетическом контексте. Испанский и русский философы сходны в своем непослушании Платоновым заповедям «направить свои взгляды со становления на бытие». Оба идут в противоположном направлении: Бахтин — преодолевая неогегельянский догматизм, Ортега — «строгость» марбургской феноменологии. Оба в своих работах о Достоевском пишут об эффекте «несотворенности», о «живости», о «внезапности» жизни в произведениях русского писателя. Но для «живой жизни» (Бахтин) мало одной точки зрения на мир. Жизнь, становление — обязательно два взгляда, минимум два. Так испанский и русский мыслители приходят к пониманию абсолютной ценности любого взгляда на мир, бесспорного права на существование каждого человеческого голоса. Без сосуществования идей нет диалога. Без различных «фоноов» нет полифонии.

Точка зрения («перспектива») — ницшеанский термин. Бахтин, под явным влиянием художественного материала, которым он занимается, трактует проблему перспективизма как согласование перспектив, как диалог. Ортега, так же под влиянием Достоевского, приспосабливает идею перспективизма к эстетике романа. Он понимает перспективизм как необходимость воплощения индивидуальной перспективы, как творчество. Любая человеческая судьба, считает испанский философ, «может стать великолепным аппаратом созерцания — обсерваторией — и никакая иная судьба, даже если она обладает лучшими внешними качествами, не сможет ее заменить». Так, самая ничтожная, самая страждущая жизнь заслуживает теоретического признания, миссии самоценной мудрости. Кажется, это прямо о Достоевском.

Наконец, обратим внимание, — тут Ортега оказался гораздо глубже и современной ему эстетической мысли, и многих нынешних критиков Достоевского. — испанский философ утверждает формальное (в смысле структурное), а не содержательное значение философствования героев Достоевского. «Религиозные и политические идеи Достоевского не несут в рамках романного целого основной смысловой нагрузки; они ценностны исключительно как вымыслы, подобно лицам персонажей и их безумным страстям». Эта мысль осталась за пределами предлагаемого читателям отрывка. Но именно от нее Ортега двигается к другой, главной мысли своих рассуждений о Достоевском: «Произведение искусства живет своей формой...». Отсюда Ортега движется к диалогической концепции романа, но наметит ее как бы уже за пределами того материала, что дал ему повод к ее разработке.

Отрывок «Достоевский и Пруст» взят нами из работы Ортеги-и-Гассета «Дегуманизация искусства и идеи о романе» [1925]. Чтобы Ортега не выбивался за привычные рамки, обычно переводили только первую часть названия этой работы, — критическую, так сказать, «разрушительную» ее часть. Сегодня нам хотелось бы напомнить о конструктивных идеях Ортеги-и-Гассета.

Вто время, когда иные великие уходят, уносимые к закату таинственным отливом времени, Достоевский поднимается к самому зениту. В сегодняшнем преклонении перед его произведениями сохраняется, по всей видимости, какая-то суетность, а мне хотелось бы сохранить мое о них суждение до времен более спокойных. Несомненно, однако, что Достоевский спасся от всеобщего кораблекрушения, претерпеваемого романом прошлого века, поскольку двинулся против течения. Именно поэтому причины, почти всегда выдвигаемые для объяснения его триумфа, его способности к выживанию, кажутся мне ошибочными. Ему приписывают свойства, характеризующие материал его романов: таинственный драматизм действия, в высшей степени патологический характер его персонажей, экзотика славянской души, столь отличной в своей хаотической неуравновешенности от нашей, прозрачной, костной и заурядной. Я не отрицаю, что все это вместе складывается в наслаждение, вызываемое у нас чтением Достоевского; однако такое объяснение представляется мне недостаточным. Более того, уместней было бы рассмотреть подобные составляющие как негативные факторы, способные скорее рассердить нас, чем привлечь. Тот, кто читал эти романы, вспомнит, что их чтение, подобно чувству снисхождения, вызывает определенное болезненное ощущение, неприятное и какое-то нервное.

Материал никогда не спасает произведение искусства, и золото, из которого отлита статуя, не прибавит ей святости. Произведение искусства живет в большей степени своей формой, чем своим материалом, и самой той красотой, что она излучает, она скорей обязана своей структуре, своему организму. Именно в нем заключается художественность произведения, именно этим и должна заниматься искусствоведческая и литературная критика. Всякий, кто обладает эстетическим чутьем, мгновенно распознает приметы мещанства в чьих-либо рассуждениях о решающем значении «тем» для живописного полотна или художественного произведения. Безусловно, без этого произведения искусства не бывает, как не бывает жизни без химических процессов. Но точно так же, как жизнь не сводится к этим процессам, но ста-

новится жизнью, когда химические законы достигают органической сложности нового порядка, так и произведение искусства становится самим собой благодаря своей формальной структуре, накладывающейся на материал или тему.

Меня всегда удивляло, что даже профессионалы отказываются признать в качестве субстанционального начала в искусстве формальную структуру, представляющуюся им чем-то поверхностным и малозначимым. Точка зрения автора или критика не может быть такой же, что и у неквалифицированного читателя. Последнего интересует только конечное и целостное впечатление, производимое художественным произведением, и он не намерен анализировать генезис своего впечатления.

Именно поэтому так много говорится о том, что происходит в романах Достоевского, и почти ничего об их форме. Беспрецедентные действия и чувства, описанные этим потрясающим писателем, полностью поглощают внимание критика и не позволяют ему проникнуть в самую глубину книги, — а она, как и во всяком художественном произведении, всегда кажется более второстепенной и поверхностной, — в форму романа как такового. Отсюда курьезный оптический обман. Достоевскому приписывают подсознательный, мрачный характер его персонажей и превращают самого романиста в очередного героя его романа. Кажется, что его герои зачаты в чреде дьявольского экстаза некоей безымянной стихийной силой, родственницей молнии и сестрой урагана.

Но все это магия и фантазмагория. Пытливый ум созерцает все эти космогонические образы, но не принимает их всерьез и предпочитает в конце концов ясную идею. Может быть, по-человечески Достоевский в самом деле несчастный одержимый, или, если хотите, пророк; но Достоевский-романист был *homme des lettres** или требовательным профессионалом своего замечательного дела, не более того. Я много раз безуспешно пытался убедить Баруха, что Достоевский прежде всего блистательный архитектор романной формы, один из величайших новаторов романного жанра.

* Литератор (франц.)

Нет лучшего примера тому, что я назвал неповоротливостью, свойственной этому жанру. В книгах Достоевского всегда множество страниц, однако описанные им события чрезвычайно кратки. Иногда ему нужно написать два тома, чтобы пересказать события трех дней, если не нескольких часов. Но в то же время, существуют ли образчики большей насыщенности? Ошибочно считать, что насыщенность достигается пересказом множества событий. Как раз наоборот: она достигается описанием нескольких, в высшей степени детализированных, то есть разработанных, событий. Как и во многих других областях, здесь также царит закон *non multa, sed multum* **. Насыщенность достигается не наложением одного приключения на другое, но растяжением каждого из них с помощью тщательнейшей разработки незначительных деталей.

Концентрация сюжета во времени и пространстве, характерная для техники Достоевского, заставляет думать о неожиданном смысле, обретаемом достопочтимыми «единствами» классических трагедий. Эта норма, коей, по неизвестной причине, Достоевский пользуется весьма осторожно и умеренно, возникает теперь как плодотворный прием для достижения внутренней напряженности, подобной атмосферному давлению внутри романного тома.

Достоевский никогда не устает заполнять страницы за страницей бесконечными диалогами своих персонажей. Благодаря полноводному течению слов нас наводняют описанные им образы, и вымышленные персонажи обретают такую зримую плотность, которой не способно достичь никакое другое описание.

Было бы большой натяжкой говорить, что Достоевского можно застать врасполох в тот момент, когда он манипулирует с читателем. Тот, кто читает невнимательно, решит, что писатель дает определение каждому из своих персонажей. Фактически почти всегда, когда Достоевский представляет нам кого-либо, он начинает с краткого пересказа биографии, причем такого, что нам кажется, будто мы уже

достаточно хорошо осведомлены о характере персонажа и его свойствах. Но едва персонаж начинает двигаться, — вернее, говорить и совершать поступки, — он совершенно сбивает нас с толку. Персонаж ведет себя не так, как то было обещано в его предшествующем описании. За первым его концептуальным образом, предложенным нам автором, следует второй, представляющий его непосредственно в жизни, не получившей авторского определения, образ, значительно расходящийся с первым. Тогда у читателя, в силу неизбежного автоматизма, возникает озабоченность тем, что персонаж ускользнет из кроссворда противоречивых фактов, и тогда, помимо желания, читатель идет по следу персонажа, пытается проинтерпретировать его противоречивое поведение, дабы вывести для себя его целостный образ; иными словами, сам пытается его определить. Итак, именно это и происходит с нами в житейском общении. Случай сводит с нами различных людей, вводит их в орбиту нашей личной жизни, причем нам их никто не определяет. Каждый раз мы сталкиваемся с их трудной реальностью, но вовсе не с их ясной концепцией. И благодаря этому вечному необладанию их тайной, этому относительному нежеланию их психики соответствовать нашим о них мыслям, они обретают независимое от нас существование и вынуждают нас относиться к ним как к чему-то реальному, подлинному и трансцендентному нашему воображению. Тут мы подходим к неожиданному открытию: «реализм» Достоевского — чтобы не усложнять, назовем его так, — заключен не в вещах и событиях, им рассказываемых, но в особом способе обращения с ними, с коим вынужден считаться читатель. Не материя жизни — сущность его «реализма», но форма жизни.

Эта стратегическая установка вводить читателя в заблуждение доводит Достоевского до жестокости. Ведь он не только избегает объясняться с нами по поводу своих героев, предварительно уведомив нас об их сущности, но и само их поведение изменяет от случая к случаю, раскрывая различные стороны каждого персонажа, — так, чтобы нам казалось, будто персонажи, проходя перед нами, постепенно обретают целостность. Достоевский избегает стилизации характеров

* Не многое [по количеству], но много [по значению] — лат.

и довольствуется тем, чтобы они сами безошибочно угадывались, как то обычно происходит в реальной действительности. Колеблясь и поправляясь, непрерывно рискуя ошибиться, читатель вынужден восстанавливать определеннный облик этих изменчивых созданий.

Этим и другим приемам Достоевский обязан тем своим уникальным свойством, что его книги — лучшие или худшие — никогда не производят впечатление фальши, условности. Его читатель ни разу не натолкнется на театральный задник, но наоборот, чувствует себя погруженным в совершенно органическую сверхреальность, всегда подлинную и живую. Потому что роман — в отличие от других жанров, — требует, чтобы его не воспринимали как роман, чтобы не было видно ни второго занавеса, ни подмостков сценария. Сегодня, читая Бальзака, мы на каждой странице просыпаемся от нашего романного сновидения, поскольку мы непрерывно натываемся на его писательскую походку. В то же время, наиболее характерную черту Достоевского объяснить не так просто, и я попробую вернуться к разговору о ней позднее.

Следует, однако, констатировать, с высоты сегодняшнего дня, что это свойство не определять, а, наоборот, сбивать с толку, эта вечная неустойчивость характеров, эта конденсация времени и пространства, наконец, эта медлительность — не исключительно Достоевские свойства. Те романы, что сегодня еще можно читать, в той или иной степени в этом с ним совпадают. На Западе тому примером Стендаль со всеми своими главными книгами. «Красное и черное», биографический роман, рассказывает о нескольких годах жизни человека, он составлен в форме трех-четырёх картин, каждая из которых устроена внутри себя как романное целое русского маэстро.

Последняя большая романная книга — грандиозное произведение Пруста — еще раз напоминает нам об этой загадочной структуре тем, что доводит ее, в некоторой степени, до предела. У Пруста медлительность, вялость действия доходят до своего предела и превращаются в ряд статичных планов, лишенных какого бы то ни было движения, цели и напряжения. Чтение Пруста убеждает нас в том, что подобная замедленность действия уже неприемлема. Сюжета почти нет и все остальное теряет драматическое напряжение. Роман, таким образом, сводится к чисто неподвижному описанию, к слишком преувеличенной неопределенности, к неустойчивости и отсутствию конкретного действия, являющегося, по сути дела, основой жанра. Мы видим, что ему не хватает скелета, жесткого и неподвижного стержня, напоминающего спицы зонтика. Лишившись костей, плоть романа превращается в бесформенное облако, в лишенную очертаний плазму, в неочерченную пульпу. По этой причине я и говорил ранее о том, что, хотя в современном романе сюжет или действие занимают минимальное место, в возможном романе не следует полностью отказываться от них: они сохраняют свою функцию, конечно не более чем механическую, как нить в жемчужном ожерелье, как спицы в зонтике, как распорки в палатке.

Моя мысль — поверьте, заслуживающая сама по себе некоторых размышлений, прежде чем ее отвергнет читатель, — заключается, таким образом, в том, что так называемый драматический интерес лишен в романе эстетической ценности, но представляет собой его механическую необходимость. Смысл этой необходимости сосредоточен во всеобщем законе человеческой души, а он требует хотя бы краткого изложения.

Вступительная заметка,
перевод и примечания
И. М. ПЕТРОВСКОГО

УИЛЛАРД КУАЙН ОБО ВСЕМ НА СВЕТЕ

Дискуссия о существовании разгорелась между философами логико-позитивистского направления в самый разгар второй мировой войны и продолжалась до конца пятидесятих годов. Так или иначе в ней приняли участие все ведущие философы того времени, хотя наиболее ожесточенные споры велись между тремя американцами европейского происхождения: австрийцем Рудольфом Карнапом, итальянцем Алонзо Чёрчем и голландцем Уиллардом ван Орманом Куайном.

Вероятно, советским людям, пережившим сталинизм и Отечественную войну, трудно представить себе, как можно было в такое время всерьез спорить о том, существуют ли единости и является ли число три реальным объектом.

Я думаю, что у нас, как, впрочем, и у всех остальных людей, весьма искаженное представление о культурных ценностях того времени. Во всяком случае, можно себе представить, что те, напротив, думали, как можно всерьез относиться к концлагерям и НКВД, когда на свете существует так много интереснейших теоретических вопросов, требующих скорейшего обсуждения.

Мы все помним тем не менее анекдот о смерти Архимеда, который сказал римскому солдату: «Не трогай мои чертежи!»

С другой стороны, вопрос о том, существовало ли все так, как это хотели представить, занимает нас именно теперь особенно остро. Был ли Троцкий английским шпионом? Был ли Троцкий предателем революции? И даже вообще: «Был ли Троцкий?»

И эти вопросы не могут быть решены при помощи исторических аргументов. Беллетристическая «истина» Рыбакова: «Сталин подумал...» — ничего не стоит. Никто не может знать о том, что подумал человек, в частности, много лет назад в прошлом. Документы? Но ведь мы знаем, что их легко подделать. До сих пор никто не может сказать точно, что такое «Слово о полку Игореве».

Вопрос о существовании, сколь бы абстрактно или, наоборот, конкретно он ни ставился, был всегда одним из самых острых вопросов любой философской традиции. И это скорее закономерно, чем парадоксально, что он обострился в 30—40-е годы XX века, в годы экономического кризиса, мировой войны, тоталитарных систем, политического перекраивания мира.

Хотя, в сущности, вопрос, которым занимались логики, казался очень простым. Какие объекты можно считать реально существующими? Вероятно, только те, которые существуют на самом деле. Те, которые можно увидеть и осязать.

Но так ли это? Веками люди верили в существование Бога, которого никто не видел и не осязал. Очень часто, с другой стороны, за действительное, зримое, осязаемое принимался мираж, призрак. Философских систем, которые учили, что видимый мир является иллюзией, было больше, чем тех, которые утверждали, что реальность ограничивается чувственными данными.

В 1950-е годы Джордж Эдвард Мур доказывал существование внеш-

него мира тем, что демонстрировал на заседании Британской академии свою руку и говорил: «Я знаю, что это моя рука!» Позже Людвиг Витгенштейн возразил на это, что знание некоторых изначальных вещей вроде того, что люди знают свое имя и своих родителей, есть просто необходимая уступка здравому смыслу, нужная для того, чтобы человек мог как-то существовать дальше, отталкиваясь от этих якобы несомненных вещей, доказать несомненность которых, вообще говоря, невозможно.

Между людьми, принадлежащими двум различным эпохам, культурам, этносам и т. д., можно найти очень мало общего в вопросах онтологии. Возможно, для человека, принадлежащего к какой-либо народности Крайнего Севера, существующими являются только белые медведи определенной породы в определенное время года на снегу определенного цвета. Просто медведи для них являются существующими абстракциями.

Но даже если мы будем исходить из того, что онтология у нас у всех примерно одинаковая, то есть на вопросы о том, что существует, а что нет, мы будем отвечать одинаково, даже в этом случае у нас останется масса неразрешенных проблем. Так, все мы ответим отрицательно на вопрос, существуют ли единороги. Мы прекрасно знаем, что единорогов не существует. Но раз единороги не существуют, то, стало быть, их нет, они не являются ничем. Они даже не являются единорогами, потому что единорогов не существует. А разве мы можем вообще говорить о том, что является ничем, то есть говорить ни о чем? Можем ли мы сказать, что ничто существует или что его не существует? Ничто ни существует, ни не существует, оно одновременно и ничтожно и всепоглощающе. Итак, если мы говорим, что единорогов не существует, то тем самым впадаем в противоречие. На формально-логическом уровне это выглядит так. Говоря, что единороги не существуют, мы приписываем слову «единорог» квантор существования и после этого говорим: «Существуют такие единороги, что таких единорогов не существует». Или же: «Все единороги, которые только существуют, не являются существующими».

Выходов из этой логико-онтологиче-

ской неразберихи может быть только два. Либо изменить систему логической записи так, чтобы устранить противоречие, либо пересмотреть понятие существования как сложное и неоднородное по своему значению.

По второму пути пошел философ начала XX века А. Мейнонг, учивший, что есть два мира: мир вещей, в котором существуют все материальные предметы, и мир идей и представлений, в котором существуют единороги, Пегасы, круглые квадраты и прочие немыслимые объекты. В сущности, той же точки зрения придерживается современный философ Леонард Линский, когда он утверждает, что объекты, подобные единорогу и Пегасу, существуют только в определенных речевых контекстах, а именно в мифологии и в художественной литературе. Другое дело, в каком смысле существует сама мифология и художественная литература? Эту же линию продолжил один из создателей современной семантики возможных миров Сол Крипке, который писал, что Шерлок Холмс не существовал, но мог бы существовать при других обстоятельствах.

По более сложному пути уточнения форм логической записи пошел Бертран Рассел. Он считал, что мир у нас у всех более или менее один. Надо просто уметь о нем грамотно сказать. Рассел придумал так называемую теорию дескрипций, в соответствии с которой каждое слово (имя) является скрытым описанием (дескрипцией), то есть его можно описать при помощи других слов. В таком виде мы можем непротиворечиво говорить о том, что единороги не существуют: «Все животные, являющиеся от природы рогатыми, — имеют два рога, и при этом нет ни одного из них, который имел бы от природы один рог». В этом случае мы обсуждаем не само слово «единорог», а соответственно проблеме совместимости существования живого существа с наличием у него по природе одного рога, и признаем такое положение дел несуществующим. Во многом по этому же пути шел и Уиллард Куайн, профессор Гарвардского университета, ученик Рудольфа Карнапа, автор книг «С логической точки зрения», «Методы логики», «Слово и объект», «Пути парадокса». Куайн — один из тех, кто выжигает каленым железом логики всех этих единорогов,

пегасов, всю эту логику-онтологическую нечисть, засоряющую, как он говорит, наш универсум.

Дело в том, что в 40—50-е годы XX века активно формировалась одна из самых интересных современных философских дисциплин — модальная логика, рассматривающая возможные объекты, существующие в нашем воображении, в прошлом или будущем. Куайн считает, что серьезная логическая теория этих объектов невозможна, так как нет никаких логических законов, которые соблюдались бы в сфере этих объектов, их нельзя было бы ни различать, ни отождествлять, то есть их нельзя было бы считать, они, как говорит Куайн, референтно непрозрачны:

«Возьмем, к примеру, — пишет Куайн, — возможно толстого человека, стоящего у той двери, или же возможно лысого человека, стоящего у той же двери. Являются ли они одним воз-

можным человеком или это два возможных человека? Как нам решить? Сколько же возможных человек находится у двери?»

Куайн считал это положение совершенно безвыходным.

Вероятно, спор между номиналистом Куайном, то есть философом, признающим только конкретные объекты, и его противниками-реалистами, признающими абстракции в качестве реально существующих объектов, продолжается до сих пор и будет продолжаться, пока жива наша культура. Он не может быть решен никогда. В процессе этого спора могли бы быть решены другие не менее важные для культуры проблемы. А то, что единого не существует, мы прекрасно знаем не хуже Куайна. А может быть, и мы сами не существуем? Может быть, наш мир нам только снится? Поди докажи...

Уиллард ван Орман КУАЙН

О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ

Самое забавное в онтологической проблеме — ее простота. Мы можем написать три англосаксонских моносиллаба: *What there is?* (Что есть?) И ответить всего одним словом — «Все». И каждый примет этот ответ как истинный. В принципе можно просто сказать, что есть то, что есть. Тем не менее, пространство для разногласий остается; вот потому вопрос веками оставался нерешенным.

Предположим, что два философа, я и Мак-Икс, расходимся во мнениях по вопросу об онтологии. Предположим, Мак-Икс утверждает, что есть нечто, о чем я утверждаю, что этого нет. Мак-Икс может в соответствии

Мак-Икс — выдуманный персонаж, несомненно шотландского происхождения. По традиции считается, что шотландцы тупы и упрямы. Юмор Куайна состоит в том, что он говорит о несуществующих объектах с несуществующими оппонентами Мак-Иксом и Уиманом. Мак-Икс по своим установкам явно реалист, Уиман — по-видимому, модальный логик. Куайн выступает в этом споре как представитель крайнего номинализма.

Willard van Orman Quine. *On what there is.* — In.: W. Quine. *From a Logical Point of View: 9 Logico-philosophical Essays.* — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1953, p. 1—8.

со своей точкой зрения описать различие наших мнений, сказав, что я отказываюсь признавать некоторые сущности. Мне следовало бы возразить, конечно, что он не прав в самой формулировке нашего разногласия, ибо я утверждаю, что нет сущностей в том виде, в каком он заявляет о них, чтобы я должен был бы их признать: но то, что я нахожу неверной формулировку нашего разногласия, совершенно не имеет значения, ибо я взял на себя ответственность считать его позицию в онтологии неверной. Когда я пытаюсь сформулировать различие во мнениях, то со своей стороны я чувствую себя в затруднительном положении. Я не могу признать, что есть вещи, которые Мак-Икс отстаивает, а я нет, и, признавая, что эти вещи есть, я, таким образом, противоречил бы собственному неприятию их. Может показаться, если это рассуждение признать здравым, что в любом онтологическом споре отрицающая сторона находится в невыгодном положении, ибо не может допустить того, что оппонент не соглашается с ней.

Эта старая загадка Платона о небытии. Небытие должно в некотором смысле быть, в противном случае что же есть то, чего нет. Эта спутанная доктрина получила прозвище бороды Платона; исторически она оказалась стойкой, частично затупляя острие лезвия бритвы Оккама². Такой образ мышления приводит к тому, что философы, подобные Мак-Иксу, обвиняют бытие, в то время как они могли бы согласиться признать, что ничего нет. Возьмем, к примеру, Пегаса. Если бы Пегаса не было, как утвер-

ждает Мак-Икс, то, употребляя это слово, мы бы говорили ни о чем. Следовательно, было бы нелепо даже говорить о том, что Пегаса нет. Таким образом, в надежде продемонстрировать, что отрицание существования Пегаса не может быть последовательно доказано, он делает вывод о том, что Пегас есть. Мак-Икс не может, безусловно, убедить даже себя самого в том, что в некоторой точке пространства-времени, близкой или отдаленной, — есть летающий конь во плоти и крови. Продолжая настаивать на своем по поводу Пегаса, он далее говорит о том, что Пегас — плод нашей фантазии³. И здесь путаница становится явной. Мы можем ради спора допустить, что есть существо, уникальное в своем роде (хотя это достаточно неправдоподобно), которое есть ментальная Пегас-идея, но эта мыслимая сущность не является той сущностью, о которой говорят люди, когда отрицают существование Пегаса.

Мак-Икс никогда не смешивает Парфенон с идеей Парфенона. Парфенон существует физически, а идея Парфенона существует мыслимо (если следовать его версии, а лучшего я не могу ничего предложить). Парфенон существует зримо; идея Парфенона невидима. Нам нелегко представить себе две вещи, такие непохожие и в то же время столь более сложные для восприятия, создающие неразбериху, чем Парфенон и идея Парфенона. Но когда мы переходим от Парфенона к Пегасу, возникает новая неразбериха — так или иначе Мак-Икс скорее согласится быть обманутым грубой и вопиющей подделкой, нежели допустит не-существование Пегаса. Мысль о том, что Пегас должен быть, потому что в противном случае было бы нелепо говорить даже о том, что Пегаса нет, по-видимому, приведет к тому, что Мак-Икс будет элементарно сбит с толку. Высокие умы, принимая то же самое правило за исходную точку, придут к

² Оккам Уильям (1285—1349) — английский философ и логик, основоположник номинализма в философии. Бритва Оккама — правило, согласно которому при решении проблем необходимо постулировать как можно меньше новых сущностей. Бритва Оккама как бы обрезает все лишнее в рассуждениях о предмете.

³ Пегас — наиболее частый объект философских дискуссий; в античной мифологии это крылатый конь. Равным образом «автор Веверлея» — английский писатель Вальтер Скотт, действительно автор романа «Waverley», — со времен Рассела и Карнапа стал постоянным примером дескрипции, то есть описательного выражения имени человека.

¹ Куайн полагает, что сказать, что Пегас — плод нашей фантазии, это значит не сказать ничего. Существует или не существует Пегас в нашей фантазии — это одно и то же, так как в мире нашей фантазии нет таких правил, которые могли бы разграничить существующее в фантазии от несуществующего в фантазии. Это ничего не добавляет и не проясняет в вопросе о том, существует ли Пегас в реальности.

тому, что их теория о Пегасе не будет так явно вводить в заблуждение и, соответственно, ее сложнее будет свести на нет. Пусть одним из таких умников будет, скажем, некто Уиман. Пегас, по утверждению Уимана, является недействительным (unactualisated) возможным существом. Когда мы говорим, что нет такой вещи, как Пегас, то мы тем самым говорим, что Пегас не обладает специфическим свойством действительности. Говорить, что Пегас не является действительным, логически равносильно тому, чтобы сказать, что Парфенон не является красным. В любом случае мы говорим о сущности, чье существование несомненно. Уиман, кстати, является одним из тех философов, которые возродили из руин доброе старое слово «существовать». Несмотря на признание им недействительных возможных объектов, он сводит существование к слову действительность — таким образом, сохраняя иллюзию онтологического согласия между ним и нами, отвергающими весь его разбухший универсум. Все мы привыкли говорить, в общепринятом смысле употребляя слово «существовать», что Пегас не существует, что означает просто, что такой сущности вообще нет. Если бы Пегас существовал, он бы, соответственно, находился в пространстве и во времени, но только потому, что слово Пегас имеет пространственно-временные коннотации, а не потому, что «существует» — имеет пространственно-временное значение. Если про-

Куайн хочет сказать, что когда мы говорим, что Парфенон не является красным, то этому должна логически предпосылаться презумпция, что Парфенон существует.

Идея разбухшего универсума, наполненного бесконечным числом неактуализированных возможностей, является одной из самых замечательных философских метафор Куайна. Таковыми является универсум Сальвадора Дали, Бунюэля и Мандельштама, равно как либо о другого человека в измененном состоянии сознания, например в состоянии сновидения. Вообще то, что не годится для логики, совершенно необходимо для искусства. Как правило, одни и те же проблемы обсуждаются и в искусстве и в науке одновременно, разными способами. Вспомним разбухший универсум романов Кафки, Борхеса, «Поминок по Финнегату», или, наоборот, сморщенный, предельно пустынный универсум героев Фолкнера типа Бенджи или Минка.

странственно-временное отношение отбросить и настаивать на утверждении о существовании кубического корня из 27, то дело решается просто, потому что кубический корень не является пространственно-временной категорией, но не потому, что мы сомневаемся в правильности употребления нами слова «существовать»^{*}.

Тем не менее, Уиман предпринимает отчаянные попытки достигнуть согласия, гениально доказывает нам несуществование Пегаса — в противовес тому, как понимали существование Пегаса мы, настаивает на том, что Пегас есть. Единственный известный мне способ разобраться в этом — это отдать Уиману слово «существовать». Я же постараюсь больше не употреблять его, ведь у меня есть слово «есть». Довольно о лексикографии, вернемся к онтологии Уимана.

Перенаселенная вселенная Уимана по многим причинам непривлекательна. Она оскорбляет наше эстетическое чувство, ведь мы питаем склонность к пустынным пейзажам, но это еще не самое худшее. Уимановские трудности возможных объектов — бла-

* Импульс к разграничению между существованием, как относящимся к объектам, актуализированным где-то в пространстве-времени, и существованием (или субстанцией, бытием), как относящимся к другим сущностям, исходит отчасти из идеи о том, что наблюдение над природой значимо только в отношении существования первого типа. Но эта идея с легкостью опровергается контрпримером, таким, как «соотношение между числом кентавров и числом единорогов». Если бы было такое соотношение, то тем самым был бы абстрактный объект, а именно число. Только посредством наблюдения над природой мы заключаем, что число кентавров и число единорогов в обоих случаях равно 0 и, следовательно, нет такого соотношения. [Прим. У. Куайна — Ред.]

Перенаселенная вселенная Уимана непривлекательна для Куайна потому, что в ней не действуют логические законы тождества и исключенного третьего; она референтно непрозрачна. Там может быть сколько угодно объектов и одновременно ни одного. Номиналиста Куайна это не устраивает. Между тем в новейшем ответвлении модальной логики — в семантике возможных миров Кангера, Крипке и Хинтички, которая смогла преодолеть скептицизм Куайна, — говорят не об одном разбухшем универсуме, а о множестве пересекающихся друг с другом возможных миров.

годатная почва для элементов, имеющих склонность к беспорядку. Возьмем, к примеру, возможного толстого человека, стоящего у той двери, или же возможного лысого человека, стоящего у той же двери. Являются ли они одним возможным человеком или это два возможных человека. Как нам решить? Сколько же возможных людей находится у двери? И не больше ли там худых возможных людей, нежели толстых? Сколько из них похоже друг на друга? И не делает ли их эта схожесть одним человеком? Разве нет двух возможных абсолютно одинаковых вещей? И не то же ли это самое, что сказать, что невозможно для двух вещей быть одинаковыми? Или, наконец, дело в том, что понятие тождества неприменимо к неактуализированным возможным объектам? Но какой тогда вообще смысл говорить о сущностях, если о них нельзя сказать с уверенностью, тождественны ли они или отличаются друг от друга. Все это совершенно безнадежно. Если взять за основу фрегевскую терапию индивидуальных понятий, можно попытаться что-то здесь реабилитировать. Но я чувствую, что проще будет просто вычистить уимановские трупы и тем самым покончить с ними. Возможность наряду с другими модальностями — необходимости, невозможности и случайности — поднимает вопросы, которые, как мне думается, не следует обходить стороной. Мы можем свести модальности к полному утверждению. Мы можем применить утверждение «возможно» по отношению к полному утверждению. К тому же мы можем попытаться провести семантический анализ этого употребления. Но в анализе подобного рода вероятный успех будет весьма незначительным в том, что касается расширения нашей вселенной путем подключения так называемых возможных сущностей. Я полагаю, что основной мотив этой экспансии кроется просто в весьма устаревшем представлении о том, что Пегас, к примеру, должен быть, поскольку в противном случае было бы нелепо даже говорить о том, что его нет.

Тем не менее, все роскошное богатство уимановской вселенной возможностей, как мне кажется, может быть сведено к нулю, достаточно слегка изменить пример и говорить не о Пегасе, а о круглом квадратном куполе

колледжа Беркли⁸. Если бы не было Пегаса, было бы глупо говорить, что его нет. И тогда по аналогии, если бы не было круглого квадратного колледжа в Беркли, было бы вздорным утверждать, что его нет. Но, как и Пегас, круглый квадратный купол в Беркли не может быть признан нами в качестве неосуществленной возможности. Можем ли мы довести Уимана до признания им неосуществленных возможностей в целом? Если да, то по этому поводу можно задать массу каверзных вопросов. Мы можем даже попытаться поймать Уимана на том, что он противоречит себе, если доведем его до признания того, что некоторые из этих сущностей являются одновременно круглыми и квадратными. Но хитрый Уиман предпочел другой аспект дилеммы, выйдя тем самым из затруднительного положения. Он допустил, что нельзя говорить о том, что круглого квадратного купола нет. Он говорит, что фраза «круглый квадратный купол» бессмысленна сама по себе.

Уиман не первым, кто воспользовался этой альтернативой. Доктрина о бессмысленности противоречий уходит корнями в далекое прошлое. Данная традиция выжила, и ею продолжают пользоваться авторы, которые, казалось бы, не разделяют ни одной из мотивировок Уимана. Я не уверен в этом, но, возможно, увлечение данной доктриной фактически и есть та мотивировка, которую мы имели возможность наблюдать у Уимана. Безусловно, это учение не обладает изысканностью формы, что привело ее энтузиастов к таким донкихотским крайностям, что они оспаривают метод

⁸ Крылатый конь и круглый квадрат — несуразности разных логических уровней. Логически крылатый конь вполне возможный объект. Он невозможен лишь эмпирически, экстенционально. Круглый квадрат является логически невозможным, так как значение слова «круглый» исключает значение слова «квадратный». Это слово является логически, интенционально бессмысленным. Кларенс Льюис, один из основоположников модальной логики, считал, что если у крылатого коня вообще нет экстенционала, то есть он является нулевым, так как ни один конь в действительности не является крылатым, то круглый квадрат имеет универсальный экстенционал, так как все что угодно подходит под определение круглого квадрата, ибо все что угодно не является одновременно круглым и квадратным.

проверки и доказательства с помощью *reductio ad absurdum*⁹. Я же в самом этом отказе усматриваю *reductio ad absurdum* самой доктрины. Более того, доктрина бессмысленности противоречия имеет серьезный методологический недостаток, что делает ее невозможной в принципе, даже в том случае, если провести эффективный тест на проверку того, что имеет значение, а что нет. Так или иначе, мне видится невозможным изобретение системы, которая определяла бы, имеют ли для нас определенные знаки значение — даже для нас лично, не будем касаться других людей — или нет. Ибо открытие в математической логике, по праву принадлежащее Черчу, доказало, что не может быть вообще подходящего теста на определение противоречивости.

Я говорил с пренебрежением о бороде Платона и подчеркнул, что она является спутанной. Я подробно остановился на том, как неудобо терпеть ее. Наступила пора подумать о том, какие шаги были предприняты в этом направлении. Рассел в своей так называемой теории единичных дескрипций ясно показал, как мы можем употреблять вымышленные имена в качестве значимых, при этом не задумываясь о тех сущностях, которые названы этими именами. Имена, которые Рассел постоянно применяет в своей теории, — сложные дескриптивные имена, такие, как «автор Веверлея», «нынешний король Франции», «круглый квадратный купол колледжа Беркли». Рассел анализирует подобные фразы как фрагменты целых предложений, в которых эти фразы встречаются. Предложение «Автор Веверлея был поэтом», к примеру, объясняется в целом в качестве значения «Некто (лучше некто) написал Веверлея, и он был поэтом и никто другой не написал Веверлея». (Смысл данного дополнительного предложения заключается в том, чтобы подчеркнуть уникальность, единственность в своем роде того, что подразумевается в слове «the» в выражении «the author of Waverley» (автор Веверлея). Предложение «Круглый квадратный купол колледжа в Беркли — розовый» — объясняется как «что-то является круглым и является квадратным и является куполом колледжа Беркли и к тому же

розовым, и при этом ничто другое не является круглым, квадратным и куполом колледжа Беркли».

Преимущество такого анализа заключается в том, что кажущееся имя, описательная фраза перефразируется контекстом в так называемый неполный символ. Для анализа описательной фразы предлагается не унифицированное выражение, но предложение в целом, то есть контекст данной фразы, обладающий при этом соответствующей квотой значения, неважно, истинной или ложной. Неанализируемое предложение «Автор Веверлея был поэтом» содержит в себе часть «автор Веверлея», которую Мак-Икс и Уиман находят незаконченной и нуждающейся в прояснении. Но в переводе Рассела «Некто написал Веверлея и некто был поэтом и никто другой не написал Веверлея» суть посылки, наложенной на описательную фразу, в том, что она заменяет слова, которые логике называются связанными переменными, а именно такие слова, как «что-то», «кто-то», «никто», «ничто», «все»¹⁰. Эти слова даже приблизительно не означают и не подразумевают имени автора Веверлея; они отсылают нас к сущностям с некоторой умышленной двусмысленностью, свойственной им. Эти связанные переменные являются несомненно составной частью языка, и нельзя оспаривать наличие у них значения по крайней мере контекстуального. Но и их осмысленность ником образом не предполагает существования им автора Веверлея, ни Купола в колледже Беркли, ни каких-либо других специфически предопределенных объектов. Там, где дескрипции имеют место, не представляет труда признать существование некоей сущности или отрицать существование некоей сущности или отрицать это существование. «Есть

¹⁰ Эти слова имеют очень важное значение в философии Куайна. Они называются кванторами и указывают на ту область объектов, которая ими связывается: один предмет, несколько предметов или все предметы. Куайн придавал очень большое значение квантификации. Он считал ее по-своему индикатором существования или несуществования предмета. То есть, по его мнению, существующими можно считать только те объекты, которые поддаются квантификации, то есть, грубо говоря, те, которые можно сосчитать. Отсюда знаменитый онтологический афоризм Куайна: «Быть значит быть значением связанной переменной».

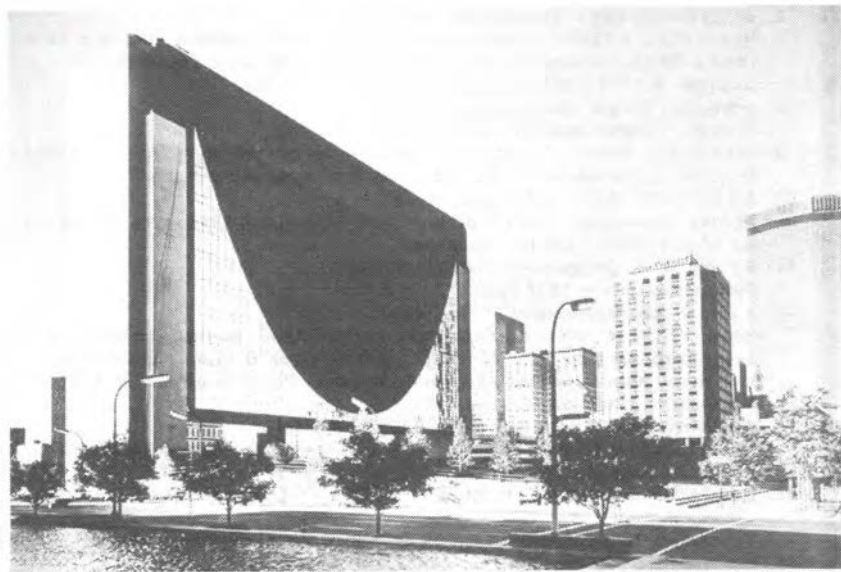
⁹ Доведение до нелепости.

автор Веверлея» объясняется автором так, что «Кто-то или, точнее, что-то написало Веверлея». «Автора Веверлея нет» объясняется соответственно как альтернатива: «Либо ни одной вещи не удалось написать Веверлея, либо две или больше вещей написали Веверлея». Эта альтернатива ложна по сути, но имеет смысл и не содержит выражения, означающего имени автора. Предложение «Круглого квадратного купола нет» анализируется таким же образом. Бытующее убеждение о том, что доказательства существования несуществующего саморазрушаются, можно выбросить за борт. Когда утверждения о существовании или несуществовании анализируются в соответствии с теорией дескрипций Рассела, то из утверждения исключается всякое выражение, которое может служить намеком на имя сущности, существование которой находится под вопросом. Таким образом, осмысленность

утверждения не может далее пониматься нами как предполагающая возможное существование данной сущности. Как же обстоят дела с Пегасом? Будучи более словом, нежели дескриптивной фразой, Пегас едва ли может служить объектом дискуссии. Тем не менее, можно без всякого труда заняться им. Все, что мы должны сделать, это перефразировать Пегаса как дескрипцию, и таким образом мы адекватно и достаточно ясно сумеем выразить нашу мысль. Скажем, «Крылатый конь, которого поймал Беллерофонт». Заменяя слово «Пегас» в данной фразе, мы можем непосредственно перейти к анализу утверждения «Пегас есть», «Пегаса нет» по аналогии с анализом Рассела — «Автор Веверлея есть» и «автора Веверлея нет».

(...)

Перевод с английского Эмили
Подготовка текста и комментарии
Вадима Руднева

Архитектура Гунара Биркерта. Федеральный резервный банк в Миннеаполисе, штат Миннесота, США. 1968 г.

Фото Яниса Эйдукса

КАРТОТЕКА ЮРАСОВА VIII

1. АДЖУБЕЛЬ Владимир Андреевич [1898 — ?]
Счетовод Смоленского облспопкома. Репрессирован ОГПУ в 1930 году.
2. АЛДЕР Эрнст Петрович [? — 1938 «ВМН» (по приговору «Двойки»)
Член КПСС с 1906 г. Работал сторожем на хлебозаводе в Пскове. Арестован 12 декабря 1937 года.
3. АЛЬБЕРТС Пауль Янович [1901—1941 «ВМН»]
Служащий (г. Рига). Арестован в 1940 году НКВД.
4. АЛЪТМАН Мартын Робертович [1892 — 2 июля 1937 г. «ВМН»]
Член КПСС. Партийный работник (г. Харьков).
5. АМБЕРГ Е. С.
Расстрелян в 1937 году.
6. АМБОЛЬТ Евгений Федорович [?—1937 «ВМН»]
Технический директор завода № 23 г. Москвы [1936 г.].
7. АНДЕРСОН Карл Эрнестович [1899—?]
Член КПСС с 1919 г., полковник. Участник гражданской войны, с 1918 года в РККА. Начальник полковой школы, командир Горнокавказской дивизии в 1929—1937 гг. Арестован в 1937 году.
8. АНМАНН (годы жизни неизвестны)
Боксер. Репрессирован МГБ СССР в 1948 году.
9. АПЛУЦАН Антон Франкович [1901 — 16 сентября 1938 г. «ВМН»]
Плотник Борисовского промколхоза Красноярского края.
10. АПОЛЕНИС Любовь Петровна [1902—?]
Жила в Новосибирской области. Репрессирована в 1953 году, осуждена на 10 лет ИТЛ. Реабилитирована.
11. АРИНЬ В. П. (годы жизни неизвестны)
Репрессирован в 1937 году.
12. АУНС Карл Францевич [1895—1937]
Член КПСС с 1918 г. Участник гражданской войны. Госарбитр в Госарбитраже при СНК РСФСР (г. Ленинград). В 1936 г. окончил Всесоюзную правовую академию в Москве. Репрессирован в 1937 г., посмертно реабилитирован.
13. АУШКАП Жан Карлович [1898—1938 «ВМН»]
Член КПСС с 1928 г. Работал начальником чертежного бюро Харьковского электрозавода.
14. БАЛТАЙС Александр Иванович [1881—1938 «ВМН» (по приговору «Двойки»)
Работал в Томинской артели «Экспорт» Красноярского края.
15. БАЛТАЙС Альфонс Оттович [1912—1938 «ВМН»]
Бригадир совхоза Красноярского края.

16. БАРИТ Эмма Юлиановна [1902—?]
Работала врачом в поликлинике г. Москвы. Арестована в 1937 году.
ОСО — 10 февраля 1938 года. Муж расстрелян.
17. БЕККЕР-ГРАНС Анна [1879—1956]
Член КПСС с 1904 г. Участница революционного движения в Латвии.
Жена Беккер-Гранса Г. С., погибшего в 1937 г. До 1937 г. жила в Москве.
18. БЕКЛАУ Агриппина Петровна [1903—?]
Рабочая Томской железной дороги. Репрессирована НКВД в 1944 году.
19. БЕРЗИН Христиан Христианович [1886—1937 «ВМН»]
Лоцман Мурманского торгового порта. Арестован ОГПУ в 1934 году.
20. БЕРЗИНСКИЙ Павел Янович [годы жизни неизвестны]
Рабочий, жил в Латвийской ССР. Арестован МГБ Латв. ССР в 1946 году.
21. БИРКЕНФЕЛЬД Христиан [годы жизни неизвестны]
Агроном. В 1937 году арестован УНКВД по г. Москве.
22. БИТТЕ Альфред Александрович [1899—1938 «ВМН»]
Рабочий станции Балай Красноярской железной дороги.
23. БЛАКЕ Вильма [1910—?]
Жена Блакиса Я. Школьная учительница. Репрессирована в 1941 году,
реабилитирована.
24. БЛАКИС Ян [1909—?]
Директор средней школы г. Рауде Латвийской ССР. Арестован в
1941 году, реабилитирован.
25. БЛАУ Роберт Михайлович [1900 — 3 апреля 1938 г. «ВМН»]
Арестован в 1937 году.
26. БОЛГЗД Я. П. [годы жизни неизвестны]
Репрессирован в 1936 году, реабилитирован.
27. БРИГИС А. И.
Работал в Госплане СССР (г. Москва). Погиб в 1937 году.
28. БУДЛЕВСКИЙ Александр Эрнестович [1890 — 26 августа 1936 г.
«ВМН»]
Член КПСС. Инспектор «Колхозцентра». Арестован 16 апреля 1936
года.
29. БУНДЗЕН Иван Юльевич [1904—1938 [по приговору «Двойки»]]
Секретарь Каменно-Горновского сельсовета Красноярского края.
30. БУРНЕВИЦ Ян Эрнестович [?—1938 «ВМН»]
Работал на заводе станочником. Арестован в Москве.
31. БУШЕВИЦ Эрнст Эрнстович [годы жизни неизвестны]
Жил в Латвии. Репрессирован в 1941 году, реабилитирован.
32. ВАВЕР Ян Берхардович [1899—?]
Репрессирован в 1946 г., осужден на 10 лет ИТЛ, реабили-
тирован.
33. ВЕЛЬМ [АДАМСОН] Карл [1898—1942 [?]]
Член КПСС с 1928 г. Работал в Латвийской секции ИККИ. Арестован в
Москве в 1937 году.
34. ВЕРЗЕМНИЕК Ю. И. [годы жизни неизвестны]
Репрессирован в 1937 году.
35. ГАНЗЕН Альфред Георгиевич [?—1937]
Участник гражданской войны. Арестован в 1937 году.
36. ГАРМИЗА-БЕРЗИНА Роза Абрамовна [1888—1942 [в ИТЛ]]
Член КПСС с 1917 г. Участница революционного движения с 1906 года.
Жена Берзина Я. А. [1881—1938]. Арестована 16 марта 1938 года в
Москве.
37. ГАУН А. А.
Расстрелян в 1937 году.
38. ГЕТТЛЕР Адольф Эрнестович [1883—?]

- Участник революционного движения 1917 года. Работал в Харьковском книгоиздательстве. Арестован в 1937 году.
39. ГИПСЛИС Александр Августович [?—1938 «ВМН»]
Брат Гипслиса П. А. Капитан судна Балтийского пароходства.
 40. ГИПСЛИС Альма Яковлевна [годы жизни неизвестны]
Жена Гипслиса П. А. Арестована в 1938 году как «ЧСИР» [член семьи изменника Родины], осуждена на 8 лет ИТЛ.
 41. ГИПСЛИС Петр Августович [?—1938 «ВМН»]
Капитан судна Каспийского пароходства.
 42. ГРАВИТ А. М.
Расстрелян в 1937 году.
 43. ГРЕДЗЕН И. Э. [?—1937]
Член КПСС с 1912 г. Делегат XVI съезда ВКП(б). Репрессирован в 1937 году, посмертно реабилитирован.
 44. ГРИГУС [годы жизни неизвестны]
Личный шофер М. Н. Тухачевского. Арестован в 1937 году.
 45. ГРИНШТЕЙН Карл Эмильевич [1886—1938]
Член КПСС с 1903 г. Участник революционного движения в Латвии в 1905—1907 гг. В 30-е годы жил и работал в СССР. Репрессирован в 1937 году, посмертно реабилитирован.
 46. ГРИСЕВИЧ Г. П. [?—1940]
Член КПСС с 1917 г. Делегат XVI съезда ВКП(б). Начальник политотдела гражданского воздушного флота СССР. Арестован в 1938 году, посмертно реабилитирован.
 47. ГРИШКО Петр [?—1937 ?]
Член КПСС. Участник гражданской войны.
 48. ГРУНДМАН Антон Микелевич [1913—?]
Крестьянин. Репрессирован в 1953 году.
 49. ГРУСС Фридрих Карлович [?—1938 «ВМН»]
Член КПСС. Управляющий трестом «Марганец» в г. Никополе.
 50. ДАРГИС Станислав Иосифович [1895—1938 «ВМН»]
Член КПСС с 1928 г. Стрелок охраны станции Лозовая Южной железной дороги. Арестован в 1938 году.
 51. ДАУГЕЛЬ-ДАУГЕ А. Г. [1887—1942 ?]
Член КПСС с 1905 г. Директор Центрального архива кинофотодокументов. Арестован в 1937 году в Москве.
 52. ДЕГЛАВ Яков Александрович [1914—1938 «ВМН»]
Работал в Томинской артели «Экспорт» Красноярского края.
 53. ДЗЕНИС Роберт Иосифович [1892 — 29 апреля 1938 г. «ВМН»]
Член КПСС с 1913 г. Механик тракторного парка [Подольский район Московской области].
 54. ДИЦМАН Яков Иванович [? — 15 января 1938 г. «ВМН»]
Член КПСС. В 1934—1937 гг. — начальник Сталинградского крайземуправления.
 55. ДРАВЕРТ Леонид Петрович [1901—1938 «ВМН» [по приговору «Двойки»]
Экономист конторы «Заготскот» (г. Уфа).
 56. ДУЦИС Альфред Иванович [1900 — 27 ноября 1938 г. [в ИТЛ]
Заместитель главного бухгалтера треста Главсахар г. Очаково Московской области. Арестован 3 марта 1937 г., осужден на 8 лет ИТЛ.
 57. ДЫМЗЕ Эмма Эрнестовна [1888—1938]
В 1938 году расстреляна.
 58. ЖЕЙЦ Алберт Ангевич [1899 — 16 апреля 1937 г. «ВМН»]
Дорожный мастер железной дороги [Кировская область].
 59. ЗВЕДРИС Петр [годы жизни неизвестны]
Репрессирован НКВД СССР в 1944 году.

60. ЗВЕЙНЕК Эрнест Карлович [1917—1938 «ВМН»]
Сын Звейнека К. Р. [1882 г. р.]. Работал в каменно-горновском колхозе Красноярского края.
61. ЗВИРБУЛЬ Адольф Юрьевич [1895—1937 ?]
Заместитель начальника службы движения Сталинградской железной дороги. Репрессирован в 1937 г., осужден на 10 лет ИТЛ, посмертно реабилитирован.
62. ЗВИРГЗДЕ Освальд Петрович [?!—1937 «ВМН»]
Член КПСС с 1917 г. Член КПК при ЦК ВКП(б) по Оренбургской области.
63. ЗЕУЛИН Леонард Павлович [1929—!]
Ученик сельской семилетней школы Моршанского района Тамбовской области. Репрессирован в 1949 г., осужден на 10 лет, реабилитирован.
64. ЗИБЕРТ Ольга Ивановна [годы жизни неизвестны]
Член КПСС. Работала в ГИЗе, секретарь парткома. Репрессирована Московским УНКВД в 1937 году.
65. ЗИЙБЕРГ К. К. [1892—1938]
Член КПСС с 1917 г. Репрессирован в 1937 г., посмертно реабилитирован.
66. ЗИЛГАЛВ Роберт Петрович [?!—1937]
Член КПСС. Участник гражданской войны, с 1918 года в РККА. Полковник [1935 г.]. Посмертно реабилитирован.
67. ЗИЛЕ Иоганн Янович [1895 — 7 февраля 1938 г. «ВМН»]
Член КПСС. Начальник участка строительства УШОСДОРа НКВД УССР. Арестован 7 января 1938 года.
68. ЗИНГИС Е. Ю. [?!—1938 «ВМН»]
Член КПСС с 1918 г. Нарком коммунального хозяйства Карело-Финской АССР. Арестован НКВД в 1937 году.
69. ЗОНБЕРГ Федор [1908—1930]
Студент. Репрессирован ОГПУ СССР в Ленинграде в 1926 году.
70. ИГНАТЬЕВ Юрий Арвидович [1928—!]
Жил в Латвийской ССР. В 1949 году репрессирован МГБ Латвийской ССР.
71. ИРГЕНС Адольф Янович [годы жизни неизвестны]
Рабочий в г. Риге. Репрессирован в 1950 году, реабилитирован.
72. КАЛНИН Иван Иванович [1900 — 16 ноября 1937 г. «ВМН»]
Член КПСС с 1919 г. Военинженер 2-го ранга, работал в НИИ связи РККА.
73. КАЛНИН Стефан Яковлевич [1893—1938 «ВМН»]
Член КПСС. Латышский красный стрелок, участник гражданской войны. Работал инженером в Москве. Арестован в 1938 году.
74. КАЛНИНА Эмилия Петровна [1893—1971]
Жена Калнина С. Я. Домохозяйка. Арестована в 1938 году и выслана как «СОЭ» [социально опасный элемент].
75. КАРКЛИНА Валентина Ильинична [1902—1987]
Жена Карклина Р. Я. Домохозяйка. Арестована 13 февраля 1938 года, осуждена ОСО при НКВД на 8 лет ИТЛ.
76. КАРКЛИН Роберт Янович [1892 — 15 февраля 1938 г. «ВМН»]
Член КПСС с 1914 г. Работал в Госбанке СССР. Арестован 8 декабря 1937 года.
77. КАСЬЯНОВ Сергей Сергеевич [1914—!]
Главный инженер-конструктор Управления промкооперации при Совмине Латвийской ССР. Репрессирован в 1946 году, реабилитирован.
78. КАТЛАПС Кристиан Карлович [годы жизни неизвестны]
Хирург санчасти. Репрессирован в 1948 году МГБ СССР.
79. КАУЛИН Август Михайлович [годы жизни неизвестны]

- Работал в системе Кировского пункта «Заготзерно». Репрессирован в 1937 году, реабилитирован.
80. КАУЛЬ Александр Иосифович [годы жизни неизвестны]
Репрессирован в 1942 году, реабилитирован.
 81. КВАСТ Петр Готлибович [1890 — 11 сентября 1938 г. «ВМН»]
Работал в системе Московско-Донбасской железной дороги. Репрессирован в 1937 году, посмертно реабилитирован.
 82. КИКУТ Александр Августович [1895—1938 «ВМН»] (по приговору «Двойки»)

Брат Кикута В. А. Работал в томнинской артели Красноярского края.
 83. КИКУТ Владимир Августович [1909—1938 «ВМН»] (по приговору «Двойки»)

Работал в томнинской артели «Экспорт» Красноярского края.
 84. КИРШТЕЙН Лина [1884—1943 (?)]
Член КПСС с 1903 г. Участница революционного движения с 1900 года. В 1931—1937 гг. жила и работала в Москве. Пенсионерка. Репрессирована в 1937 году, посмертно реабилитирована.
 85. КИСЕЛС Эмма Эрнестовна [1910—?]
Работала дворником в Риге. Репрессирована в 1946 году, осуждена на 10 лет ИТЛ, реабилитирована.
 86. КЛЯВИН Альфред Андреевич [1904—1938 «ВМН»]
Член КПСС с 1928 г. Председатель ЦК комсомола Латвии в КИМе.
 87. КОРНС Ирина Андреевна [1907—?]
Медсестра здравпункта Игарского лесокомбината. Репрессирована в 1946 году, осуждена на 8 лет ИТЛ, реабилитирована.
 88. КОЦИНЬШ Леонард Бенедиктович [1906—1942 «ВМН»]
Командир роты стрелкового полка. Репрессирован в 1941 году, посмертно реабилитирован.
 89. КРАВЕЦ-РЕЙНГАРД Лидия Кришьяновна [1885—1937]
Член Бунда [1904 г.]. Член ВОПС [1929 г.]. Репрессирована в 1937 году, посмертно реабилитирована.
 90. КРАЙС Альфред Карлович [1889—1937]
Член КПСС с 1905 г. Член ВОПС [1933 г.]. Репрессирован в 1937 году, посмертно реабилитирован.
 91. КРАСТЫНЬ Август Янович [?—1937]
Член КПСС с 1905 г. Член ВОСБ [1933 г.]. Жил в Краснодаре. Репрессирован в 1937 году, посмертно реабилитирован.
 92. КРАСТЫНЬ Аркадий Иванович [?—1937]
Член КПСС с 1912 г. Участник революционного движения в Москве. Находился на руководящей хозяйственно-партийной работе. Репрессирован в 1937 году, посмертно реабилитирован.
 93. КРАСТЫНЬ Ян Петрович [1890—1937]
Член КПСС с 1912 г. Член ВОСБ [1933 г.]. Жил в Москве. Репрессирован в 1937 году, посмертно реабилитирован.
 94. КРАУТМАН Эрих Янович [1898—1948 [в Коми АССР]
Член КПСС с 1918 г. Полковник. Участник гражданской войны, с 1918 года в РККА. До 1946 года — на командно-штабных должностях. Посмертно реабилитирован.
 95. КРЕГЕР Андрей Андреевич [1882—1940 (?)]
Член КПСС с 1918 г. Работал в НК РКИ СССР [1933 г.]. Арестован в 1937 году.
 96. КРЕМЕРИС Ян Андреевич [1905—?]
Колхозник Латвийской ССР. Репрессирован в 1945 году, осужден на 7 лет ИТЛ, реабилитирован.
 97. КРИСТЕР Арнольд Эдмундович [1886—1937 «ВМН»]

- Профессор Киевского института народного хозяйства. Председатель Комиссии права УССР.
98. КРИСТИН Артур Мартынович [1910—1938 «ВМН»]
Ремонтный рабочий станции Балай Красноярской железной дороги.
99. КРОГЗЕМ Петр Иванович [1899—?]
Колхозник Смоленской области. Репрессирован ОГПУ в 1930 году.
100. Кронис Роберт Петрович
Расстрелян в 1937 году.
101. МЕЗИС Мария [1887—1944]
Член КПСС с 1904 года. Необоснованно репрессирована в 1938 году.
102. МЕРКАЛИН Сергей Эрнестович [1918—?]
Музыкант Кронштадтского укрепрайона. В 1937 году репрессирован, осужден на 10 лет ИТЛ. Реабилитирован.
103. МЕРКАЛН Роберт Андреевич [годы жизни неизвестны]
Жил в Латвийской ССР. В 1941 году незаконно репрессирован. Реабилитирован.
104. МЕШЛАУК Валентин Иванович [1899—1937]
Брат Мешлаука В. И. [1893 г. р.]. Работал в Москве. Посмертно реабилитирован.
105. МЕШЛАУК Валерий Иванович [1893—1938]
Родился 20 февраля 1893 г. в Харькове. Член КПСС с 1917 года. Заместитель председателя ВСНХ СССР. Заместитель председателя СНК и СТО СССР. Председатель Госплана СССР в 1934—1937 гг. Член ВЦИК и ЦИК СССР. Погиб 29 июля 1938 года. Посмертно реабилитирован.
106. МЕШЛАУК Иван Иванович [1891—26 апреля 1938 г.]
Член КПСС с 1918 г. Брат Мешлаука В. И. Участник гражданской войны. Работал в КСК при СНК СССР, член ЦИК СССР. Делегат XIV—XVII съездов ВКП(б). Незаконно репрессирован в 1937 году, расстрелян. Посмертно реабилитирован.
107. МЕШЛАУК Корнелий Иванович [1905—1952]
Брат Мешлаука В. И. Работал в Москве. Незаконно репрессирован в 1937 году. Реабилитирован.
108. МЕШУЛЕ Альвина [1909—1937 ?]
Член КПСС с 1930 г. Журналист, жила в Горьком. Незаконно репрессирована в 1937 году. Посмертно реабилитирована.
109. МЕШУЛИС Константин [1904—1937]
Член КПСС с 1926 г. Незаконно репрессирован в 1937 году. Посмертно реабилитирован.
110. МИЛЬКЕ Адольф Петрович [1886—18 ноября 1942 г. «ВМН»]
Необоснованно репрессирован в 1941 году. Реабилитирован.
111. МИЛОБЕНДЗСКИЙ Яков Рудольфович [1890—?]
Капитан парохода «Л. Красин». В 1937 году репрессирован, осужден на 10 лет ИТЛ. Реабилитирован.
112. МИНТЭ К. Г. [годы жизни неизвестны]
Член КПСС. Работал в Наркомземе СССР. В 1941 году незаконно репрессирован. Реабилитирован.
113. МИРАМ Ян [1893—18 сентября 1938 г. «ВМН»]
Член КПСС с 1910 г. Участник революционного движения в Латвии в 1913—1919 гг. С 1919 года — в Загранбюро ЦК КП Латвии. С 1922 года — в рядах РККА. Арестован в 1937 году.
114. МУРЕВСКИЙ Вольдемар [1905—1940 ?]
Писатель. Репрессирован в 1937 году.

{Окончание следует}

ВЧИТАЙТЕСЬ В СЛОВА НАШЕГО ГИМНА!

Государственный гимн — это своеобразный символ страны, поэтому текст его должен быть тщательно выверен, слова не должны звучать двусмысленно (или бессмысленно — в виде красивого набора) и конъюнктурно.

Текст Гимна Советского Союза был сочинен в год коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны (1943 г.) и, естественно, отражал идеологию культа личности Сталина. Гимн был создан по прямому распоряжению Сталина, текст отредактирован его собственной рукой. В докладе на закрытом заседании XX съезда КПСС Н. С. Хрущев коснулся и этой темы и заверил съезд, что Президиум ЦК принял решение о создании нового текста гимна. Однако после XX съезда в течение почти двадцати лет мы вообще обходились без слов гимна, довольствуясь мелодией. А произведенный лишь в 1977 году «косметический ремонт» текста не смог скрыть заложенные в нем культовые идеи. Сегодня скрытые дефекты гимна стали еще более заметны. Прочтем внимательно некоторые его строки.

Вот первая строфа: «Союз нерушимый республик свободных / Сплотила навеки Великая Русь». Сразу возникают вопросы: почему Русь, а не Россия? Почему именно Русь — Великая? А Украина, Грузия, Латвия . . . они что, не великие? Откуда это? Из выступлений Сталина военной поры. В ноябрьском докладе 1941 года он говорил о «великой русской нации». В его выступлениях встречаются: великие предки (русские полководцы), великий Ленин, великая Родина, великий советский народ — сплошное «величие». После победы Сталин провозгласил тост только за здоровье русского народа, как «руководящего народа», как «выдающейся нации».

А остальные народы, не заслужившие благодарности вождя, какие? Не здесь ли корни межнациональных конфликтов? Еще в марте 1938 года, после введения в СССР обязательного и повсеместного обучения русскому языку (с целью укрепления дружбы народов), Н. К. Крупская в письме Сталину высказывала свое беспокойство по поводу того, что уже начинается «показывать немного рожки великодержавный шовинизм».

В Конституции СССР записано, что Советский Союз — это «единое многонациональное государство, образованное . . . в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных республик». Это обстоятельство отражено и в тексте гимна: «Созданный волей народов единый, могучий Советский Союз». Сегодня «воля народов» на поверку оказывается все тем же волюнтаризмом, а можно сказать и резче.

Далее, припев: «Славься, Отечество наше свободное, / Дружбы народов надежный оплот!» Дружба народов — это прекрасно. Если бы не одно но . . . О «дружбе народов» Сталин говорил неоднократно, особенно в годы войны. По его мнению,

даже неудачи Красной Армии в первый период войны укрепили дружбу народов. Но каким надо быть лицемером, чтобы говорить о дружбе, репрессировав целые народы, натравливая один народ на другой. Плоды такой «дружбы» мы пожинаем и сегодня. Характерны слова из выступления на Съезде народных депутатов первого секретаря ЦК КП Литвы А.-М. Бразаускаса: «... наша общая история времен сталинщины завязала ряд узлов недоверия между республиками».

«Партия Ленина — сила народная». Почему? Эта строка представляет собой вульгаризированный, до предела упрощенный пересказ одного из положений Устава КПСС, принятого на XXII съезде КПСС: партия — «руководящая и направляющая сила советского общества». Этот тезис сохранен и в последней редакции Устава. Он вошел и в новые тексты Конституции СССР и Программы КПСС. Весьма характерно, что академик А. Сахаров на Съезде народных депутатов потребовал эту статью о «руководящей роли» и «силе» из Конституции изъять. И он не одинок в этом требовании.

Идеология «силы» сразу стала очень популярной. Она нашла свое отражение и в известной официальной песне: «Партия — наша надежда и сила, / Партия — наш рулевой». Отношение же к этому тезису ярко показано в опубликованном в журнале «Новый мир» (№ 4, 1989 г.) очерке В. Шубкина: «Многие не только не верят в благие намерения общественных институтов и организаций, но рассматривают их как враждебные, непонятно по какому праву господствующие над ними силы».

Словом, можно долго и подробно анализировать текст гимна. Бессмысленные повторы, например в четырех строках припева слов «народов» — «народная», а перед этим в строфе — «волей народов» (впрочем, поговорить о народе у нас всегда любили), или «идеи коммунизма» следуют за «торжеством коммунизма», при этом «всегда» и «беззаветно» — в общем, словом в нашем гимне просторно, а мыслям тесновато.

Ясно одно — текст гимна нуждается в серьезном переосмыслении и переработке. подобно многим основополагающим государственным документам, принятым в прошлые, недоброй памяти времена.

А. Н. Шустов,
г. Ленинград

«ПО НЫНЕДЕЙСТВУЮЩЕМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ»

Семья моего отца, латыша по национальности, после гражданской войны проживала в Москве, где я и родился, а в 1938 году стал сыном «врага народа». Прилагаю известные мне краткие сведения о судьбе отца.

Родился Жан Янисович Озол в 1894 году в усадьбе Крусин, Вильциской волости, Курляндской губернии Латвии в семье крестьянина. Учился в Либавском коммерческом училище, зарабатывая с пятого класса уроками, затем в Московском коммунальном институте на техническом факультете. В мае 1916 года призван на военную службу, направлен в Одесскую школу прапорщиков, после ее окончания зачислен в 5-й Сибирский запасной стрелковый полк, а в июле 1917-го направлен на Западный фронт, где был взводным командиром до демобилизации старой армии в феврале 1918 года. Тут же вступил в Красную Армию, в конце 1918 года ушел на Западный фронт в составе Интернациональной дивизии. В Красной Армии работал комиссаром штаба армейской группы Латвии, затем штаба 15-й армии и комиссаром ВНУС штаба РККА.

Демобилизован в 1921 году и направлен ЦК партии на учебу в Институт народного хозяйства им. Плеханова по циклу районных электростанций. Работал в проектно-отделе Главэнерго, проектно-управлении Энергостроя. В 1929 году командирован ВСНХ в Германию для повышения квалификации, до 1930 года работал в фирме Сименс—Шукерт. По возвращении в СССР вновь работал в управлении Энергостроя, директором ГОГРЭС, с августа 1935-го и до ареста — зам. управляющего ОРГРЭСа НКТП СССР. Член ВКП(б) с 1917 года.

20 января 1938 года ушел из своей московской квартиры по вызову в райком партии и был арестован. Через месяц после ареста по постановлению НКВД и проку-

рора СССР его расстреляли, а родственникам сообщили, что он осужден на «10 лет без права переписки». В 1956 году Ж. Я. Озол был посмертно реабилитирован, а родственникам сообщили, что он умер в лагерях 22 октября 1941 года. Еще через 33 года, в 1989 году, было сообщено, что Ж. Я. Озол был в 1938 году подвергнут расстрелу за якобы шпионскую деятельность, а в 1961 году он был реабилитирован в партийном отношении посмертно.

Все мои многократные попытки в 1988—1989 гг. ознакомиться с «делом» моего отца, хранящемся в КГБ, так и не увенчались успехом. В апреле 1989 года я получил официальный ответ от начальника отдела УКГБ СССР по г. Москве и Московской области Р. М. Мефодичева, что «по нынедействующему законодательству ознакомление с архивными уголовными делами не допускается».

Соккрытие сведений, содержащихся в архивных материалах, оставшихся после уничтожения миллионов невинных жертв сталинской эпохи, по меньшей мере является надругательством над их памятью. Мало того, что такие люди, как мой отец, расстреляны без суда (просто по постановлению), и неизвестно даже, где они захоронены, так сейчас, когда уже более четверти века их «дела прекращены ввиду отсутствия состава преступления», ввиду того, что в свое время они были просто сфабрикованы, их почему-то органы КГБ считают «уголовными».

Я призываю всех честных людей бороться за полное рассекречивание таких «уголовных» дел — документов последних дней жизни жертв. Это наш гражданский долг.

П. Ж. Озол, ветеран труда, пенсионер

ЛАТЫШИ НОРИЛЬЛАГА

В мартовском номере «Даугавы» прочитал о судьбе латышей, попавших в Норильск. В 1943 году, после того как мне заменили расстрел 10 годами лагерей, я попал в Норильск. Здесь я очень близко сошелся с врачами — латышами и эстонцами, я сам — врач-хирург. Прожил с некоторыми по несколько лет. Хорошо понял их и проникся глубокой симпатией.

Не могу оспорить факт массовых расстрелов латышей в Норильске, в 1941 г. там не был. Но всем было известно о массовой смертности среди прибалтийцев. В большинстве своем не имея никаких специальностей, кроме военной, они, естественно, направлялись на самые тяжелые работы в карьеры, шахты и были обречены. Позже, когда производство наладилось, кое-кто из офицеров приобрел такие профессии, как нормировщик, диспетчер, чертежник, и им стало легче. Но выжить в непривычных условиях и при неполноценном питании, конечно, было очень трудно. Некоторых (наиболее крупные чины) определили в район озера Лама варить хвойный экстракт для профилактики цинги. Там их в большинстве и застала кончина. Выжил из немногих латышский подполковник Ранкевич (?), мы его потом приспособили в санчасти писарем и уборщиком.

Когда я приехал в Норильск, там еще висел приказ от 41 года о расстреле 183 человек, почти все, вроде, из бандитского сословия. Потом было еще известно о расстреле группы немцев, якобы готовивших что-то диверсионное.

Прилагаю небольшой список тех, с кем работал или общался:

Хейдепримс Фридрих Эрнстович, еще из выпускников дореволюционного Московского университета. Врач-терапевт. Пользовался большим авторитетом и у заключенных, и у начальства лагеря. Лечил и детей начальника лагеря Воронина. Судьба его печальна. По освобождению из лагеря остался там служить, вскоре начались психические расстройства и он умер. Об этом мне рассказала Софья Николаевна Бубиндус, жена, а вероятно вдова, генерала Бубиндуса, сосланная туда же со своим сыном, кажется, зоологом

Фрейманис Петр, зубной врач. Судьбы не знаю, но помню как о прекрасном товарище.

Шлоссерс Ян Янович, терапевт. Знаю, что освободился

Дзенитис (имени не помню), окулист. Работал в центральной больнице лагеря, отличный специалист и порядочный человек.

Пумпурс (имени не помню), врач-гинеколог, тоже еще с дореволюционным стажем

Скалдерс, зубной врач. Жил там как ссыльный, в лагере не работал.

Ирена (Ирина?) Кримс, певица, артистка Рижской оперетты. Пела в хоре театра заключенных, играла в ставившихся там спектаклях.

Гулбис Вера, наша санитарка. Из жен военных.

Калве, инженер-строитель из военных, работал по специальности.

Кирхенштейн, племянник бывшего вашего главы республики, профессора, имел срок — 15 лет каторги.

Много лет прошло, не думал, что придется так вот вспоминать.

П. В. Чебуркин,
ветеран войны и Норильлага

ОТ ГЛАСНОСТИ — К СВОБОДЕ СЛОВА

Хочу вам выразить глубокую признательность за публикацию «Окаянных дней» И. Бунина. Считаю, что пресса в лице журнала «Даугава» сделала чрезвычайно важный первый шаг от «гласности» к свободе прессы и слова. Смее надеяться, что в «Даугаве» будут опубликованы и «Бодался теленок с дубом», и «Ленин в Цюрихе» А. Солженицына

Существует огромный пласт литературы, изданной там, без которой мы — что слепые котята. Что я имею в виду? Период 1917—1924 гг. — белое пятно и сплошь искаженная картина. А ведь издано невероятное количество мемуаров участников гражданской войны, видных российских политических деятелей, фундаментальные труды советологов. Быть может, сейчас мы имеем редчайшую возможность сбросить завесу лжи с этой эпохи — я имею в виду «Март 17-го» А. И. Солженицына . . . Достойным продолжением книги Е. Гинзбург могли бы стать воспоминания О. Волкова (это его мы видели в фильме «Власть Соловецкая»).

Пора снять красные очки и посмотреть трезвыми глазами на себя, на мир — без ссылки на ошибки и отклонения, чтобы решать, что делать дальше. А для этого и нужны такие книги. Нужна свобода слова и прессы.

В. Ильчевский,
г. Царицын

О РАКАХ, ПРИЗРАКАХ И АГЕНТАХ МИРОВОЙ БУРЖУАЗИИ

На днях крутил приемник и поймал «голоса». Зачитывали опубликованное в вашем журнале письмо Бича. Слышимость была очень плохая, но нотки одобрения в адрес Бича расслышал. С чем его можно и поздравить.

Есть народная поговорка: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Оценивая с этой позиции, я бы мог сказать, что ваша редакция и Бич — агенты мировой буржуазии.

Раскладку сил в нынешней политической ситуации можно сравнить с сюжетом басни «Лебедь, рак и щука». В такой ситуации можно очень легко перепутать ориентиры: тащить перестройку как рак, а думать о себе как о лебеде. Увидеть свое действительное место — это удел очень немногих крупных мыслителей, и легко допускаю, что такое ни вам, ни Бичу не по плечу. Но посмотреть и увидеть, кто вас одобряет — это, думается, может каждый. Так за что же вас хвалят «голоса»? Не за то ли, что вы страну тянете в болото? Не за то ли, что вы обливаете грязью историю своей страны?

Прембула «Манифеста коммунистической партии» начинается так: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские

радикалы и немецкие полицейские». Думаю, этот список ваша редакция вместе с Бичем украсит по праву. Какая честь для редакции «Даугавы»: в одной упряжке с папой травить призрака коммунизма! . .

В. Вашкевич, г. Рига

КОГДА ЖЕ ОТРЕАГИРУЮТ «ВЕРХА»?

Читать «Крутой маршрут» Е. Гинзбург невозможно без слез и содрогания. Но тут же возникает и недоумение: до каких пор и по какому праву на карте замордованной сталинской бандой страны будут красоваться имена его сподручных — Калинина и Ворошилова? Ведь известно, что все аресты производились с согласия и одобрения (визирования списков) глав соответствующих ведомств (Калинин — ЦИК, Ворошилов — Наркомат обороны)

И еще возникает вопрос: почему до сих пор нет соответствующей реакции, то есть разъяснения народу роли этих приспособленцев в массовых убийствах и постановки перед народом вопроса, о снятии их имен со всех названий в стране, — от Политбюро, от ЦК, от Совета Министров, от Верховного Совета? Что это — обычная потеря нравственности у лиц, занимающихся большой политикой, или отсутствие времени для ознакомления с известными теперь всему миру фактами? Год назад я посылал письма в Политбюро, Председателю Президиума Верховного Совета СССР, но, как видно, зря тратил время. Может быть, мои письма осели у секретарей, но я не думаю, что это может служить оправданием.

А. Арьев, рабочий-рентгеномеханик,
г. Ленинград

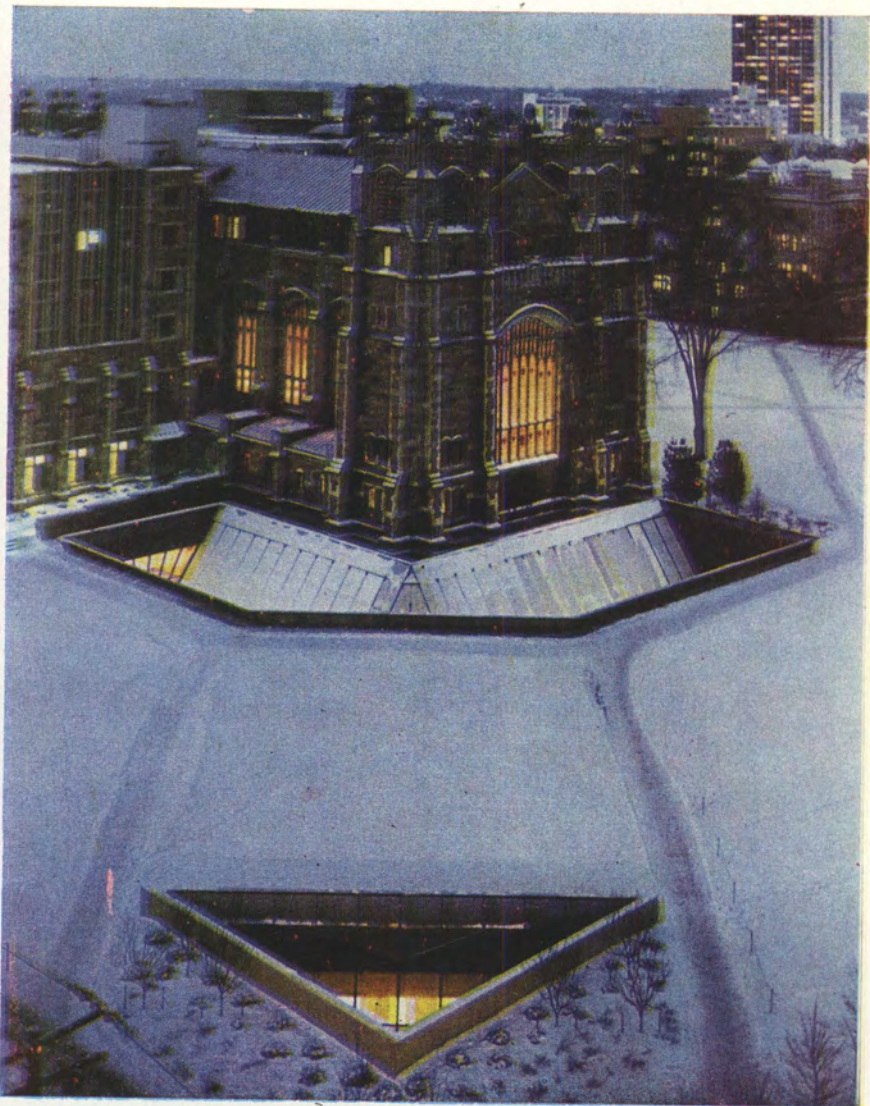
Авторы снимков в тексте: Харийс Бурмейстарс, Артурс Приедитис, Янис Эйдукс

Сдано в набор 05.09.89.
Подписано к печати 02.10.89. ЯТ 00164.
Формат 60×90/16. Типогр. бумага № 1,
мелованная бумага. Офсетная печать.
Обложка и вклейки — высокая печать.
8,0+0,25+0,25 усл.-печ. л., 14,25 усл. кр.-отт.,
11,24 уч.-изд. л. Тираж 80 000.
Заказ № 1617. Цена 45 коп.
Адрес редакции: 226081, Рига, ГСП,
Баласта дамбис, 3.
Телефоны: гл. редактор 466049,
зам. гл. редактора 465913,
отв. секретарь 465996,
отд. прозы и критики 465992,
отд. поэзии 465998,
отд. публицистики 465990,
техн. секретарь 465993.
Отпечатано в тип. Издательства ЦК КП Латвии,
226081, Рига, Баласта дамбис, 3

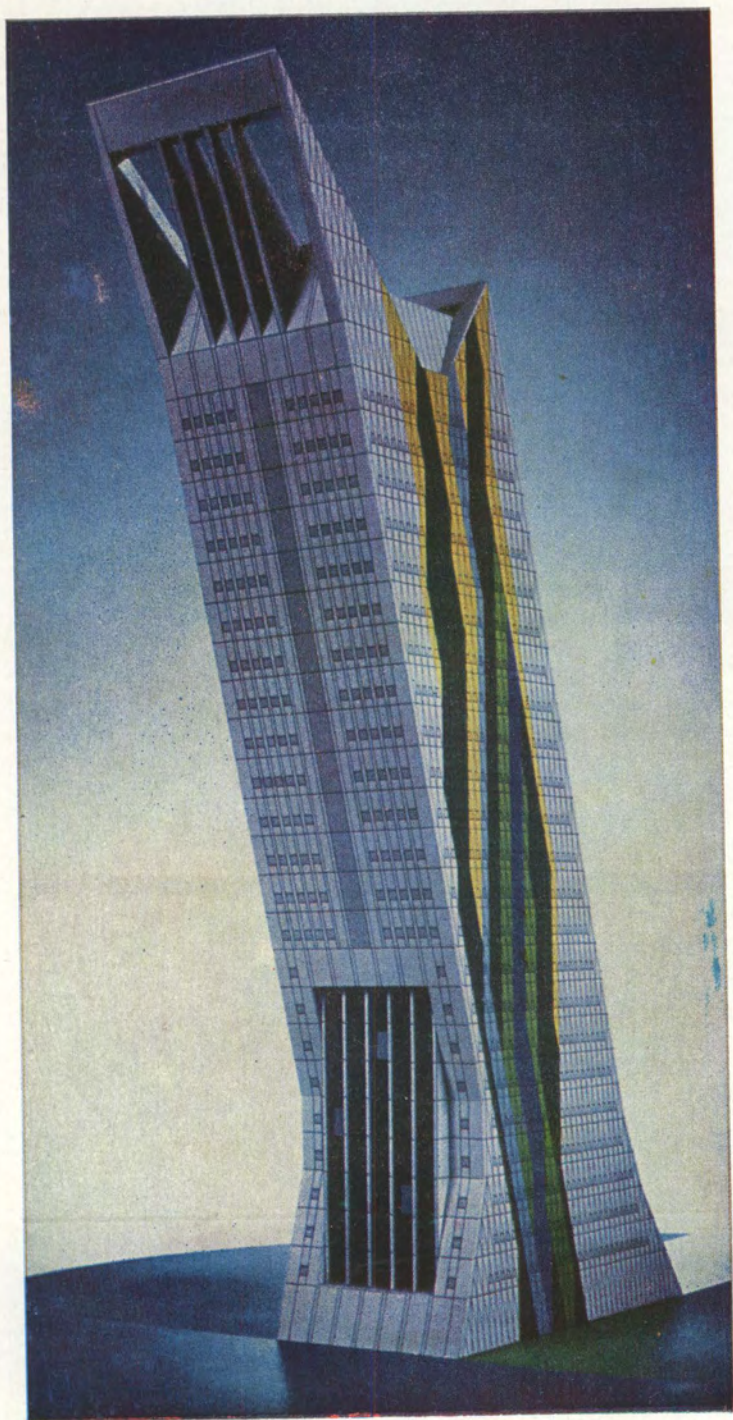
Технический редактор
Мудите АРЯЯ.

Корректор
Любовь СОКОЛОВСКАЯ.

АРХИТЕКТУРА ГУНАРА БИРКЕРТА

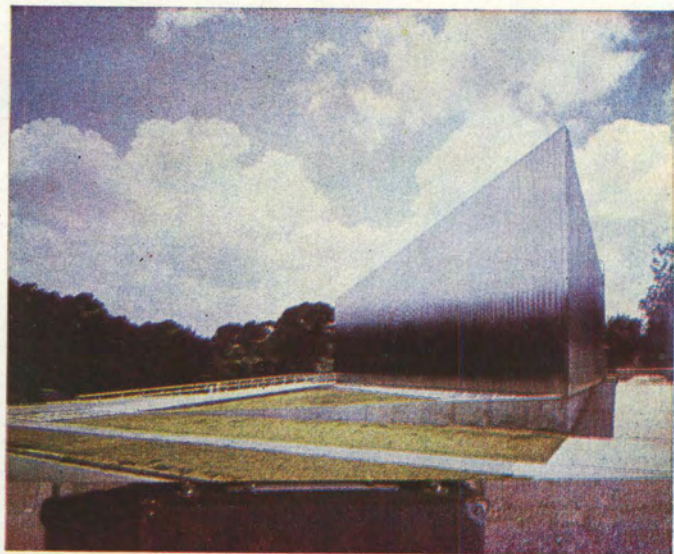
Пристройка
к зданию
юридического колледжа
Мичиганского
университета,
Штат Мичиган, США,
1981 г.

◀ Здание
 штаб-квартиры
 компании
 «Доминос Пицца»
 в Анн Арбор.
 Штат
 Мичиган, США.
 1987 г. (макет).

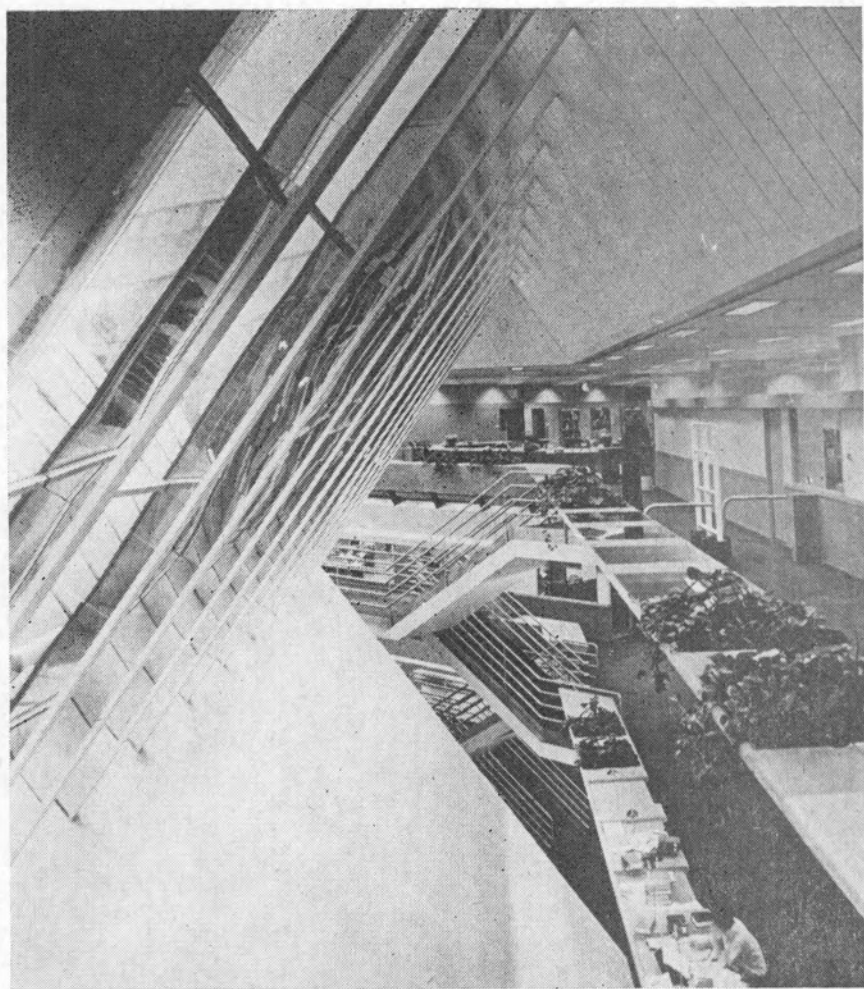
Баптистская
 церковь
 Голгофы
 в Детройте.
 Штат Мичиган,
 США.
 1974 г.

Реконструкция
 площади
 в Хьюстоне.
 Штат Техас,
 США.
 1982 г.

Музей стекла
в Корнингте,
Штат Нью-Йорк,
США.
1987 г. (макет).
ФОТО Яниса Зидукса

Архитектура Гунара Биркерта. Один из элементов дневного освещения в подземной библиотеке юридического колледжа Мичиганского университета, США, 1981 г.

Фото Яниса Эйдунса

45 коп.

Индекс 77123